

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва

УДК [316.48: 34.469: 167.2]

На правах рукописи

ШАКИРОВ СЫМБАТ ЕРКЕБАЕВИЧ

**Социальный конфликт и социальная медиация:
культурфилософский анализ**

6D020400 – Культурология

Диссертация на соискание
степени доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
Академик НАН РК
Г. Есим

Зарубежный научный консультант:
доктор политических наук
профессор,
Т.А. Дронзина,
Болгария, Софийский Университет им.К. Охридского.

Республика Казахстан
Нұр-Сұлтан, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1 СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕДИАЦИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	12
1.1 Конфликт как социально-культурный феномен.....	12
1.2 Место и роль медиации в культурологическом аспекте.....	34
2 СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕДИАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА	51
2.1 Природа проявления конфликтогенности в социокультурной жизни Казахстана.....	51
2.2 Посредничество как социальный институт в культуре казахского народа.....	81
3 СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС МЕДИАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	102
3.1 Казахстанское законодательство и медиация: опыт и его переосмысление в культурологическом аспекте.....	102
3.2 Культура применения медиации в Казахстане.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	150

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:
Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят 4 июля 2014 года, №231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2020 г.).

Закон Республики Казахстан. О медиации: принят 28 января 2011 года, №401-IV (с изм. и доп. по состоянию на 10.2015 г.).

Кодекс Республики Казахстан. О браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, №518-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.12.2019 г.).

Трудовой кодекс Республики Казахстан: принят 23 ноября 2015 года, №414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2020 г.).

Налоговый кодекс Республики Казахстан. О налогах и других обязательных платежах в бюджет: принят 25 декабря 2017 года, №120-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.05.2020 г.).

Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.).

Кодекс Республики Казахстан. Об административных правонарушениях: принят 5 июля 2014 года, №235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.06.2020 г.).

Закон Республики Казахстан. Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: принят 2 апреля 2010 года, №261-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.05.2020 г.).

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия: принят 31 октября 2015 года, №378-V.

Закон Республики Казахстан. О нотариате: принят 14 июля 1997 года, №155-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.01.2019 г.).

Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Кейс (от англ. case – случай) – это отчет (самоанализ) медиатора, описывающий реальную конфликтную ситуацию, технологическую последовательность медиации, ее результаты, лично-значимые изменения у конфликтующих сторон в ходе медиации, анализ эффективности восстановительной программы по обратной связи от участников.

Конфликт – это «вид противодействия самодостаточных субъектов, совершающийся при полном игнорировании человеческого в другом человеке».

Майевтика – метод вопросов, предполагающих критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название «сократовской иронии».

Медиация – это процесс разрешения конфликта с участием нейтральной незаинтересованной стороны, которая призвана содействовать сторонам в принятии взаимоприемлемого решения.

АРС	- альтернативное разрешение споров
ООН	- Организация Объединенных Наций
ЕЭК ООН	- Европейская экономическая комиссия ООН
ГПК	- Гражданский процессуальный Кодекс

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный мир вполне определенно можно квалифицировать как действительность с перманентным нарастанием глобальных проблем и острейших противоречий общественного развития; мир, в котором зримо присутствует социальная разобщенность, расовая и этническая нетерпимость, террор, выливающиеся нередко в драматические социальные и межнациональные конфликты. Многие эксперты склонны видеть ближайшую перспективу мирового развития в углублении конфликта этносов, цивилизаций и культур.

Среди многочисленных подходов научного выявления природы конфликтов обращает на себя внимание возможность определить его проблематику в качестве составляющей предметной области теории культуры.

Важнейшим актуализирующим фактором изучения конфликтов является то, что они возникают практически во всех сферах общественной жизни.

Конфликты перманентно «раздирают» общество, однако большая часть профессиональных конфликтологов склонна достаточно быстро и эффективно сглаживать многочисленные «острые углы», отводя особую роль медиации.

Необходимость изучения медиации и ее роли в урегулировании конфликтов обусловлена современной действительностью, поскольку конфликты часто имеют в основе культурно-цивилизационные различия. Поэтому, сегодня и в перспективе стоят вопросы социального поведения, межэтнического и межконфессионального диалога в обществе. Медиация не приемлет парадигму революционных преобразований и не приемлет силовое решение проблем.

Актуальность темы диссертационного исследования не ограничивается теоретической значимостью изучения феномена конфликта, ибо современная ситуация в области прикладной культурологии ставит перед наукой задачи, связанные с технологиями применения инструментов медиации в ходе социокультурного проектирования и программирования перспектив развития реформируемого общества. Это во многом зависит от уровня способности государственных и других управленческих структур «руководить» процессом регулирования конфликтогенных процессов, направляя их в более или менее комфортное для жизни общества и социальных групп.

Учитывая безусловную актуальность исследуемой проблематики, становится вполне понятным повышенный интерес к ней со стороны специалистов самых различных научных направлений.

Степень разработанности проблемы. Одной из важных предпосылок исследования феномена конфликта является ретроспективный анализ трудов философов прошлого: Августина, С.С. Аверинцева, Аристотеля, Р. Барта, М.М. Бахтина, Р. Бенедикта, К.Боулдинга, Т.Гоббса, Ю.Н. Давыдова, Р. Дарендорфа, Э. Дюркгейма, Г.Зиммеля, А.Г. Здравомыслова, И. Канта, Л. Козера, Н.И. Конрада, К. Леви-Стросса, Дж. Локка, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, К. Маркса, В.М. Межуева, Р. Мертона, Ф. Ницше, А.С. Панарина, Платона,

Е.Б. Рашковского, Г. Риккерта, Д.Б. Рассела, П.А. Сорокина, А.Д. Тойнби, П.А. Флоренского, З. Фрейда, Э. Фромма, М. Хайдеггера, С. Хантингтона, А. Швейцера, О. Шпенглера, К. Юнга, и мн. др.

Культурологическое значение подавляющего числа трудов перечисленных выше исследователей заключается в поисках разрешения проблем, связанных с такой культурой социальных взаимоотношений, которая позволила минимизировать негативные последствия в процессе возникновения всевозможного рода социальных коллизий.

С. Хантингтона полагал, что именно культура будет теперь определять важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов.

Наибольшую известность в западной конфликтологии получили концепции «позитивно функционального конфликта» Л. Козера, «конфликтной модели общества» Р. Дарендорфа и «общей теории конфликта» К. Боулдинга. Общей особенностью этих концепций является признание социального конфликта нормой общественного развития, придание ему значительных функций позитивного характера. Кроме того, в современной западной конфликтологии достаточно отчетливо проявилось полилогическое направление исследования конфликтов, где преимущественное внимание уделено собственной природе этого явления. В США и ряде других стран широкое распространение получило прагматическое направление конфликтологии, в котором внимание преимущественно обращено к проблеме достижения мира и согласия путём переговоров, диалога конфликтующих сторон.

Вместе с тем, российские оппоненты мнения С. Хантингтона – А.С. Панарин [1] и Е.Б. Рашковский [2] отмечают, что тезис о грядущем конфликте цивилизаций скорее постулируется, нежели обосновывается.

Ученые-психологи исходят из логики эмпирического подхода в описании конфликта. Например, такой вариант данного подхода в психологии был, в частности, предложен Л.А. Петровской [3]. Она выделяет четыре категориальные группы: структура конфликта, его динамика, функции и типология. Другой исследователь – А.Я. Анцупов - предложил семь, а затем и одиннадцать групп понятий в психологическом анализе конфликта: сущность, генезис, эволюция, классификация, структура, динамика, функции, информация в конфликте, его предупреждение, разрешение, методы диагностики и исследования конфликта [4].

Анализ причин и возможностей урегулирования конкретных региональных конфликтов предлагает в своих публикациях Н.Б. Банценкин [5].

Рассмотрение внутренней и внешней политики, предупреждение конфликтов в Республике Казахстан, а также анализ взаимодействия различных факторов в этих областях, представлены в трудах М.А. Абишевой, М.Б. Асанбаева, Б.А. Ауелбаева, А.Б. Ерасыловой, К.Д. Исаева, А.К. Кажимураевой, С.К. Кушкумбаева, М.Т. Лаумулина, С.С. Лукпановой, Т.К. Мамираимова, А.А. Морозова, У.М. Нысанбек, Г.Г. Рахматулиной, А.К. Рахимжановой, В.Н. Ситенко, Н.Б. Сейдина, Е.Т. Сейлеханова, Б.К. Султанова, Л.А. Тимофеенко, К.Б. Шеръяздановой.

Методологические основы урегулирования региональных конфликтов разрабатывают В.В. Журкин и М.Б. Ешич. В последние годы политологи последовательно исследуют конфликты в межнациональных отношениях. Например, рассмотрению причин возникновения межнациональных конфликтов посвящены работы Л.А. Байсовой, а особенностям конфликтов на территории бывшего СССР - А.Р. Акмаева. Анализ ситуации в независимом Казахстане представлен в ряде работ казахстанских исследователей: А.П. Абуов, Е.Е. Бурова, Ж.У. Кадыралина, А.Г. Косиченко, Е.М. Смагулов, А.К. Султангалиева, И.Б. Цепкова и др.

В числе социологических работ современных западных исследователей конфликта следует отметить фундаментальный коллективный труд Д. Рубина Дин Пруйт, Сунг Хе Ким, где описывается технология научного анализа «подводных» течений и путей конфликтных ситуаций, предлагается целый набор методов, которые способны вывести противоборствующие стороны на позиции взаимопонимания и сотрудничества [6].

Пионерами научной рефлексии в изучении конфликтов в трудовой сфере являются социологи. Одной из первых работ, посвященных данной проблеме следует считать брошюру П.О. Грифина и М.И. Могилевского «Трудовые конфликты и порядок их разрешения», в которой предлагались решения устранения конфликтов, протекающих в виде стачек и трудовых споров [7].

В современной социологии имеют место исследования по нескольким направлениям: конфликты на производстве, этнические конфликты, конфликты в семейно-брачных отношениях, конфликты «отцов и детей», дихотомия конфликтов власти и народа, организованной преступности и общества и др. В этой связи следует отметить теоретическую и прикладную роль монографии С.В. Соколова «Социальная конфликтология», в которой рассматривается природа и классификация социальных конфликтов, детерминированных социальными противоречиями [8]. Надо заметить, что задачу исследования феномена культурного конфликта автор данной монографии перед собой не ставил.

Анализ социально-культурологических проблем также представлен в работах казахстанских философов, культурологов, социологов, политологов: В.С. Батурина, Г.А. Бейсенова, Т.Х. Габитова, В.Ю. Дунаева, Г. Есима, З.Н. Исмагамбетовой, Р. Кадыржанова, А.Г. Карабаевой, В.Д. Курганской, Г.О. Насимовой, Б.Г. Нуржанова, А.Н. Нысанбаева, Д.С. Раева, М.Б. Сарсенов, М. Шайкемелева.

В процессе исследования не удалось обнаружить научные труды, посвященные комплексному культурологическому исследованию социальных конфликтов, в лучшем случае о них упоминается лишь фрагментарно. Словосочетание «культурный конфликт», хотя встречается в культурологических изданиях и в публицистике, однако фигурирует в узком значении как общий антипод согласия, толерантности и идеала, к которым следует стремиться.

Не претендуя на полную реализацию этой цели, мы надеемся, что усилия, предпринятые в рамках нашей исследовательской программы, принесут пользу

в прояснении некоторых необходимых деталей будущей теоретической и культурологической картины конфликта как такового и роли медиации в его разрешении.

Объект исследования - конфликт как социально-культурный феномен.

Предмет исследования – Социокультурная роль медиации в урегулировании, разрешении социальных конфликтов.

Целью диссертационного исследования является культурфилософский анализ особенностей и закономерностей разрешения социальных конфликтов посредством медиации.

Поставленная цель определила характер следующих **задач**:

– в контексте культурологического подхода проанализировать историю формирования идей о конфликте как социально-культурном феномене и, в этой связи, обратить особое внимание на эволюцию понимания роли посредничества при решении различных социальных конфликтов;

– объяснить в культурологическом контексте причины становления медиации как одного из современных цивилизационных средств при «альтернативном разрешении споров, (конфликтов)»;

– рассмотреть особенности проявления конфликтогенности в жизни современного казахстанского общества;

– раскрыть природу и сущность посредничества как действенного социального института в культуре казахского народа;

– установить роль биев при разрешении ими различного рода жизненных коллизий;

– определить место и роль медиации в становлении правовой культуры Казахстана;

– обосновать востребованность достижений культуры казахского народа в условиях формирования судебно-правовой системы суверенного Казахстана.

Теоретико-эмпирическую базу исследования составили:

– труды зарубежных и отечественных ученых в области философии, истории, психологии, политологии, социологии, конфликтологии, культурологии, медиации;

– законодательные акты;

– публикации СМИ.

Методологические основания исследования. Методологические основы исследования составили концепции социального конфликта («позитивно-функционального» Л. Козера, «конфликтной модели общества» Р. Дарендорфа, «общей теории конфликта» К. Боулдинга). Заявленный предмет исследования обращает к междисциплинарности рассматриваемого феномена. В работе используются как общеполитологические (метод рефлексии), так и социологические методы, а также общетеоретические методы (анализ, синтез, сравнение).

В исследовании использованы принципы компаративистского метода, когда анализ основополагающих принципов института посредничества, применяемых при разрешении конфликтов, с позиций социально-культурного видения, дается на основе их сравнения с традиционным, юридически-правовым пониманием.

В исследовании применялся метод сравнительного и культурно-исторического анализа, чтобы показать роль института посредничества в культуре казахского народа и одновременно дать образ современного медиатора (посредника) по альтернативному урегулированию споров в общественных отношениях. Представляется, что конфликтогенность онтологически заложена в природе человека, поэтому медиация – один из культурных механизмов урегулирования социальных конфликтов в обществе.

Базовым является культурологический подход при выявлении природы посредничества в соотнесении с его пониманием в контексте философии права и достижениями науки конфликтологии. В этой связи, трудности написания работы были связаны с тем, что это осуществлялась на стыке трёх наук: культурологии, философии права и конфликтологии. Поэтому работа носит междисциплинарный характер.

Научная новизна исследования. В ходе диссертационного исследования, при решении поставленных теоретических задач, были получены следующие новые научные результаты:

- впервые в отечественной науке в контексте культурологического дискурса проведен анализ формирования идей о причинах и сущности социальных конфликтов и роли, отведенной посредничеству (медиации) при их преодолении;

- дана авторская оценка причин особой востребованности при этом медиации (посредничества);

- установлен ряд причин и факторов социальной напряженности, которые могут спровоцировать рост конфликтогенности в различных сферах жизни казахстанского общества;

- впервые исследована природа и сущность института посредничества в культуре жизнедеятельности казахского народа;

- определены объективные причины формирования профессиональных качеств, составляющих культуру деятельности биев, как знатоков обычного права, служившую целям самосохранению социальной целостности кочевого народа;

- выявлено, что интерес к медиации (посредничеству) в трудах современных казахстанских учёных формировался, в первую очередь, под влиянием идей, обусловленных требованиями законодательно-правовых систем Запада, и, в меньшей степени, инициирован достижениями в этой сфере, накопленными в истории и культуре жизнедеятельности самого народа;

- обоснованы перспективы развития законодательно-правовой системы суверенного Казахстана, включая до и внесудебное разрешение любых жизненных коллизий, с обязательным использованием в этой сфере культурных достижений казахского народа.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Ретроспективный взгляд на формирование идей о конфликте как социально-культурном феномене позволил выявить, что вопрос на уровне теории о применении при этом посредничества при разрешении различных жизненных коллизий, был не актуален.

2. На практике, по мере образования в целях самосохранения в обществе различных видов государственного обустройства, функция посредничества стала прерогативой только судебной-правовой системы. А в целях преодоления обвально множасьихся затруднений, возникавших вследствие бюрократизма и излишней заформализованности данного типа судебной власти, остро стал вопрос о поиске внесудебных форм осуществления посредничества. В конфликтологии этот вид посредничества стал определяться как медиация.

3. Казахстан, став на путь суверенного существования, новую культуру своих правоотношений стал строить по стандартам западного образца. И обращение к медиации (посредничеству) стало осуществляться по подобному же сценарию.

4. В культуре кочевого образа жизни казахов институт посредничества формировался совсем в иной плоскости. Многовековой опыт предков, трансформируясь в определенные социальные нормы, позволявшие им выжить в постоянной жесткой борьбе за свое существование, становился тем самым «посредником», обращение к которому и помогало им разрешить возникавшие конкретные жизненные проблемы. Одновременно с этим возникла востребованность в тех, кто мог, в случае необходимости, оказать своего рода «профессиональную посредническую» услугу в использовании этого опыта в каждом конкретном случае. Так был сформирован суд биев, чья роль состояла в том, чтобы в формате аналогии, путем «рассуждения», довести до противоборствующих сторон не только степень угрозы возникшей ситуации, но и те демонстрируемые варианты мудрости предков, которые позволяли им с наименьшими потерями их преодолеть.

5. Объективно формировался набор требований, предъявляемых к категории лиц, бравших на себя роль конкретных посредников (медиаторов в современном определении) при решении большинства случаев жизненно опасных коллизий. Набор этих требований определялся вовсе не по воле кем-то установленного закона.

6. Медиация появилась в Казахстане и привлечена как инструмент в рамках гуманизации судебной-правовой системы РК. Однако, чтобы предупреждать, управлять, разрешать конфликты необходимо развивать свою казахстанскую конфликтологию. Готовить специалистов-медиаторов необходимо с учетом всех современных достижений в области конфликтологии. Успешная реализация данной задачи обеспечит практическое исполнение управленческих воздействий с целью предотвращения и урегулирования разного рода социальных коллизий в нашем обществе.

7. Стратегия дальнейшего развития правовой культуры суверенного Казахстана должна строиться с учётом опыта, аккумулированного в культуре народа.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в нем фактический материал и его интерпретация могут быть использованы в различных исследованиях, касающихся различных сторон социокультурной практики.

Значимость проведенного исследования также заключается в философско-культурологическом анализе особенностей социальных конфликтов в условиях системной модернизации общественного сознания, что может способствовать созданию целостной концепции конфликта казахстанского общества.

Положения и выводы диссертации могут служить также теоретической основой для дальнейших исследований конфликтов в казахстанском обществе для специалистов социальных и гуманитарных наук, смежных научных областей. Кроме того, практическая значимость исследования института посредничества заключается в большом потенциале для снижения риска конфликтогенов социальных отношений, ввиду предотвращения развития конфликтогенности до проявления открытых конфликтов.

Апробация работы. Основные положения исследования прошли апробацию в восьми публикациях:

1. О проблемах медиации в Казахстане. *Инновации в науке* // Научный журнал – 2018. – №4(80). – С. 50-53.

2. О развитии конфликтологии в Республики Казахстан // *Вестник Казахского Национального Университета. Серия философии, культурологии и политологии.* – 2018. – №4(66). – С. 96-108.

3. К вопросу о возрождении традиционной внесудебной практики примирения в Казахстане // *Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований.* – 2018. – №4(64). – С. 56-68.

4. Медиация как новый фактор развития модернизации общественного сознания // *Вестник КарГУ. Серия «История. Философия».* – 2019. – №1 (93). – С. 122-128.

5. Religious Terrorism in the Context of Conflictological Discourse // *Sociological Problem Special Issue.* – 2019. – Vol. 2. – P. 344-372.

6. Regional Conflicts as an Attribute of Global Instability // *Journal of Security and Sustainability Issues* – 2019. - Vol. 9 № 1. – P.5-11. doi.org/10.9770/jssi.2019.9.1 (1)

7. Природа проявления конфликтогенности в жизни казахстанского общества // *Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований.* – 2020. – №1(69). – С. 108-117.

8. Суд биев как институт посредничества в культуре казахского народа // *Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: матер. 3-го Санкт-Петербургского междунар. конгресса конфликтологов.* – СПб. Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 390-392.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех разделов, состоящих из шести параграфов, заключения, списка использованных источников. Общий объем диссертации составляет 159 страниц.

1 СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕДИАЦИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1 Конфликт как социально-культурный феномен

Сегодня страны мира в той или иной степени вовлечены в глобализационные процессы. При этом и человек, и общество в целом становятся участниками формирования совершенно нового по своей природе социально – культурного пространства, где каждый человек и общество втянуты в новые культурные обстоятельства. Поэтому, становится значимым умение строить, конструировать культурные коммуникации, которые направлены на восстановление и признание различных культурфилософских стратегий, на утверждение суверенитета различных видений одной и той же проблемы, и множественности взглядов на одну и ту же реальность. Естественно, что при этом единство понимания, происходящего будет, скорее всего, исключением, чем правилом.

Так, первые дошедшие до нас упоминания о природе споров, противостояний и даже войн, в процессе происходивших жизненных коллизий, относятся к VII-VI вв. до н.э. Китайские мыслители того времени полагали, что источник развития всего сущего – во взаимоотношениях, присущих материи положительных (ян) и отрицательных (инь) сторон, находящихся в постоянном противоборстве и приводящих к конфронтации их носителей.

Подобные аспекты парадоксальности обнаруживаются в других семиотических системах. Например, символика Инь и Ян, мужского и женского начал, и основные аспекты ее интерпретации в «Книге Перемен» [9] нашли отражение в художественных произведениях Китая.

Принцип парадоксального описания явлений также свойствен индуизму и буддизму.

Природа конфликтов, их разновидностей, способы завершения и т.п., рассматривались и в трудах многих греческих мыслителей.

Так, например, Платон, рассуждая о развитии государства с помощью разделения труда, отмечает, что разделение труда ведет к появлению богатых и бедных, и указывает, что «как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств...» [10].

Ученик Платона - Аристотель утверждал, что неравенство между людьми является также естественным, как и происхождение и развитие государства. «Уже непосредственно с момента самого рождения, - пишет он, - некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие к властвованию... Далее сравним отношение мужчины к женщине: мужчина по своей природе сильнее, женщина слабее, и вот мужчина властвует, а женщина находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве» [11]. Для Аристотеля существует множество разновидностей состояния властвования и подчинения. При этом, главным критерием в государственном устройстве является общее благо. Аристотель отдает приоритет обществу. Общество, государство для него

есть первичное начало, это целостность, а отдельный человек, – часть более широкого целого. Именно Аристотель один из первых обратил внимание на психику человека как источник конфликтов: «Причины распрей, – писал он, – бывают также наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение; с другой стороны, – происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров» [11, с. 342]. Государство, право, справедливость, мораль, по Аристотелю, разные стороны государственного общения, стремление к которому заложено во всех людях от природы. Деление же людей на тех, кто властвует, и тех, кто подчиняется, Аристотель относит к естественным законам природы. Но подлинную причину смены государственного правления Аристотель сводил к одному – насколько интересы тех, кто находился у власти, совпадали или не совпадали с интересами их подчиненных. Именно борьба в сфере интересов являлась одной из главных причин, под влиянием которой внутри отдельных государств одна форма правления заменяла другую.

С античных времен субъективная причина конфликтов изменилась незначительно, как, впрочем, и сами люди. Проблемы, волновавшие Аристотеля, остались во многом прежними. Одну из первых попыток системного анализа социальных конфликтов предпринял флорентийский теоретик и государственный деятель Николо Макиавелли (1469-1527).

Мыслитель средневековья считал конфликт универсальным и непрерывающимся состоянием общества ввиду порочной природы человека, стремления различных групп людей к постоянному и неограниченному материальному обогащению. Вместе с тем, Макиавелли видел в конфликте не только разрушительную, но и созидательную функцию. Для того, чтобы проявилась данная функция, необходимо лишь правильно воздействовать на сущность конфликта. Н. Макиавелли считал, что задачу воздействия обязано выполнять государство.

Однако уже английский мыслитель Томас Гоббс, опубликовавший в 1651 г. трактат «Левиафан», считал, что «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей». Это не благо, а зло, так как «...из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их целей... они стараются погубить или покорить друг друга» [12]. В результате получается, что естественное (от природы) состояние общества – это «война всех против всех», в результате которой происходит самоуничтожение людей, а значит, и самого общества. Т. Гоббс описывает хаос до государственного существования людей, жизнь без мира, культуры, красоты, промышленности.

Таким образом, причину конфликтов Т. Гоббс видел в равенстве, порождающем недоверие людей, их соперничество, жажду славы. Одну из причин конфликтов он видит в ряде мятежных учений, разъедающих сознание граждан и мешающих им сознательно выполнять его требования. В результате «люди становятся склонными и спорить друг с другом, и обсуждать повеления

государства, а затем повиноваться или не повиноваться им в зависимости от собственного усмотрения, что вносит смуту и ослабляет государство». В результате Томас Гоббс приходит к выводу, что причиной конфликтов является не только равенство естественных возможностей, но и неравенство общественного положения. Но и для разрешения конфликтов, возникающих в результате общественного (имущественного и властного) неравенства, единственное средство – это государство, так как иного средства в обществе нет.

Идеи Т. Гоббса дальше были развиты английским философом Джоном Локком (1632-1704) в его «Втором трактате о государстве». Дж. Локка называют родоначальником либерализма.

По мнению Дж. Локка, государству предшествовало естественное состояние, которое он, в отличие от Т. Гоббса, считал нормальным, но механизма справедливого удовлетворения требований людей друг к другу не было. Из-за этого возникали конфликты между людьми. Будучи разумными, люди пришли к пониманию заключения общественного договора и создания на его основе государства – органа, осуществляющего справедливое правосудие. Король и возглавляемое им государство подчиняются обществу. Они действуют только в интересах защиты прав личности (на деле личности собственника, а не всех людей). Дж. Локк выступал за разделение властей на законодательную и исполнительную, ибо только в этом случае могут справедливо разрешаться и предупреждаться конфликты в обществе.

Отметим, что изучение философской литературы позволяет прийти к выводу, что древние мыслители возлагали надежды на мудрое правление и идеальное государственное устройство, английский государственный деятель и философ Т. Гоббс и французский философ-просветитель, теоретик искусства Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) видели в «общественном договоре» способ положить конец войнам и конфликтам. Эти их мысли были затем развиты и дополнены французским мыслителем Ш.-Л. Монтескье. Он с неприязнью и осуждением обращается к господствующим реакционным силам и католической церкви: «...если когда-нибудь в будущем кто-либо осмелится утверждать, что в столетии, в котором мы живем, народы Европы были народами просвещенными, то ему укажут на вас в доказательство того, что они были варварами, и представление о вас будет такого рода, что покроет позором наш век...» [13]. В этом выражении прослеживается гуманизм Ш.-Л. Монтескье, его стремление возвысить разум над устаревшими традициями феодального строя и католическом церкви.

Ш.-Л. Монтескье выступает против чрезмерного имущественного неравенства, поскольку оно порождает конфликты между людьми.

По мнению философа, как только «...люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство, исчезает, и начинается война» [13, с. 540].

Ш.-Л. Монтескье определяет две разновидности войн. Первая война разворачивается между народами, но, если «отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества», начинается «война между отдельными лицами» [13, с. 540]. В обоих случаях у французского просветителя в качестве механизма

регуляции социальных отношений выступает право (международное и политическое, гражданское).

Наряду с имущественным неравенством к источникам социальных конфликтов Ш.-Л. Монтескье относит личностные качества человека: «Завистник сам себе враг, потому что страдает от зла, созданного им самим». [14].

Французский мыслитель отвергает конфликты, его отношение к ним можно выразить следующей цитатой: «...мир является первым естественным законом человека» [15].

Монтескье стремится найти способ разрешения конфликтов. Разрешить социальные конфликты, по его мнению, можно с помощью разума и нравственных принципов: «Не следует законами достигать того, чего можно достигнуть улучшением нравов» [14, с. 333]. Причем человек самостоятельно должен найти средства к исправлению собственных ошибок и возможность избежать их в будущем. В эпоху Просвещения люди «чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. [14, с. 332].

Немецкий философ и естествоиспытатель И. Кант (1724-1804), автор «К вечному миру» (1795), считал, что дух торговли, овладевающий народами, сделает своё великое дело – примирит всех враждующих. Кант стремится осознать логику мирового развития и место конфликта в нём, причины их и оценку.

По Канту, состояние мира не есть естественное. Постоянная угроза войны – естественное состояние. Мир – это хорошо, но он должен быть установлен.

У Канта есть понятие вечного мира, которое относится к далёкому будущему. Он возлагает надежды на дух международного экономического сотрудничества. Оно будет способствовать внутреннему согласию.

Однако Кант признаёт положительную роль конфликта: «без них все задатки человека остались бы неразвитыми». Он вспоминает миф об Аркаданских пастухах. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для человеческого рода хорошо. Природа хочет раздора.

На тему конфликта рассуждал и К. Маркс (1818-1883). Немецкий философ, экономист, социолог, автор фундаментальных работ, как «Немецкая идеология», «Капитал», надеялся, что удовлетворение потребностей людей на базе изобилия и управления вещами при коммунизме исключит причины социальной конфликтности, утверждал, что главной причиной развития постпервобытного общества является борьба классов.

Считаем необходимым подчеркнуть, что К. Маркс рассматривал культурный конфликт в рамках конфликта социального, которые соотносятся между собой как категории общего и особенного, что, с нашей точки зрения, вполне закономерно, ибо культура, безусловно, феномен социальный, как и ее носители – человек и общество. Характерная черта социальных революций - непримиримый характер интересов враждующих классов. Компромисс между ними невозможен, и в любом случае одна сторона должна победить другую.

В отличие от Аристотеля, Гоббса и других мыслителей, Маркс, Энгельс, Ленин считали, что государство – только машина для подавления одного класса другим. Это значит, что социальные конфликты в обществе между классами не разрешались, а устранялись путем простого насильственного подавления и загонялись внутрь, чтобы взорваться при соответствующих условиях вновь.

Откровенно антимарксистский характер носили идеи выдающегося немецкого социолога М. Вебера (1861-1920). Особенно ярко это проявляется в отношении понятия Маркса об «общественно-экономической формации» [16] и теории классовой борьбы. Вебера интересовали конфликты в политической сфере в контексте анализа трех идеально-типических форм власти: традиционной, харизматической и рациональной. Причиной социально-политических конфликтов, по Веберу, являются как страх за жизнь и имущество, так и религиозные и политические убеждения. Он полагает, что для современного общества характерно развитое правовое и гражданское самосознание, которое увеличивает возможность согласия в обществе. Но согласие не исключает политического конфликта между классами, стратами, группами, имеющими разные материальные и духовные интересы [16, с. 260].

Вслед за Аристотелем и другими мыслителями М. Вебер подчеркивает, что одним из главных источников конфликтов в обществе является развившаяся в нем бюрократия, которая через систему государственных учреждений реализует не только интересы государства, но и свои интересы, осуществляя бюрократический произвол, становящийся причиной многих конфликтов. В социологии религии, например, М. Вебер приходит к выводу, что причиной социально-религиозных конфликтов является противоположность религиозных установок, ценностей, ориентации, выраженная в разных типах религиозного мировоззрения. С точки зрения М. Вебера, общество не есть нечто целое и организованное, наподобие общественно-экономической формации, а представляет собой некий баланс противостоящих статусных групп, каждая из которых имеет свои экономические интересы, политические амбиции, мировоззрение (понимание мира, других людей, и себя). Между этими группами идет постоянный конфликт за укрепление и повышение своего статуса.

Таким образом, в центре внимания Вебера был конфликт различных статусных групп, отличающихся экономическими интересами, политическими амбициями и системами жизненных ориентации. Для него субъектами конфликтов являются статусные группы, а не личности, как было у Гоббса.

Французский социолог и философ Э. Дюркгейм [17] считал главным конфликт между личностью и обществом и полагал, что «...во всякой гармонии интересов таится скрытый и только отложенный на время конфликт. Ибо там, где господствует только интерес, ничто не сдерживает сталкивающиеся эгоизмы, каждое «я» находится относительно другого «я» на военном положении, и всякое перемирие в этом вечном антагонизме не может быть долговечным» [17, с. 52].

Продолжая рассуждать о конфликте между человеком и социумом, российский исследователь Р.А. Басов отмечает, что «именно непреложная необходимость организации общественного труда и регулирование всех конфликтов, вытекающих из этого разделения, привели к образованию города,

совместного поселения. Все это произошло «естественно»: люди объединились добровольно в такую структуру, обеспечивающую, с одной стороны, оптимальную организацию их труда, а с другой – неизбежно становящейся в целях защиты собственности на путь регламентации жизни общества, опираясь на насилие, закрепленное в законах, принятых в условиях полиса волеизъявлением свободных людей, или опирающейся на открытый террор против неимущих граждан и рабов» [18].

Как видим, попытка систематизировать множественные взгляды и точки зрения на природу конфликта не приводит к единому его видению. И эта научная дискуссия не прерывается уже несколько столетий, в связи с чем общепринятого определения, что такое конфликт до сих пор не существует. Например, в словаре Уэбстера понятие «конфликт» первоначально трактовалось как драка, сражение, борьба, т.е. как физическое противостояние между сторонами [19]. Затем это значение расширилось, включив в себя резкое расхождение или противопоставление интересов, идей и т.п.

Так, в словаре «Всемирная энциклопедия: «Философия»» дается определение конфликта (лат. Conflictus – столкновение) в широком смысле - столкновение, противостояние сторон [20].

В «Словаре иностранных слов и выражений» мы можем прочесть, что конфликт – это «столкновение противоположных сторон, мнений, сил, государств, серьёзное разногласие: также противоречие, на котором строятся взаимоотношения между персонажами литературного произведения» [21].

«Большой экономический словарь» интерпретирует конфликт как «столкновение противоположных интересов, противоречие во взглядах и в отношениях» [22].

В политической энциклопедии конфликт (лат. Conflictus – столкновение, серьёзное разногласие или спор, чреватые осложнениями, борьбой) трактуется как «один из типов социального взаимодействия индивидов, социальных общностей и социальных институтов, при котором действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствует реализации ее целей» [23].

Большой психологический словарь под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко в качестве конфликта репрезентирует «актуализированное противоречие, столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов и даже столкновение самих оппонентов» [24].

Один из основателей российской конфликтологии Е.И. Степанов пишет, что «конфликт может быть определен как противоборство (активное противоречие) самоопределяющихся субъектов» [25].

По А.Г. Здравомыслову, «конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [26].

Ю.Г. Запрудский, говоря о социальном конфликте, подразумевает под ним явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству» [27].

А.В. Дмитриев под социальным конфликтом подразумевает «тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны» [28].

В контексте деятельностного подхода казахстанские ученые, в частности В.С. Батурин, отмечает, что конфликт – это «вид противодейственности самодостаточных субъектов, совершающийся при полном игнорировании человеческого в другом человеке» [29].

Для достижения целей и определения факторов, влияющих на развитие конфликтных ситуаций, необходимо обратить внимание на мнения различных исследователей, рассматривавших предпосылки возникновения конфликтов.

К примеру, В.Р. Дольник полагает, что в основе конфликта находятся биологические программы, направленные на выживание [30].

Исследователь Дж. Ролз связывает факторы возникновения конфликтов в человеческом обществе с нарушением норм социальной справедливости и, как следствие, с ущемлением чувства собственного достоинства. При этом сама справедливость – это соответствие между вкладом человека в решение каких-то вопросов и получаемыми за это благами (моральными или материальными) [31]. Данное «соответствие» определяется уровнем развития конкретного общества, группы или отдельного индивида. Исходя из этого, часто конфликт порождается либо нарушением существующих и общепринятых норм справедливости, либо столкновением разных представлений о нормах справедливости.

С.Ф. Фроловым выделены общие предпосылки конфликтов: противоположные ориентации вступающих во взаимодействие людей (различие потребностей); идеологические факторы; факторы экономического и социального порядка; противоречия между элементами социальной структуры (например, когда цели и задачи разных уровней организации или управления обществом не соответствуют друг другу) [32].

Отмечаются С.Ф. Фроловым также и более конкретные факторы возникновения конфликтов:

- социально-психологические факторы (неудовлетворенность отдельных людей своим положением в группе, в организации, в обществе);
- факторы морально-этического порядка (отрицание некоторых общественных норм и ценностей данного коллектива или группы);
- факторы организационного характера (проблемы взаимоотношений руководителя и подчиненных);
- факторы конфликтов по информационным причинам –, например, неполные или неточные факты о каком-либо объекте (порождают искаженные

представления и слухи); нежелательное обнародование информации; невольная (или вольная) дезинформация; некорректная интерпретация фактов и т.п.;

– факторы конфликтов по структурным причинам–, например, неопределенность вопросов законности власти; неопределенность вопросов подотчетности; неясность в вопросах собственности и т.п.;

– ценностные факторы конфликта – например: нарушение групповых верований и норм поведения; нарушение профессиональных ценностей и интересов; нетерпимость в отношении ценностей других групп или людей и т.п.;

– факторы отношений – например: неудовлетворенность существующими отношениями; несогласованные цели взаимоотношений (непонимание друг друга); неудовлетворенность длительностью отношений и т.п.;

– поведенческие факторы – например: поведение угрожает чьей-либо безопасности; поведение создает для кого-то дискомфорт и т.п. [32, с. 45].

М.Х. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоурн отмечают основные факторы производственных, организационных конфликтов:

– проблемы распределения ресурсов в организации (проблема несправедливости распределения);

– различия в целях (чем больше специализация внутри организации, тем больше взаимного непонимания, так как у каждого структурного подразделения – свои интересы);

– различия в представлении о ценностях (например, о такой ценности, как право выражать свое мнение в присутствии начальника);

– различия в манере поведения и жизненном опыте (особенно, если люди работают в одном подразделении);

– неудовлетворительные коммуникации, часто ведущие к взаимному непониманию сотрудничающих сторон [33].

Ф.М. Бородкин и Н.М. Коряк отмечают общие характеристики и основные типы конфликтных субъектов, провоцирующих или обостряющих конфликтные отношения. В целом конфликтные личности можно охарактеризовать:

1) резким отличием партнеров по своим психологическим характеристикам;

2) недостатком общей культуры и психологической культуры общения;

3) общим уровнем конфликтности (или неконфликтности) данного человека [34].

Как видим, на сегодняшний день в конфликтологической литературе существуют самые различные определения конфликта, не лишённые рационального зерна. Феномен конфликта исследуется многими науками, и каждая из них имеет свой понятийный аппарат, свою методологию, поскольку сам объект исследования, конфликт, очень многогранен и сложен.

Без сомнения, «... конфликт – неотъемлемый процесс человеческой истории». Конфликты проявляются во всех сферах жизни общества – в культуре, политике, экономике, они охватывает массовое сознание людей, и в итоге могут привести к новому мировому порядку, к новому на совершенно ином уровне, миропониманию. Уже сегодня можно утверждать, что неотъемлемыми чертами современного общества, характеризующегося кризисом мировоззренческих

доктрин и культуры в целом, являются усиление нетерпимости, ксенофобии и расизма, которые проявляются в экстремистских и радикальных формах. В определенной степени также можно констатировать кризис культуры постмодернизма как идеологической основы постиндустриальной модели развития. На первый план вышли экономические и политические вопросы, повлекшие социальные и культурные изменения в обществе, которые, имея неоднозначный характер, вначале оценивались оптимистично.

Так, Г.А. Бейсенова в своей работе «Проблемы глобализации и идентичности» пишет, что «с середины 80-х годов отношение к формирующемуся новому обществу заметно меняется. Прежний оптимизм уступает место все более сдержанным и критическим оценкам, в которых звучат разочарование, недоумение, беспокойство. Новое общество квалифицируется не только как общество знания, информации услуг, но и как общество риска, угроз, страха, опасностей. Многие социологи уже стали отмечать такие негативные явления, как массовая безработица, усиление социального неравенства» [35]. Последние, из которых, по мнению немецкого социолога У. Бека, являют собой социальные риски, порождаемые не человеком, но природно-социальной действительностью, разрушающие основы жизни всех социальных групп и категорий, несущих в себе угрозу самоуничтожения цивилизации [36]. Это подтверждается и тем фактом, что постиндустриальное общество в условиях глобализации не создало ни одной философской или культурно-политической концепции позитивного развития социума. Наличие глобальных проблем свидетельствует о том, что человек уже не справляется с последствиями своей социокультурной деятельности. Соответственно, особое внимание привлекает разрушение нормативных образований, что выражается в нарастании девиантного поведения, в усиливающихся процессах деструкции общества.

В настоящее время сам эталон разумности поставлен под сомнение, что не редко и оборачивается поисками и оправдания даже девиантных форм миропонимания. Если в начале XX века еще была надежда на то, что разум способен устранить мировое зло, то уже первая мировая война развеяла эти иллюзии, а накануне второй мировой войны З. Фрейд, отвечая на вопрос А. Эйнштейна: «В чем истоки грядущей трагедии?», сказал, что во врожденной деструктивности и агрессивности самого человека [37]. В конце XX века практически во всех философских системах стала признаваться сложность природы человека. Благодаря этому изменилось социальное представление и о культуре, как форме его бытия, как совокупной его производной деятельности. Стала очевидной многомерность культуры, разнокачественность ее составляющих. Все это в период постмодерна показалось столь шокирующим и противоречащим практически любой философской системе, что многие стали говорить о «гибели культуры», о ее деградации, перерождении, утрате гуманистического потенциала, кризисе доминирующих ценностей мировоззрения, морали и эстетики, нарастании культурных конфликтов.

Действительно, вполне очевидным в результате анализа различных методологических подходов к изучению общества и феномена конфликта становится следующий тезис: общественное развитие невозможно без

конфликтов. Для того, чтобы прийти к идеалу человеку необходимо совершенствоваться, и роль конфликта заключается в его изучении, с целью указания поля или места совершенствования.

Конфликты изучаются в рамках практически всех научных общественных дисциплин. И суть рассматриваемого ими понятия будут постоянно уточняться и анализироваться в своем особом значении. На протяжении многих столетий известные мыслители, философы, ученые, размышляя о природе единства человеческого общества, так или иначе выводили на первый план культурно-философские и культурологические фундаментальные проблемы теории конфликта. Уже сегодня философская мысль, подхваченная и развитая нашими современниками, находит отражение в такой науке, как конфликтология, которая выделяет следующие виды конфликтов:

- межгосударственный (международный) конфликт, в котором противостоящие стороны представлены государствами или их коалициями;

- межэтнические конфликты, представляющие собой конфликты, происходящие между отдельными представителями, социальными группами различных этносов, и конфронтацию двух или нескольких этносов. В качестве типов межэтнического конфликта конфликтологи выделяют межличностные, этносоциальные и межэтнические конфликты;

- социальный конфликт – противоречия, представляющие собой отношения единства и борьбы социальных субъектов, обладающих противоположными противоречиями;

- гендерные конфликты (межполовые);

- семейные конфликты, которые подразделяются на конфликты между супругами (возникают из-за неудовлетворения потребностей супругов), супругами и родителями каждого из супругов (конфликт «отцов и детей»), бабушками (дедушками) и внуками;

- инновационный конфликт – это противодействие между сторонниками и противниками нововведения (нововведениями), которые постоянно вносятся в свою жизнь и деятельность каждым человеком, но не имеют существенной новизны. Потенциальным нововведением является значительная новая идея, которая пока не внедряется);

- симулякр, за которым не стоит какая-либо реальность;

- внутриличностный конфликт – острое негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности, отражающее противоречивые связи с социальной средой и задерживающие принятие решения;

- творческий конфликт – не совпадение взглядов, позиций, суждений по поводу создания чего-либо нового в любой сфере деятельности человека;

- «художественный конфликт» – такое название иногда употребляется в целях обозначения особого аспекта конфликтоведения, занимающегося исследованием проблематики конфликта в искусствоведении; мы рассматриваем «художественный конфликт» как конфликт в специализированной сфере культуры, функционально решающей задачи интеллектуально-чувственного

отображения бытия в художественных образах, а также различных аспектах обеспечения этой деятельности.

К сожалению, в этой классификации не уделяется должного внимания конфликту культур. Хотя вполне понятно, что многогранный феномен культуры органически входит во все перечисленные выше формы конфликтов. На этом основании мы склонны утверждать, что культурология, как дисциплина интегральная, обязана интегрировать любые формы конфликта в культурологической рефлексии, а сама по себе категория культурного конфликта давно уже признана во всех фундаментальных трудах по теории и истории культуры.

В литературе выделяют три вида конфликтов, связанных с функционированием культуры в обществе:

«Аномия» термин введён Э. Дюркгеймом, нарушение единства культуры в связи с отсутствием ясно сформулированных социальных норм. Очевидно, что основной причиной в возникновении аномии является отсутствие в фундаменте общества единой системы ценностей. Ценности – основной фактор нормообразования, и, если ценностная система утрачивает единство, появляются несогласованные между собой частные нормативные системы.

«Культурное запаздывание», термин введён У. Отборном, когда перемены в материальной жизни общества опережают трансформацию нематериальной культуры.

Феномен «чуждое влияние», термин введён Б. Малиновским, когда множество противоположных элементов культуры тормозит процесс национальной интеграции в обществе. Б. Малиновский в своих работах исследовал доиндустриальные общества, которые подверглись колонизации со стороны стран Европы.

В частности, одну из первых фиксаций кризисного состояния культуры уже можно найти у немецкого философа и социолога Георга Зиммеля (1858-1918), который полагал, что личность с ее априорно заданным способом видения – это источник творчества. Так, например, ученый утверждал, что индивид живет в нескольких мирах, и в этом – источник его внутренних конфликтов, имеющих глубинные основания в «жизни», которая реализуется в самоограничении посредством ею же самую создаваемых форм. Конфликт культуры, по Г. Зиммелю, имеет уникальное содержание: своеобразной чертой нашей культуры, подчеркивает он, стало то, что жизнь, стремясь воплотить себя в культурных явлениях и формах, обнаруживает вследствие их несовершенства основной мотив - борьбу против всякой формы вообще, т.е. борьбу против культуры как таковой. В результате этого крушение современной культуры может оказаться грандиозным и несопоставимым по своим масштабам со всем происходившим в предшествующие периоды истории [38].

Первой по времени появления является концепция позитивно-функционального конфликта, или концепция «конфликтного функционализма» американца Льюиса Козера. Основные идеи Г. Зиммеля, по мнению Л. Козера, сводятся к тому, что конфликт в социальной жизни выполняет позитивные, или группосозидающие функции, ведь то взаимное отталкивание, которое возникает

в результате конфликта, помогает сохранить целостность социальной системы, устанавливает определенное равновесие между составляющими ее частями [39]. Однако Л. Козер обращает внимание на то, что социальные структуры различаются по степени терпимости, например, в классической индийской кастовой системе межкастовые конфликты редки, потому что низшие и высшие касты одинаково относятся к кастовому делению, поскольку оно узаконено религиозными верованиями [39, с. 55, с. 57], поэтому, по мнению ученого, легитимность является той промежуточной переменной, которая, по сути дела, является сдерживающим фактором выражения агрессии, порожденной неравномерным распределением прав и привилегий в индийском обществе. С его точки зрения, следует различать два типа конфликтов: реалистические (социальное взаимодействие или столкновение, связанное с борьбой за ценностные притязания на статус, власть и другие ресурсы) и нереалистические (связаны с реакцией на фрустрацию, с желанием освободиться от напряжения) [39, с. 85].

По мнению другого классика, автора концепции конфликтной модели общества Р. Дарендорфа социальная реальность обусловлена следующими чертами:

- социальные системы находятся в постоянном состоянии конфликтности;
- конфликтующие интересы сосредотачиваются на оппозиционных полюсах и сказываются на социальной структуре;
- противоречивость интересов является следствием разделения властей;
- существует тенденция к поляризации интересов;
- решение одного конфликта создает почву для следующего, порождает новое противостояние;
- социальные изменения присущие любой системе, существует определенная цикличность конфликтных противостояний.

Ученый полагает, что конфликтность нельзя лимитировать, так как конфликты являются главными пружинами изменений в обществе. «Мы не сможем понять общество, если не представим его с точки зрения диалектики стабильности и изменения, интеграции и конфликта, функций и мотивов, согласия и принуждения», – отмечает Р. Дарендорф [40].

В свою очередь, и К. Боулдинг утверждает, автор общей теории конфликта, что конфликт неотделим от общественной жизни, поскольку в самой природе человека заложено стремление к борьбе с себе подобным. В связи с этим существует два аспекта социального конфликта: статический (анализ субъектов конфликта (личности, организации, группы) и отношений между ними: этнические, религиозные, профессиональные) и динамический (определение динамики конфликта, интересов сторон как побудительной силы в конфликтном поведении людей) [41].

Отметим, что теоретические изыскания таких ученых, как Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, Й. Галтунг, Л. Крисберг легли в основу формирования современной конфликтологии. Как отмечает Е.И. Степанов, именно эти исследователи «показали значение конфликтов как стимуляторов прогресса, факторов совершенствования социальных структур, общественных

отношений и институтов, как естественных феноменов общественной жизни и деятельности, способных выполнить роль позитивного средства ее интеграции и стабилизации» [42], и уже сегодня «современная конфликтологическая парадигма, предложенная западными исследователями, безусловное предпочтение отдала проблемам контроля и разрешения конкретных конфликтных ситуаций, постоянно возникающих в жизни открытого, демократически организованного общества» [42, с. 15], которое разнородно по своей природе. В связи с этим совершенно очевидным является тот факт, что участники конфликтов регулярно представляют этнические, расовые и национальные конфликты в группистских, даже примордиалистских терминах. Они часто воспринимают этнические группы, расы или нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений. Соответственно, еще одним источником конфликтов служат различия в культуре, базовых ценностях и верованиях.

О разнице в культуре как об одном из источников конфликта пишет Л.Г. Ионин, отметивший, что «культурный конфликт – это критическая стадия противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях между отдельными личностями, их группами, личностью и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными сообществами или их коалициями. В отличие от большинства иных видов конфликтов, в основании которых лежат, как правило, противоречия в более или менее прагматичных и утилитарных интересах сторон (экономические, политические, и другие властно-собственнические, статусно-ролевые, гендерные, кровно-родственные и пр.), культурный конфликт специфичен именно своей идеологической обусловленностью, несовместимостью оценочных позиций, мировоззренческих и религиозных установок, традиционных норм и правил осуществления той или иной социально значимой деятельности и т.п., т.е. в конечном счете различием в социальных опытах конфликтующих сторон, закрепленных в параметрах их идеологии (индивидуальной или групповой)» [43].

Практические формы культурного конфликта могут иметь различный масштаб и характер: от ссоры в межличностных отношениях до межгосударственных и коалиционных войн. Типичными примерами наиболее масштабных и жестоких культурных конфликтов являются крестовые походы, религиозные, гражданские, революционные и отчасти национально-освободительные войны, деяния церковной инквизиции, геноцид, насильственное обращение в насаждаемую веру, в значительной мере политические репрессии и т.п. Как пример, можно привести конфликт ценностных установок, занимавших особое место в причинах возникновения Великой Отечественной войны (в отличие от Первой, преследовавшей преимущественно политико-экономические цели). Культурные конфликты отличаются особенной ожесточенностью, бескомпромиссностью, а в случае применения силы – преследуют цели не столько покорения, сколько практического уничтожения носителей чуждых ценностей. С этой спецификой связана и особенная сложность нахождения компромисса и примирения

конфликтующих сторон, стремящихся отстаивать свои принципы «до победного конца». Компромиссы, как известно, легче достигаются между соперничающими интересами, нежели между несовместимыми ценностными и идеологическими установками.

Очень важным для понимания конфликта как культурного феномена является четкое представление его структуры. Понятия, среди которых имеются характеризующие структуру конфликта, есть такие, как конфликтная ситуация, ее образы, объект, предмет конфликта, участники, условия протекания, действия сторон, приемы и способы противодействия.

Анализируя классификацию конфликтов, представленную выше, мы можем полагать, что в основе любого вида конфликта может лежать культурный фактор, проявляемый только на разных уровнях – на международном, межэтническом, социальном, гендерном, семейном, внутриличностном, творческом, художественном, так как именно ценности пропитывают все поле его бытия.

Культурологическое значение имеет и проблема возможности бесконфликтного развития общества. На всем протяжении истории общественной мысли высказываются суждения, согласно которым, во-первых, «вечный мир» безвозвратно утрачен или, во-вторых, еще только намечается и может быть обретен в отдаленном будущем. Причем вторая позиция обосновывается с помощью различных аргументов.

Преодоление конфликта между конкретными людьми, между человеком и любым социальным образованием, т.е. возникновение органической солидарности, возможно только на основе права (утвержденном государством) и нравственности (совокупности норм, оправдывающих свое поведение людей в обществе).

Необходимо отметить, что при всей важности анализа конфликтных ситуаций на микроуровне, особое внимание сегодня уделяется рефлексии конфликтов глобального порядка, от разрешения которых во многом зависит судьба человечества. Так, например, по мнению С. Хантингтона наиболее значимые конфликты глобальной политики будут в перспективе разворачиваться не между нациями - государствами, а между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям и культурам. Столкновение цивилизаций и культур станет доминирующим фактором мировой политики [44]. Теперь все большую роль играет идентичность на уровне цивилизации, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия крупных цивилизаций, к которым Хантингтон относит западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, (возможно), африканскую цивилизацию.

Современный конфликт культур и цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие на линии разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям и культурам, соперничают из-за влияния в военной и экономической сферах, борются за контроль над международными организациями и третьими странами,

стремятся всюду утвердить свои собственные политические, религиозные и иные социальные ценности.

Немецкий исследователь Г. Шлее утверждает, что «история культуры не принималась всерьез большинством антропологов в Британии со времен Рэдклиффа-Брауна, эти идеи, должно быть, проникали туда весьма непрямым путем. С точки зрения наблюдателя действия выглядят как средства достижения целей, и можно следовать совету Малиновского и классифицировать социальные действия в терминах их целей - например, по “основным потребностям” которые они, как представляется, удовлетворяют. Но обнаруживаемые таким образом факты остаются фактами техническими; их анализ не обеспечивает критерия для различения особенностей любой культуры» [45, с.76]. На поверхностном подходе, действительно, многое из западной культуры пропитало весь остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, отделение церкви от государства, верховенство закона, демократия, свободный рынок и т.д.

Попытки, предпринимаемые Западом с целью усиления пропаганды этих идей, зачастую вызывают ответную враждебную реакцию против «культурного империализма» или «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственных традиционных культур. Для ислама тезис о возможности «универсальной цивилизации» - это западная идея, которая находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. С точки зрения культурологии, эта западная идея противоречит закону единства и разнообразия культур и их развитию, ибо мировая культура, как совокупность разнообразия этнических культур способна развивать свои ценности только на основе этого разнообразия.

Так, например, в своей работе «Ориентализм» Э. Саид утверждает, что «с одной стороны, есть западные люди, и, с другой, есть восточные люди, арабы. Первые (порядок не важен) рациональны, миролюбивы, либеральны, логичны, способны придерживаться реальных ценностей, лишены природной подозрительности; последние не обладают ни одной из этих черт», поэтому сопротивление народов Востока западной культурной экспансии, процессу превращения всех людей в неотличимых друг от друга «инкубаторских птенцов» вполне логично и закономерно [46]. Страны, которые по соображениям культуры не хотят или не могут присоединиться к Западу, вступают в конфронтацию (конфликт) с ним, наращивая собственную экономическую, военную и политическую мощь. Появление атомного оружия в Китае, Индии, Пакистане, Северной Корее тому наглядный пример. Они добиваются этого и путем внутреннего развития, и путем сотрудничества с другими не западными странами. Самый известный пример такого сотрудничества – конфуцианско-исламский блок, сложившийся как вызов западным интересам и культурным ценностям.

Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но, весьма отличными по культурным ценностям и интересам. Для чего ему необходимо будет постоянно поддерживать свой потенциал на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношении с другими цивилизациями. Но от Запада потребуются и более глубокое понимание фундаментальных философских и культурологических основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди других культур представляют себе собственные интересы. Ему необходимо будет найти элементы сходства между западной и иными культурами. Ибо в обозримом будущем единой «универсальной цивилизации» не сложится. Напротив, как нам представляется, мир будет состоять из не похожих друг на друга культур и цивилизаций, и каждой из них придётся сосуществовать со всеми остальными. Иными словами, поиск компромиссного решения конфликта цивилизаций и культур различных народов – фатальная неизбежность современного человечества.

По утверждению А.С. Панарина, современный человек существует в двух измерениях, он, по его словам, - «гетерогенное образование». С одной стороны, это «почвенный человек», носитель своей культуры и традиции, а с другой – любой современный человек, несущий в себе мировые импульсы всеобщего духовного производства, то есть всемирно-исторический индивид [47].

Здесь в качестве примера наиболее уместным представляется привести две противоположные точки зрения на природу и сущность современных конфликтов культур и цивилизаций западных мыслителей Ф. Фукуямы [48] и С. Хантингтона. Так первый, со своей концепцией «конца истории», прославляет западный либерализм, который якобы не имеет альтернативы. С. Хантингтон всячески опровергает его универсальную значимость. Призывая при этом Евро-Атлантику, находящуюся на вершине своего могущества, признать не универсальность своих культурных ценностей, обратить в свои структуры культурные ценности близких себе народов и защищать эти ценности именно как свои, а не как всемирные. Не вступая в полемику с именитыми учеными, мы считаем более перспективной точку зрения С. Хантингтона.

Культурологическое значение проанализированных трудов, на наш взгляд, заключается, прежде всего, в поисках разрешения проблемы возможности бесконфликтного развития общества. На всем протяжении истории общественной мысли высказывались суждения, согласно которым, во-первых, «земной рай», «золотой век» бесконфликтности, «вечный мир» безвозвратно утрачены (остались в прошлом) или, во-вторых, еще только намечаются и могут быть обретены в отдаленном будущем.

Поскольку в основе любого конфликта лежит столкновение людей, исповедующих различные интересы и ценности, то в анализе конфликта культур особое значение приобретает аксиологическая матрица. Поэтому для дальнейшего анализа феномена культурного конфликта считаем необходимым рассмотреть существующие аксиологические концепции, связанные с «конфликтом ценностей». Учитывая, что иерархия ценностей исторически и

социокультурно изменчива, именно с учетом этой вариативности мы и будем ее рассматривать далее.

Ценностные ориентации определяются исторической судьбой и культурной традицией. Как для человека, так и для народа «ценностная ориентация не предопределена от рождения, не детерминирована генетически» [49]. Она складывается на протяжении длительного времени. Именно особенности распределения ценностей на иерархической лестнице общественного сознания определяют своеобразие каждой культуры.

Последний тезис наиболее раскрыт в концепции П.А. Сорокина, согласно которой именно ценности служат основой и фундаментом всякой культуры.

Национальная система культуры отдельных народов во многом базируется на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальной ценности. К этому типу Сорокин относит, прежде всего, средневековую европейскую культуру. В этой культуре, по его словам, «господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышление поддерживали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное и безличное отношение к чувственному миру, его богатствам, радостям и ценностям» [50].

В рамках нашего исследования целесообразно рассмотреть моральные, религиозные и эстетические ценности. Моральные ценности – одна из форм моральных отношений в обществе. «Каждая мораль представляет собой иерархически соподчиненную ценностную систему, в которой одна ценность более значительна, чем другая. Соподчиненность ценностей подвижна... в зависимости от ситуации в обществе» [51].

Ценности определяют сам характер культурогенеза, являясь одним из способов выражения этнического самосознания, образуют гибкую систему регуляции общества, подчиняя себе функционирование обычаев, норм и значений; преобразуют механизм нормативности в обществе, придавая разную степень достоинства тем или иным элементам культуры; определяют системы значений, через которые человек познает окружающий мир; разрешают противоречия между общественными и индивидуальными интересами; гармонизируют взаимоотношения между людьми.

В отличие от норм и догм ценности предоставляют индивиду свободу выбора в своей мировоззренческой ориентации. «Если рассматривать суждения ценности как суждения и утверждения истины (т.е. чисто теоретические суждения), они сразу приобретают нелепый вид, – писал Б. Кроче. – Они нисколько не способствуют познанию объектов, и содержание их относится не к логической, а к эмоциональной и практической деятельности» [52].

Ценности действуют не только осознанно, но и в бессознательных слоях психики, т.к. они вырабатывались на основе практического, обыденного и духовного знания, опираясь на историческую память, мифологию, религиозные догмы [53]. Еще И. Кант, решая проблему различия познавательного и ценностного, писал, что суть этического не является формальной, т.к. ценности выступают сильнейшими мотивами действия [54]. Этический выбор далек от

целостного видения, он скорее напоминает некий луч света, и то, что не попадает в его фокус, то как бы не существует.

Естественно, мыслителей прошлого и современности не могли не волновать вопросы генезиса и эволюции столь важного элемента общественной и культурной жизни, какими являются ценности. В связи с этим одной из задач, например, исследования М.М. Бахтина являлось концептуальное соединение понятия культурной ценности с интуицией жизненной актуальности. М.М. Бахтин стремился преодолеть односторонности «философии жизни» и «философии культуры», дав их своеобразный синтез в представлении о «живой» в определённом смысле ценности, о культуре, - не дистанцированной от бытия, но являющийся его полновесной частью [49, с. 22].

Таким образом, опираясь на теорию М.М. Бахтина, можно сделать вывод о существовании двух систем ценностей - «идеальной» и «перевернутой», представители которых при взаимодействии вступают в культурный конфликт.

Теория П.А. Сорокина позволяет выделить потенциальных участников культурного конфликта – это представители идеационального типа, идеалистического и чувственного типа, а теория М.М. Бахтина дает возможность делить участников конфликта на представителей «идеальной» и «перевернутой» систем ценностей. Исходя из того, что эти типы мировоззрений существуют всегда во все времена только в разных пропорциях, мы можем полагать, что человеческая история есть не что иное, как борьба этих мировоззренческих платформ и систем ценностей.

Рассуждая об участниках конфликта, Е.И. Степанов считает, что они «больше всего заинтересованы не в самих по себе объяснениях или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения» [42, с. 13]. К основным структурным составляющим любого ... конфликта, как правило, относят физические субъекты конфликта, взаимоотношения между ними, а также тот предмет (или спорный вопрос, проблему, объект), по поводу которого он складывается. Сюда же нередко относят и состояние окружающей среды, в которой конфликт возникает и развивается. Таким образом, каждая конфликтная ситуация имеет объективное содержание и субъективное значение.

Так, изучая объективное содержание культурного конфликта, можно отметить, что его участники – люди, которые могут выступать в конфликте как физические лица и как должностные лица (или как юридические субъекты). Последние, кроме того, могут образовывать различные группировки и социальные группы. Выделяют основных участников культурного конфликта, группы поддержки, других участников.

Основные участники культурного конфликта считаются его инициаторами. Ранг участника – это уровень возможностей оппонента по реализации своих целей в конфликте. В группы поддержки, в «другие участники» входят субъекты, которые оказывают эпизодическое влияние.

Если одна из сторон инициирует культурный конфликт, то это еще не значит, что она не права. Например, если новатор, не сумев бесконфликтно

добиться внедрения инновации, идет на противоборство с консерватором, то оценка его действий будет положительной.

Часто выделяют такую характеристику оппонента, как его ранг. Это уровень возможностей оппонента по реализации своих целей в конфликте.

Ранги оппонентов отличаются наличием и величиной их деструктивных «потенциалов». Практически всегда в конфликте за оппонентом стоят силы, которые могут быть представлены отдельными индивидами, группами и т.д. Их называют - группа поддержки. В группу других участников входят субъекты, которые оказывают эпизодическое влияние на ход и результаты культурного конфликта. Сюда входят подстрекатели, организаторы, медиаторы, которые решают задачу прекращения конфликта.

Предмет культурного конфликта – это объективно существующая или воображаемая проблема, служащая основой конфликта. Это то противоречие, из-за которого и ради разрешения, которого стороны вступают в противоборство.

Иногда объект культурного конфликта рассматривают как причину или повод к конфликту. Объектом творческого конфликта может быть духовная (идея, норма, принцип) ценность, к обладанию или пониманию которой стремятся оба оппонента.

Чтобы стать объектом культурного конфликта ценности духовной сферы должны находиться на пересечении личных, групповых или общественных интересов субъектов. Если для других видов конфликтов объект конфликта может быть, как делимым, так и неделимым, то в культурном конфликте речи о делимости и неделимости объекта не может быть, т.к. объектом здесь является несовпадение мнений, позиций, ценностей. Если для других видов конфликтов условием для конфликта является притязание хотя бы одной из сторон на неделимость объекта, желание считать его неделимым, полностью владеть им, то в культурном конфликте условием для конфликта является притязание хотя бы одной стороны на то, чтобы другая сторона пересмотрела свои взгляды, позиции, ценностное отношение. Существует и иное мнение, о том, что конфликт может и не иметь объекта. Наряду с «объектными» выделяют «безобъектные» конфликты, которые не базируются на взаимных стремлениях к контролю над чем-то.

По нашему мнению, важно уметь все же выделять объект конфликта, чтобы конструктивно его разрешить, ибо потеря объекта конфликта, ошибочное выделение ложного объекта существенно затрудняют процесс решения проблемы. Иными словами, «учет окружения на уровне микросреды и макросреды позволяет понять содержательную сторону целей, мотивов сторон, а также их зависимость от этой среды» [42, с. 37]. Не случайно, поэтому в конфликтологии выделяют психологические составляющие конфликта, в которые входят: мотивы сторон, потребности оппонента, интересы сторон (осознанные потребности), ценности, которые они могут отстаивать в конфликте, цель (осознанный образ предвосхищаемого результата), позиция.

Если рассматривать в целом процесс, то следует отметить, что в культурном конфликте дело не только в «борьбе» противоположностей, но в более сложных и тонких оттенках взаимоотношений, которые понятие

«конфликт» их не отражает. Наиболее подходящим для этого нам представляется кантианское понятие «антиномия», более гибкое, обладающее широким потенциалом смыслов для описания объекта исследования. Понятие «антиномия» шире гегелевского понятия «конфликта», оно включает в себя автора, позволяет видеть направление «вектора» конфликта, учитывает широкий диапазон многообразных связей и отношений. Так, например, в античном мифологическом и философском сознании существовала разнообразнейшая система антиномических оппозиций. Можно утверждать, что практически весь антиномизм, присущий европейской эстетике, уходит своими корнями в античный антиномический дискурс.

Исторически, к пониманию конфликта как феномена, мир шел через практику. Многие исследователи осмысливали этот мир не только теоретически, но и практически. Один из современных исследователей А.В. Дмитриев выделяет три периода теоретического и практического осмысления конфликта.

«Первый период (середина XIX века) означал господство как марксистских, так и немарксистских представлений. Конфликт из-за различных интересов является основой эвристического принципа объяснения истории (Маркс), высказывались мысли о том, что конфликт, являясь основным понятием социологии, неотделимым от всей культурной жизни (Вебер), имеет как позитивные, так и негативные последствия (Зиммель).

Второй период (середина XX века) характеризуется преобладанием структурно-функциональной школы, отражающей тогдашнюю систему институтов, законов, личностных и групповых взаимодействий североамериканского и европейских обществ (Парсонс). В рамках этой школы, трактующей конфликт в качестве социальной болезни (Комте), в качестве «укрощенного» фактора постепенного развития общества (Козер), неотъемлемого элемента действия (Дарендорф), происходит пересмотр категориальной системы конфликта, в частности происходит отказ от попыток «решения» конфликта, сопровождающийся принятием тезиса о его «регуливании».

Третий период (XX век) связан с радикально изменившимися обстоятельствами на макроуровне (столкновение цивилизаций, распад СССР, рост межэтнической напряженности). Объяснение конфликта «классическими» теориями стало считаться неадекватным и слишком абстрактным. Так, новые институционалисты (Бурдье, Гидденс, Скотт, Флигстайн) сделали вывод, что конфликт объясняется соперничеством старых институтов с претендентами на отдельных полях, их переходом в смежные поля. Конфликты в этих условиях ориентированы на достижение того или иного конкретного результата» [55].

Е.И. Степанов отмечает, что «современная теория конфликта начала развиваться с середины пятидесятых годов и прошла два этапа.

Первый этап (1950-1970) связан со становлением социологии конфликта как специальной области социологического знания и с противостоянием структурно-функциональной (интегративной) и конфликтологической парадигм в социологии, для первой из которых характерно изучение механизмов,

обеспечивающих социальный порядок, а для второй – исследование механизмов, которые систематически порождают социальные конфликты и перемены.

Центральной проблемой второго этапа (1980-1990) становится разработка вопросов разрешения и предотвращения конфликтов» [42, с. 16].

Небезынтересно и другое научное видение на природу и характер самого конфликта, которое дает А.В. Манойло, отметивший, что «общая конфликтология исходит из двух посылов о природе конфликтов, происходящих в обществе: теории «исходного конфликта» (М. Вебер, Р. Дарендорф), полагающей, что конфликты присущи, неизбежны, имманентны обществу, их нельзя предотвратить, можно лишь смягчить их негативные последствия; и теории «производного конфликта» (Т. Парсонс, Э. Дюркгейм) сторонников системного подхода, полагающих, что конфликты в обществе, в том числе в международном сообществе, возникают в результате несогласованных действий его участников» [56].

Исходя из вышесказанного, получается, что современное общество порождает хаотичность, усложнение социальных и межличностных связей, изменяя механизмы формирования новой идентичности, что влияет и на изменение культурной картины мира. Деидеологизация, стирание нравственных ориентиров, поиск культурной идентичности, критический пересмотр пережитков традиций рационализма и диалектической парадигмы ведет к социальному недовольству населения, и, что еще хуже, среди народа появляются потенциальные протестные настроения, которые в конечном счете могут перерасти в конфликты с экстремистской, националистической и религиозной подоплекой. Все перечисленные культурные реалии актуализируют проблематику философского осмысления динамики культуры в контексте смены парадигм мышления и выбора путей формирования новых культурных и индивидуальных идентичностей. Так, например, А. Климов в своей статье «Внешнеполитические аспекты культурного лидерства в глобальном мире» отмечает, что при смене парадигм мышления и поиска новых культурных идентичностей «фактор массового воздействия на общество с помощью культуры активно используется разжигателями гибридных войн, теми, кто занимается радикализацией населения, расширением кадровой базы террористических и экстремистских организаций, формированием почвы «цветных революций», вмешательством во внутренние дела суверенных государств» [57].

Итак, в заключение параграфа, посвященного ретроспективному исследованию конфликтов как социально-культурного феномена, можно сделать вывод, что данные исследования имеют ряд отличительных признаков. В одних из них главное внимание уделяется констатации особенностям данного феномена, в других, предпринимается попытка выявления причин, вызывающих собой столкновения открытого характера, другие авторы, выявляя сущность социальных конфликтов предлагают различного рода стратегии по их преодолению и предупреждению.

Таким образом, данное наследие позволило сформироваться такой научной отрасли, как конфликтология.

В связи с этим предельно интересным становится вопрос о взаимоотношении таких понятий, как «культура», «общество», «конфликт» и «медиация».

1.2 Место и роль медиации в культурологическом аспекте

В понятии «культура» присутствует определенный парадокс. С одной стороны, культура по определению ориентируется на применение уникальных критериев оценки, так как является системой ценностей или практических форм поведения, присущих некоей части, меньшей, чем целое. Использование термина «культура» применимо с антропологической позиции (ценности или практические формы поведения одной группы, противопоставленной любой другой на том же уровне дискурса (например, христианская против мусульманской и т.д.). Также верно и в литературном смысле, подразумевая «высшие» ценности или практические формы поведения в сравнении с «элементарными» внутри некой группы, смысле, обычно отождествляющий культуру с представлением, с производством художественных форм. Но, с другой стороны, невозможно обосновать культурные ценности и/или практические формы поведения иного, не используя некие универсальные критерии. Ценности хороши не потому, что их придерживается некая группа; практические формы поведения хороши не потому, что их использует некая группа. Доказывать обратное было бы безвыходным эгоизмом и толкало бы нас либо к совершенно парализующему культурному релятивизму (поскольку аргументы подходили бы в равной мере к ценностям и/или практическим формам поведения любой иной группы), либо к абсолютно убийственной ксенофобии (поскольку ценности и/или практические формы поведения любой иной группы не могли бы считаться хорошими, а значит, и терпимыми).

З.Н. Исмагамбетова и А.Г. Карабаева в своей статье отмечают, что «социальные отношения и коммуникации в современном мире характеризуются конфликтностью и напряженностью в структуре и природе многоуровневых взаимодействий в обществе: социально-политические, социально-экономические, социально-психологические, этические, эстетические, профессиональные, коммуникативные, экологические, личностно-психологические, а также, непосредственно, «ценностные», этнические и религиозные и многие другие типы, и виды отношений в обществе. Поликонфликтная среда современного социума заставляет обращаться как к традиционным ценностям народов и этносов, так и к формам и средствам современной культуры, различным формам активности и взаимодействия в обществе на уровне целостности в обществе и личностным формам бытия человека, ведущим институтам общества (к примеру, институтам образования), а также к «прямому» опыту межкультурного взаимодействия» [58].

Каждый индивид юридически принадлежит лишь к одной политической единице, а каждая из таких единиц призвана принимать целый ряд решений культурного характера, большая часть из которых является законодательно обязательной. В современных государствах существуют официальные языки, системы образования с комплексом изучаемых предметов, армии, где предписывается определенное поведение, законы о въезде и выезде, законодательство о структуре семьи и о собственности (включая вопросы наследования) и т.д. В каждой из этих сфер должны приниматься определенные

решения, и легко понять, почему государства, как правило, должны предпочитать единообразные решения, если они политически возможны. Помимо сфер, где вообще нельзя обойтись без принятия решений, есть области, где государство теоретически может оставаться нейтральным, но на практике так же наталкивается на необходимость принимать политические решения. С тех пор как государство стало основным механизмом распределения общественного дохода, ему приходится предлагать финансовую поддержку всем социально значимым сферам во всем многообразии их форм. А поскольку располагаемый объем денег ограничен, государство вынуждено делать выбор, к примеру, как в науке, так и в искусстве. По остаточному принципу ясно, что в любом государстве, после того как такие решения принимаются в течение 100 лет, будет формироваться «национальная» культура, даже если ее не было в начале процесса. Подобное наследие уже приобретало институционализированный характер.

Но существует и иная реальность – экономическая. Наша современная миросистема по своей сути является капиталистической. Она функционирует, ставя на первое место бесконечное и бесконтрольное накопление капитала, и последнее оптимизируется созданием очень широкого географически разделения труда, которое в наши дни практически охватывает весь мир. Разделение труда предполагает потоки – потоки товаров, потоки капитала, потоки рабочей силы; потоки значительные, но все же ограниченные. Это означает, что государственные границы должны быть проницаемы, и они действительно являются такими.

В тот самый момент, когда создавались отличные друг от друга национальные культуры, указанные потоки разбивали эти отличия, просто порождая диффузию. Мы говорим именно об этом, когда обсуждаем постепенную интернационализацию культуры, которая бросается в глаза даже в тех областях, где кажется наименее вероятной – в повседневной жизни: привычные формы питания, стиль одежды и т.д.

Однако не все в этом процессе диффузии протекает гладко. Люди регулярно пересекают границы, и не только в качестве временных посетителей. Люди передвигаются с целью работы, но делают это двумя отличными способами, или на двух разных уровнях.

Доминирует тип миграции людей, стоящих на более низких уровнях иерархии квалификаций, переезжающих из более бедных стран в более богатые. Они часто поселяются там постоянно, или пытаются остаться, ориентируясь на постоянное жительство. Когда такие люди хотят ассимилироваться в национальную культуру принимающей страны, то часто оказываются отвергнутыми. Когда же отказываются от ассимиляции, от них требуют, чтобы они ассимилировались. В результате такого рода отношения к ним, они, обычно, и вполне официально становятся «меньшинством».

«Меньшинства» сегодня – не редкость, совсем наоборот. В каждой стране есть одно или несколько типов меньшинств, и их становится все больше и больше. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, процесс одновременного создания однородного мира и отличающиеся в его рамках друг от друга

национальные культуры, с другой, процесс одновременного создания однородных национальных культур и различных этнических групп или «меньшинств» внутри наций государств.

Интересно отметить, что между этими двумя процессами есть одно решающее различие. В двух параллельно развивающихся противоречиях – тенденция к единому миру против тенденции к отличающимся нациям-государствам, и тенденция к единой нации против тенденции к различным этническим группам внутри каждого государства – именно государства в обоих случаях играют решающую роль, поскольку контролируют большую часть всех видов жизненных ресурсов. При этом одно из государств может использовать свою мощь для создания культурного разнообразия, а другое – для создания культурного единообразия. На наш взгляд, именно это и сделало государство одновременно и культурной силой современного мира, и силой культурного противоречия.

Так, например, один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, утверждает, что «культура всегда была орудием сильнейшего» [59]. Изучая «культурный империализм», американский исследователь Р. Стил заметил, что «культурные сигналы всегда передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру – и они подрывают основы других обществ... В отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали» [60]. Данное явление американский политолог С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией» [61].

Являясь орудием власти имущих, культура всегда имела обоюдоострый характер: ведь если власть имущие могут оправдывать экспроприации, делая их результатом «обычая», то и слабые могут апеллировать к законности тех же самых «обычаев», чтобы сопротивляться новым и отличным от уже произведенных экспроприациям. Особенно интересным, на наш взгляд, является, например, тот факт, что в политической истории современной миросистемы по мере ее исторического развития угнетенными элементами все более часто и все более эффективно используется то, что в общем виде можно назвать культурным сопротивлением, которое, конечно, не является открытием современности.

Относительно стабильные народные культуры, которые утверждали свои ценности и свои формы в противовес культуре элит, существовали издавна. И столь же издавна существовали и культуры конъюнктурные, связанные с конкретным стечением обстоятельств, например, контркультуры групп, которые сознательно стремились вырваться из систем контроля, которым они были подчинены. Чаще всего такие группы были связаны с художественным производством в форме богемы или с производством утопий в форме новых религий. Такие группы, имея свои конъюнктурные контркультуры, регулярно рекуперировались, но в конечном итоге все же теряли свою остроту и значимость в противостоянии системе, поскольку стабильность народных культур делала их скорее средством социальной анестезии, чем орудием социальной революции.

Утверждение о существовании национальной «культуры», одной в каждой стране – несомненно, существует. Но такие национальные «культуры» – вовсе

не последовательная, не определенная и относительно не изменяемая модель поведения, а скорее сконструированные и постоянно перестраиваемые мифологии. С уверенностью можно сказать, что различия между тем, во что люди верят и как они в среднем ведут себя между, скажем, Кореей, Китаем и Великобританией, огромны. Но гораздо труднее доказать, что в каждом из этих государств существует единая национальная культура с относительно непрерывной исторической преемственностью или что внутригосударственные культурные различия можно безболезненно игнорировать [62].

Государство, являясь представителем многонационального народа, для создания стабильности должно учитывать интересы всех этнических групп. Это касается интересов не только в экономической и политической сфере, но и интересов в области культуры, религии, языков и т.д. Как отмечает Р. Кадыржанов, эти интересы переплетаются друг с другом, так как проявляют сходные черты в содержании и структуре через разные символы. Символ же в своей основной социокультурной функции — это интерпретация, определяющая смысл личности человека, то есть глубинную структуру его психологии. Данные символы определяют культурные границы этно-социальных групп [62, с.121].

Таким образом, символы не только объединяют людей, но и отделяют одни группы и сообщества от других. Причастность людей к своей группе (символам) часто приводит к отказу от символов других групп и сообществ. Это зависит от несовместимости символов одних групп с символами других, что приводит к их полному отвержению, а сама группа считается врагом.

Отторжение от другой социальной группы и ее символов - прямой путь к конфликту между ними. Чем более вероятен конфликт, тем выше мобилизационный потенциал группы, а это значит, что группа готова принять меры в случае изменения ситуации. При представлении идентификационных элементов на основе групповых атрибутов, значения, диалога и т.д. импресарио в сфере культуры, стремящимся представлять интересы своих групп, рекомендуется мобилизовать свои группы. Если в результате деятельности культурных импресарио группа откликается на призыв к социальной мобилизации, это означает, что предложенный ими проект идентификации был успешным.

Чтобы мобилизовать группу, импресарио угрожают существованию символа группы и, следовательно, самой группы. Поскольку граница группы — это символ группы и лежащая в его основе символика, то опасность символа требует защиты символа, то есть укрепления границы группы.

Речь идет о психологическом синдроме создания общих идентичностей (между членами группы или сообщества). Суть этого синдрома заключается в том, что через общую идентичность индивиды общаются с общим психологическим синдромом, на основе которого они действуют сообща для поддержания, защиты и укрепления своей личности. Разделяя общую идентичность, люди склонны действовать сообща в ряде случаев как единое, сплоченное общество, организационное, психологическое единство, отдавая при этом приоритет интересам сообщества, а не своим личным интересам [62, там же].

Трудности вышеобозначенного доказательства связаны с основными действующими лицами в мировой политике, где по-прежнему остаются национальные государства. Как и в прошлом, их действия определяются погоней за властью и богатством, но также и культурными предпочтениями, всем тем, что сближает или, напротив, разобщает их. Основные группировки государств больше не сводятся к трем блокам эпохи «холодной войны»; теперь речь идет о семи-восьми основных цивилизациях мира. В этом новом мире региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная – на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество супердержав уступает место столкновению цивилизаций и игнорировать культурно-цивилизационные и национальные различия народов было бы неверным решением.

Так, например, известный историк А. Дж. Тойнби, впервые поставивший проблему столкновения и синтеза цивилизаций, указывал на разрушительный эффект перенесения институтов и методов (т.е. технологий), «вырванных из своей природной среды», ибо «каждое исторически сложившееся пространство есть органическое целое», и «что полезно одному, вредно другому» [63]. Тойнби утверждает, что выделение этноса и более широкой общности происходит прежде всего на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям [63, с. 184-185]. Соответственно, и поведение людей определяется их культурно-цивилизационной, национальной, этнической принадлежностью. Что не может не являться серьезным фактором социальной напряженности, имеющей конфликтогенный характер.

А.В. Манойло, к примеру, указывает, что культурно-цивилизационные отличия в моделях информационно-психологического воздействия на политические конфликты уходят корнями, в первую очередь, в менталитет наций и этносов, составляющих население государств, и базируются на культурных архетипах [56, с. 223-225]. В целом исследователь, исходя из культурно-цивилизационных критериев, выделяет 4 основных подхода к использованию технологий информационно-психологического воздействия:

- англосаксонский (США, Великобритания и страны Британского содружества);
- восточноазиатский (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, возможно, Япония);
- романо-германский (Германия, Франция, Италия, Скандинавские страны);
- ближневосточный (арабский мир, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия).

В основе англосаксонской модели, по мнению А.В. Манойло, лежат укоренившиеся в сознании и проникшие в подсознание достаточно исторически молодые идеология и мировоззрение протестантизма: все 3 основные американские идеологические концепции – «экспорт демократии», «силовое умиротворение» и «бархатные революции» – по сути являются переработкой и развитием основных норм протестантского мировоззрения.

В основе восточноазиатской модели, как указывает ученый, лежат в основном традиционные конфуцианские мировоззрение и идеология, а также философское учение Лао-Цзы.

В основе романо-германской модели, отмечает исследователь, лежат в основном значительный опыт конфликтного сосуществования различных народов в рамках тесной Европы («коммунальная квартира») и историческая культурно-религиозная традиция католицизма, дополняемая элементами более позднего европейского протестантизма.

В основе ближневосточной модели, сформированной в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, лежит, по мнению А.В. Манойло, исторический опыт расширения ареала распространения и влияния исламского мира [56, с. 225].

Как мы понимаем, ученый высказал точку зрения, основу которой заложил Сэмюэль Филлипс Хантингтон, рассматривающий цивилизацию как наивысшее культурное образование, объединяющее людей и обеспечивающее им определенную степень культурной самобытности. Так, цивилизация исследователем определяется как совокупность общих объективных элементов язык, история, религия, обычаи, общественные институты, субъективная самоидентификация людей. Цивилизационная идентичность, по мнению Хантингтона, будет играть все более важную роль в дальнейшем формировании мира под влиянием взаимодействия нескольких главных цивилизаций и одновременно углубления различий между ними. Следовательно, наиболее значительные по своим последствиям конфликты будущего произойдут на своего рода культурных границах, разделяющих эти цивилизации.

Приведем простой пример: В Пальмире – городе, являющемся совершенно уникальным и необычным объектом Всемирного культурного наследия в ближневосточной пустыне, любые разрушения в котором станут не только военным преступлением, но также будут означать колоссальную утрату для всего человечества [64], в результате захвата боевиками были убиты более 400 человек, показательно казнен 82-летний археолог, хранитель античных памятников Халеда Асаада, подвергшийся перед казнью пыткам, разрушены античные статуи, мавзолеи и другие ценности мирового культурного наследия. Очевидно, что боевики ИГ, борющиеся с христианско-иудейской западной цивилизацией, публично и активно, перед объективами телекамер уничтожили ее историческую память и идентичность, символы культуры. Данное обстоятельство наводит на размышления о конфликте цивилизаций, неизбежность которого и была спрогнозирована американским политологом С. Хантингтоном [65].

По мнению С. Хантингтона, цивилизация является наивысшей культурной целостностью, наиболее стойкой из человеческих ассоциаций. Одна из основных идей ученого заключается в том, что культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. Следствием этой посылки являются такие происходящие в мире процессы, как смещение баланса влияния между цивилизациями, проявляющееся в снижении влияния Запада, росте мощи азиатских цивилизаций, дестабилизирующих последствиях демографического взрыва ислама для мусульманских стран и их соседей и осознание незападными цивилизациями значимости своих культур. В

соответствии с гипотезой С. Хантингтона, в современном мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут вовсе не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации. Центральной осью мировой политики станут взаимоотношения западной мощи и политики с мощью и политикой незападных цивилизаций. И если глобальная политика представляет собой политику цивилизаций, то соперничество сверхдержав сменяется столкновением цивилизаций.

Таким образом, центральным и наиболее опасным аспектом глобальной политики становится конфликт между группами различных цивилизаций. По прогнозу исследователя, одним из наиболее серьезных конфликтов станет конфликт Запада с исламской цивилизацией. Неизбежность данного конфликта С. Хантингтон объясняет следующим образом. В конце XX в. произошло повсеместное возрождение религий, заключающееся в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений, что привело к усилению различий между религиями. Наиболее очевидной и мощной причиной повсеместного религиозного возрождения стали процессы модернизации. Религия является одним из способов самоидентификации личности, и религиозные группы зачастую удовлетворяют социальные потребности, которые государственная бюрократия оставляет без внимания [66].

Действительно, межплеменные войны и этнические конфликты произойдут в рамках цивилизаций, однако насилие, осуществляемое в отношении друг друга государствами и группами, принадлежащими к разным цивилизациям, чревато своей эскалацией, по мере того как эти государства и группы станут находить поддержку родственных стран». В ходе конфликта в Югославии Россия, к примеру, оказала дипломатическую поддержку сербам, а Саудовская Аравия, Турция, Иран и Ливия предоставили средства и оружие боснийцам. И в основе подобных действий лежала не идеология, не политика силы, не экономические интересы, а факторы культурного родства.

Люди с разной идеологией, но одной культурой, объединяются, как это произошло с двумя Германиями и начинает происходить с двумя Кореями и Китаем. Общества, объединенные идеологией или историческими обстоятельствами, но разделенные цивилизациями, либо распадаются, как в Советском Союзе, Югославии, либо живут в условиях все большего и большего напряжения, как на Украине, в Нигерии, Судане, Индии, Шри-Ланке и многих других государствах. Страны, имеющие общие культурные корни, сотрудничают друг с другом в экономической и политической областях. Международные организации, состоящие из государств, имеющих много общего в сфере культуры, такие, как Европейский Союз, развиваются гораздо более успешно, чем те, что пытаются игнорировать культурные факторы. На протяжении 45 лет главной демаркационной линией в Европе служил железный занавес. Эта линия сдвинулась на несколько тысяч километров к востоку. Сейчас главная граница проходит по линии, отделяющей народы, которые представляют западно-христианскую традицию, от мусульман и православных.

Таким образом, говоря о цивилизации как о крупных целостных социокультурных системах со своими закономерностями, следует сказать, что эти закономерности не являются закономерностями, свойственными отдельным государствам, нациям, социальным группам, поскольку цивилизация включает в себя согласованные друг с другом и тесно взаимосвязанные различные элементы (религию, экономическую, политическую, социальную организацию, систему образования и воспитания и т.д.), которые тем не менее имеют своеобразные отпечатки той или иной цивилизации. Следовательно, рассматривая цивилизацию с позиции С. Хантингтона, можно отметить, что цивилизация – это «локальная, межэтническая общность народов, имеющих родственные корни и связанных единой исторической судьбой, единством системы ценностей и механизмом социальной регуляции» [61, р. 46]. Такие общности, по мнению мыслителя, формируются на основе: а) длительного вхождения народа в состав многонационального государства б) на основе религиозного единства, формирующего единую систему ценностей и механизмов регуляции общественной жизни.

Далее стоит отметить, проблема цивилизаций ставит перед исследователями новые актуальные задачи, решение которых предполагает научный подход и философскую проработанность. Г.А. Бейсенова обращает наше внимание на то, что «в настоящее время становится актуальной потребность в разработке метода макроисторического исследования, то есть изучение крупных социальных и культурных феноменов, существующих в виде целостностей» [35, с. 115]. Н. Данилевский называл их культурно-историческими типами, А. Тойнби – цивилизациями, П. Сорокин – метакультурами, М. Вебер – идеальными типами. Такие социальные и культурные суперсистемы не совпадают ни с нацией, ни с государством, ни с какой-либо социальной группой» [35, с. 116].

Итак, чем сложнее цивилизация, тем труднее социальная ситуация. При этом С. Хантингтон определяет цивилизацию как культурную сущность, где сложность культуры по мнению Э. Холла обусловлена обилием контекстуальной информации, необходимой для понимания социальной ситуации. Одним из первых исследователей, обративших свое внимание на проблемы взаимодействия людей в условиях глобализирующегося мира, был американский культурный антрополог Эдуард Т. Холл. Он задумался над вопросом о том, свободен ли человек от культуры, и если зависимость существует, то насколько она сильна. Его книги заложили основы междотраслевого исследовательского направления, занимающегося проблематикой взаимодействия людей разных культур, которое, как правило, обозначают прилагательным межкультурный (например, «межкультурная коммуникация», «межкультурная педагогика», «межкультурный менеджмент» и т.д.).

По мнению Э. Холла культуры различаются пониманием контекста, степенью контекстуальной зависимости, использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждое передаваемое сообщение. Говоря о контексте, Холл рассматривает ряд возбудителей, присутствующих в коммуникационном событии – различные внешние факторы, которые способны повлиять на процесс

коммуникации (тон речи, жесты, физическое расстояние между участниками беседы; время дня; погода; общественные нормы; географическое положение коммуникации и т.д.).

Таким образом, Э. Холл разделил все культуры на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные. В зависимости от того, какое значение придает каждая культура контексту коммуникативного акта, можно определить её принадлежность к этим двум аспектам.

Высоконтекстные культуры осуществляют коммуникацию так, что большая часть информации присутствует в общем контексте и интернализирована сторонами, а в непосредственно передаваемой словами или символами части информации относительно мало.

В низкоконтекстной культуре коммуникация построена противоположным образом. Основная информация передается вербально, а общий контекст несёт меньший объём информации. Стороны не имеют интернализированной общности.

Представители культуры высокого контекста больше полагаются на контекст, чем на слова. Для них существеннее обстановка, соблюдение иерархии и уважение статусов. Важна история прежних отношений, придаётся большое значение общему будущему, ритуалам и традициям. А представители культуры низкого контекста предпочитают вербальную коммуникацию и стремятся как можно точнее высказать свои мысли.

К высококонтекстным культурам относятся африканские страны, арабские страны, Бразилия, Россия, Турция, Таиланд, Китай, Иран, южные штаты США, Корея.

К низкоконтекстным культурам относятся Австралия, Голландия, англоговорящие Канадцы, Англия, Финляндия, Германия, Швейцария, Швеция, Норвегия.

Также Э. Холл делит культуру на монохромные и полихронные культуры. В монохромных культурах временная система такова, что всё должно происходить в строго определённые часы. В соответствии с этой системой события планируются, организовываются и управляются.

Полихронные культуры глубоко погружены в традиции и отношения. Время – это не ресурс, а сама ткань жизни. Они смотрят на отношения, а не на часы [67].

Как мы понимаем, цивилизация формируется ступенчато, как и фактически, сам человек. Так, например, Э. Эриксон говорит о том, что в развитии личности есть некоторые обязательные и следующие друг за другом ступени, которые должен пройти каждый в своем развитии. И таковых ступеней, по мнению ученого, всего восемь, которые он может пройти как успешно, так и нет [68]. При этом, на наш взгляд, интересной является мысль ученого о том, что при переходе от одной стадии к другой человек переживает личностный кризис, некую конфликтную ситуацию, которая может разрешиться позитивно, что способствует формированию позитивного новообразования или сильного свойства личности; или негативно, что представляет собой деструктивное новообразование, препятствующее формированию эго-идентичности. Человек

расширяет сознание и, вовлекая в него объекты из внутреннего и внешнего мира, самоорганизуется и, исходя из новых позиций, его сознание адаптируется к реалиям внешнего и внутреннего мира, после чего процесс продолжается снова, но это идеальный случай. В действительности проект стройки неизвестен, поэтому необходима адаптационная процедура, и здесь конфликты – это лучшие спутники, которые помогают самонастраивающейся личности развиваться оптимально, если конечно, подходить к ним как к помощникам.

В своей работе К.Г. Юнг отметил: «В природе разрешение конфликта между противоположностями всегда является энергетическим процессом: она действует символически в буквальном смысле этого слова, делая что-то она выражает обе стороны, подобно тому, как водопад визуально соединяет верх и низ. В ходе открытого и неразрешённого конфликта происходят сновидения и фантазии, которые подобно водопаду, выражают природу противоположностей и напряженность между ними, подготавливая тем самым синтез» [69].

Стоит подчеркнуть, что к конфликту приводит неподготовленность человека к эффективным действиям в подобных ситуациях. Он может не знать о том, что существует несколько способов и десятки приемов бесконфликтного выхода из предконфликтных ситуаций без ущерба для собственных интересов. Человек может иметь представление об этих приемах и способах, но не иметь навыков и умений их применения на практике: низкая конфликтоустойчивость; плохо развитая у человека способность к эмпатии, то есть пониманию эмоционального состояния другого человека, сопереживанию и сочувствованию ему; завышенный или заниженный уровень притязаний; различные акцентуации характера.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что социальные факторы образуют фон, конкретно-историческую среду функционирования и развития социально-юридического механизма, который бы был успешным в разрешении конфликтов.

Таким образом, на основе анализа социально-юридического механизма разрешения конфликтов мы приходим к выводу, что в данном механизме существуют разнообразные средства и способы урегулирования конфликтов. К средствам, включенным в данный механизм, относятся юрисдикционные и внеюрисдикционные.

Невозможно утверждать, где, в какой стране и при каких обстоятельствах возникли первые практики использования внесудебных методов разрешения споров, поскольку разнообразные процедуры примирения существуют в самых разных культурах. Однако принято считать, что в современном мире медиация и другие методы АРС (альтернативное разрешение споров) получили первое методологическое развитие в реалиях западных правовых систем, и очень важно понимать, какие причины к этому привели, на какие вызовы должна была ответить медиация, какое место она заняла в общем движении к социально – ориентированному правосудию. Понимая эти причины и сравнивая обстоятельства развития судебных систем, вероятно получится понять, насколько готово и наше общество, и государство, и юридическое сообщество к использованию инструментария внесудебного разрешения споров.

Речь Роско Паунда, произнесённая в 1906 году на конференции Американской ассоциации юристов в Сент-Пол, штат Миннесота, стала поворотной точкой и оказала огромное воздействие на эволюцию правосудия США, а в каком-то смысле и во всём мире, и стимулировала появление и развитие методов АРС. Заявленная им тема казалась провокационной: «Причины распространённой неудовлетворённости отправлением правосудия». «Неудобная речь» Р. Паунда, однако содержала очень точный и очень неутешительный анализ того, почему американское общество того времени было недовольно судебной властью, и содержала некоторые важные рецепты того, каким образом юридическому сообществу следует отреагировать, чтобы исправить ситуацию [70].

Взгляды Р. Паунда сформировались под влиянием философии прагматизма – право он понимал, как одну из систем социального контроля (наряду с религией, моралью, обычаями, воспитанием). Мировоззренческой основой учения Паунда послужили идеи прагматизма – ведущего направления в философии США начала XX века. В основе прагматизма лежит суждение о том, что любые теоретические построения нужно оценивать с точки зрения их практического значения или пользы. Следуя этому принципу, Паунд призывал юристов не ограничиваться изучением «права в книгах» и обратиться к анализу «права в действии». Юридическая наука, считал он, призвана показать, как право реально функционирует и влияет на поведение людей. Противостояние «права в книгах» и «права в действии» со временем стало лозунгом всей прагматистской юриспруденции в США. Подлинным назначением права, в понимании Р. Паунда, является разрешение возникающих в обществе конфликтов и развитие цивилизованных отношений между людьми. Право не должно служить средством подавления, должно не разъединять членов общества, а, наоборот способствовать укреплению согласия и развитию сотрудничества между ними.

В апреле 1976 года профессор Гарвардской школы права Франк Сандер, выступая на Паундовской конференции, выступил с докладом «О различных способах рассмотрения споров», в котором предложил оригинальную концепцию «суда со множеством дверей», ориентированного на потребности пользователей и предлагающего им различные способы урегулирования спора [71]. Выступление Ф. Сандера часто считают днём рождения альтернативного разрешения споров как юридической дисциплины и практической сферы деятельности.

Следует отметить, что с рождением альтернативных разрешений споров получает дальнейшее развитие и медиация.

Понятие «медиация» в культурологию ввел К. Леви-Стросс, позиционировавший медиацию как выход за рамки присущего архаичному мышлению структурного бинаризма, как механизм разрешения смысловых противоречий путем замены исходной бинарной оппозиции другими – все менее контрадикторными – до полного ее преодоления [72].

Необходимо отметить, «в современном научном и общественно-политическом дискурсе понятие «медиация» чаще используется в значении технологии внесудебного и досудебного разрешения споров, урегулирования

корпоративных, финансовых, семейных и т.д. конфликтов. Подобного рода технология достаточно основательно разработана и продолжает разрабатываться, однако в этих изысканиях есть существенный пробел. Он касается нравственных аспектов медиации. Речь идет не столько об этике медиации, профессиональном кодексе поведения медиатора, сколько о нравственной культуре общества, определяющей предрасположенность или непредрасположенность его членов к досудебному и внесудебному примирению и посредничеству» [73].

Медиация была разработана в 60-е и 70-е годы в США и успешно используется сейчас там во многих областях жизни. Исследователь Л.В. Головкин указывает на то, что идея самой медиации едина [74]. Ниже представлены определения медиации, где это всегда попытка примирить конфликтующие стороны силами третьей стороны. Это универсальная идея, и она настолько же универсальна, как идея правосудия, будь то уголовные дела, гражданские или арбитражные.

Так, например, в Словаре иностранных слов русского языка «медиация» понимается как посредничество [75], т.е. способ его осуществления.

В Историческом словаре галлицизмов русского языка (лат. *Mediatio* посредничество. дипл., юр.) интерпретируется как посредничество в мирном урегулировании отношений, разногласий и т.п. [76].

В Философской энциклопедии указано, что медиация – это посредничество; медиаторный – посредствующий [77].

Согласно Энциклопедии социологии медиация – (от лат. *Mediatio* посредничество) англ. *mediation*; нем. *Mediation*. 1. Посредничество как метод диалектического разрешения противоречий между единичным и общим, человеком и природой, индивидом и обществом, субъектом и объектом. 2. Посредничество [78].

Энциклопедия права истолковывает медиацию как посредничество в международном споре государства, непосредственно в нем не участвующего [79].

Как видим, в переводе с латинского понятие «медиация» («*mediare*») означает «посредничать». Иными словами, медиация – это процесс разрешения конфликта с участием нейтральной незаинтересованной стороны, которая призвана содействовать сторонам в принятии взаимоприемлемого решения.

Поток литературы по медиации в последнее десятилетие принимает масштабный характер. Являясь объектом как научного, так и обыденного сознания, медиация имеет и разные научные оценки. Одни учёные видят в медиации – вид социальной практики, а не раздел конфликтологии или иной теоретической дисциплины» [67, с. 14], другие, навязывают медиации правовой институт или новый институт гражданского общества.

В своём исследовании буду придерживаться мнения, что медиация – это один из разновидностей посредничества в разрешении различного рода коллизий.

Опять же, ради справедливости стоит отметить, что общепринятого определения термина «медиация» не существует, наглядным подтверждением

тому может служить то различие в понимании как сущности, так и сфер практического применения медиации.

В.С. Батурин и Л.И. Никовская пишут, что «в жизни иногда возникают ситуации, парадоксальность которых сводится к тому, что большинство определений одного и то же понятия одновременно содержат в себе как бы несколько различных логических акцентов. А порождаемая вследствие этого поливариативность и многосмысленность значений данного понятия, создаёт весьма устойчивую иллюзию, явно завышающую универсальность теоретической и практической значимости того, что им пытаются обозначить. Подобное, похоже, на сегодня демонстрирует собой медиация, в связи с тем ажиотажем, который складывается вокруг неё в плане обеспечения ею различного рода примиренческих услуг» [80].

Посредничество в конфликтах и не только, имеет богатую историческую традицию: его практиковали в античной Греции, в древнем Китае и Японии, в Европе, в Казахстане во времена средневековья. Современное понимание медиации начало формироваться во второй половине XX века в странах англосаксонского права – США, Австралии, Великобритании. Сам термин «медиация» впервые появляется в 1947 году в названии американского федерального центра по урегулированию конфликтов между работодателями и профсоюзами «Federal Mediation and Conciliation Service». В 60-е годы в США закладываются основы медиации как альтернативного способа разрешения правовых споров.

«С 1960-х гг. в США была разработана концепция медиации в той форме, в которой она существует сегодня. Эти года определялись протестами против войны во Вьетнаме, движением за права человека, за новое определение роли полов, студенческими волнениями. Особую роль при этом сыграл основанный в 1964 г. Community Relation Service американского министерства юстиции. Данные учреждения помогали разрешить конфликты расистского, этнического и национального характера посредством медиации и переговоров, внесли вклад в смягчение многих крупных конфликтов тех лет.

В 1970-е гг. интерес к медиации значительно возрос. Стали появляться первые центры Neighborhood Justice Centers – «Соседские юстиции» – локальные негосударственные организации, которые предлагали бесплатные или недорогие медиативные услуги при возникновении правовых конфликтов между арендаторами и нанимателями, семейных конфликтов и т.д. Многие называют 1976 г. годом начала внедрения альтернативных способов разрешения споров, поскольку именно тогда проявилась взаимосвязь этих методов с судебной системой США. Процедура медиации в США урегулирована Единообразным Актом о медиации 2001 г., а также законодательством, действующим в отдельных штатах» [81].

«Медиаторы могут находиться при суде. Как отмечает К. Бернард, медиаторы при апелляционном суде Девятого федерального округа США являются сотрудниками суда, они высококвалифицированные юристы с большим опытом работ. Деятельность медиаторов как сотрудников суда четко ограничивается от иной судебной деятельности» [82].

«Опыт США показывает, что с помощью посреднических процедур можно не только быстро и эффективно разрешить споры, но и решить многие проблемы судопроизводства, например, существенно уменьшить количество подлежащих рассмотрению гражданских дел, упростить процедуру разбирательства, снизить сроки прохождения дела в суде первой инстанции» [83].

В 1980-х гг. популярные примирительные процедуры быстро проникли в другие страны англосаксонского права: Англию, Ирландию, Канаду, Индию, Австралию – и далее распространились по всей Европе.

П.Н. Шихирев отмечает, что «другой мощный импульс исследованиям возможностей третьей стороны был дан сферой международных отношений, где на протяжении последних десятилетий прошлого века сформировалась так называемая «челночная дипломатия», время от времени оказывавшаяся достаточно эффективной. Весьма важную роль сыграли в этом плане и межэтнические, этнокультурные конфликты, стороны которых также были вынуждены апеллировать к некой третьей, стоящей как бы над конфликтом, инстанции» [84].

По мнению известного исследователя медиации Т.А. Дронзиной, «этнокультурные конфликты выдвигают огромные вызовы перед медиацией. Они являются специфичным видом базированных на идентичности конфликтов, что объясняет их продолжительность, ожесточённость и остроту» [85].

Поэтому роль межкультурного, этнокультурного, межрелигиозного медиатора заключается в том, что, «входя в пространство сложного архаического конфликта, нужно очень точно и тонко работать с контекстами (на примере, Э. Холла) и находить в них возможные точки сближения сторон» [67, с. 72].

Посмотрите на остроумную таблицу, которую Холл создал для того, чтобы описать некоторые паттерны, которые можно спрогнозировать между культурами с различными временными системами (таблица 1, 2).

Таблица 1 – Монохронные культуры: США, Канада, Дания, Британия, Швеция, Япония

Монохроничные люди	Полихроничные люди
Делают одно дело в одно время	Делают много дел одновременно
Концентрируются на работе	Сильно отвлекаются, их часто отвлекают
Принимают обязательства по срокам (крайний срок, расписания) серьезно	Считают, что цель можно достичь, если получится
Низкоконтекстуализированы, нуждаются в информации	Высококонтекстуализированы, уже обладают информацией
Преданы работе	Преданы людям и человеческим отношениям
Твердо, религиозно преданы планам	Меняют планы часто и легко
Беспокоятся о том, чтобы не мешать остальным, следовать правилам невмешательства в чужую жизнь и вежливости	Больше заботятся о тех, с кем связаны близкими отношениями (семья, друзья, близкие коллеги по бизнесу), чем невмешательством в чужую жизнь

Выказывают величайшее уважение в отношении частной собственности, редко занимают или дают займы	Занимают и дают займы часто и легко
Подчеркивают расторопность	Основывают расторопность на отношениях
Привыкли к краткосрочным отношениям	Обладают сильной склонностью создавать пожизненные отношения

Таблица 2 – Полихронные культуры: Россия, Китай, Египет, Индия, Мексика, Саудовская Аравия

Культурные факторы в медиации	
Высококонтекстные коммуникации	Низконтекстные коммуникации
Взаимоотношения медленные	Взаимоотношения быстрые
Формальные	Неформальные
Коллективные	Индивидуальные
Правда – ложь, брать – давать, Терять – сохранять	Репутация
Эмоции внутри	Эмоции снаружи
Низкая ориентация на время	Ориентация на быстрое решение

Для проведения процедуры медиации Н.И. Григорьев, ссылаясь на Э. Холла и Дж. Баркая, даёт методические рекомендации, на что именно ссылаться медиатору во время проведения этнокультурного, межрелигиозного конфликта [67, с. 72].

К высококонтекстным культурам относятся африканские страны, арабские страны, Бразилия, Китай, франкофоны Канады, Франция, Греция, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Корея, Латинская Америка, Пакистан, Россия, Таиланд, Турция, Вьетнам, южные и восточные славяне (таблица 3).

Таблица 3 – Использование культурных особенностей в медиации

Использование культурных особенностей в медиации		
	высоконтекстные коммуникации	низконтекстные коммуникации
При проведении процедуры медиации	<p>Читайте между строк. Просите высказаться более определённо. Уделяйте большое внимание контексту и невербалике. Не пытайтесь понимать буквально, собирайте подсказки. Старайтесь понять идеи и вопросы представителей группы в комплексе. Уважайте их обострённое чувство собственного достоинства.</p>	<p>Говорите чётко и ясно. Задавайте прямые вопросы, честно делитесь мнением. Говорите «нет», если вы хотите сказать «нет». Принимайте сказанное участниками за чистую монету. Нет необходимости читать между строк. Вы слышите именно то, что вам хотят сказать. Избегайте двусмысленности. Принимайте их прямолинейность как плюс.</p>

	<p>Объясняйте, что вы не всё поняли, просите разъяснений. Уделите время установлению хороших отношений. Серьёзные переговоры проходят только лично</p>	<p>Применяйте активное слушание. Будьте готовы к серьёзным переговорам уже на первой встрече. Часть обсуждения может проходить по телефону или Интернету</p>
--	--	--

К низконтекстным культурам относятся Австралия, Голландия, англоговорящие канадцы, Англия, Финляндия, Германия, Швейцария, северные штаты США, Швеция, Норвегия.

Казахстан относится к полихронной и высококонтекстной культуре, поэтому перед медиатором стоят четыре главные задачи:

1. Стороны при выборе медиатора должны убедиться, что он (медиатор) соответствует требованиям сторон (статусу, возрасту, обычаям).
2. Медиатор так же должен убедиться, что представители сторон соответствуют контекстным требованиям (статусу, возрасту, обычаям).
3. Медиатор при медиации должен обеспечить сторонам гарантированное сохранение лица.
4. Обеспечить сохранение ритуалов.

Таким образом, в конфликтах культур медиация имеет своё место, где любая процедура урегулирования конфликта осуществляется с помощью нейтрального и независимого посредника в широком смысле слова.

При этом очевидно, «что медиатором может выступать как персональный дискурсивный посредник, конкретная личность, так и коллективное лицо – группа посредников или даже целые государства в качестве посредников. Достаточно вспомнить существующие прецеденты международного, межкультурного медиативного взаимодействия, например, в формате заседания трехсторонней контактной группы Россия – ОБСЕ – Украина по урегулированию ситуации в Донбассе (Минск) или урегулирования многолетнего спора между Афинами и Скопье при посредничестве ООН по поводу названия бывшей югославской республики, которое совпадает с наименованием северной греческой области» [86].

Говоря о роли медиации, философ и политолог из Болгарии Т.А. Дронзина в своей работе «Медиация» пишет, «Я бы сказала больше – именно этнические конфликты, которые в принципе не подлежат судебному урегулированию, показывают, как велика роль медиации. Она сводится к поддержанию межэтнического диалога, к улучшению межкультурной коммуникации, к лучшему пониманию друг друга. Так как межэтнический конфликт всегда имеет в своей основе нужды и ценности, которые не всегда подлежат рациональной оценке, медиатор должен стремиться не к сделке, а к взаимному приспособлению различных этнических идентичностей, которые на протяжении десятилетий показали, что могут мирно сосуществовать. В этом большая социальная миссия медиации, которая не сводится только лишь к разрешению данного конфликта, а расширяет горизонты стран с развивающимися экономиками» [85, с. 283].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующий вывод, обращение к компаративистской методологии при анализе эволюции взглядов на медиацию позволяет выявить две наиболее значимые тенденции:

1. Культурологический подход. Посредничество (медиация) является объективным процессом уклада образа жизни культуры развития общественных отношений.

2. Законодательно – правовой подход, где причина обращения к медиации была продиктована бюрократией, формализованностью, косностью судебно-правовой системы. При этом роль и функции медиатора (посредника) определялись по требованию в законодательном порядке. В процессе развития общественных отношений в законодательстве разных стран обозначились два подхода:

а) в широком смысле медиация предполагает до и вне судебного участия медиатора в разрешении социальных конфликтов, как например Голландская модель медиации;

б) в узком смысле, его функции полностью подчинены требованиям закона, а именно судопроизводства. Данный подход называют интегративным или немецким подходом. Это было связано с тем, что по законодательству западных цивилизованных государств всякое нарушение закона считалось антиправовым, а всякое нарушение прав считалось противозаконным. Это давало возможность другому, гражданину этих государств посчитавшему, что нарушаются его права или закон обращаться в суды, что неминуемо суды оказывались обвально перегруженными – множасьими делами принимаемых на рассмотрение.

Облегчение участи судов в подобных ситуациях послужило обращению к медиации. При этом понятие медиация стало синонимом понятия посредник.

В заключении главы можно сделать вывод, что культурфилософский и социально-философский подход к выявлению сущности конфликта, как социально-культурного феномена и проявления при этом посредничества, позволили определить причины того, что наряду с ними сформировался иной, так называемый юридически-правовой подход. При этом посредничество в законодательно установленном формате стало именоваться медиацией. А ее роль, в основном, стала сводиться к тому, чтобы служить гуманизации деятельности доминирующих на сегодня в мире судебно-правовых систем. В то время, как в конфликтологии медиация рассматривается в качестве лишь только одной из разновидностей оказываемых посреднических услуг. К сожалению, именно данное понимание сущности медиации преобладает сегодня в исследованиях и не только одних юристов.

2 СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕДИАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

2.1 Природа проявления конфликтогенности в жизни Казахстана

В XXI веке общество столкнулось с проблемами, которые затрагивают самые глубокие основы существования человеческой цивилизации. «Эти проблемы универсальны и присущи всей системе человеческой жизнедеятельности. Они угрожают существованию человечества, хотя проявляются как различные: угрозы ядерной войны, терроризма, экологической катастрофы, раскол стран на богатые и бедные, разделение внутри обществ, внутри социальных слоёв, истощение естественных природных ископаемых и энергоносителей и т.д. Основным критерием глобальности служат такие свойства проблемы, когда они затрагивают интересы всего человеческого сообщества, приобретают всемирный, а не локальный характер, создают реальную угрозу для будущего человечества и требуют для своего разрешения сотрудничества в самом широком масштабе» [35, с. 46].

Г.А. Бейсенова продолжает, что «глобализация требует изменения картины мира всех национальных культур для создания новых глобальных ценностей, обязывает многие институты сформировать новые социальные ориентиры, а конкретную личность проявить всю ответственность выбора. Динамика, напор, создание внешне привлекательных, но трудно реализуемых на местном уровне социальных моделей и культурных типов западного общества в незападном мире сегодня проявляются столь очевидно, коснувшись в первую очередь «переделки» своей национальной идентичности» [35, с. 127].

Однако если незападным обществам и суждено модернизироваться, то они, судя по всему, должны пойти своим путём, опираясь на свои собственные обычаи, традиции, нормы, институты и ценности.

В обществе постоянно появляются новые виды общественных отношений и видоизменяются старые, особенно в период трансформации социума. Ещё острее стоит проблема социокультурных конфликтогеннов в трансформирующихся обществах. Известно, что сфера культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменения и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло.

Особая разновидность социокультурной конфликтности – социально-экономическая, возникающая в процессе изменения отношений различных общественных групп к собственности. В этот процесс подключаются все этносы и религиозные организации в переходный период развития общественной системы.

Конфликтогенность общества представляет собой социально-экономическое явление, систему объективных явлений процессов и субъективных образов, формирующих различные виды напряженностей, как результат взаимодействия больших социальных групп, включающих свою систему отношений и групповые интересы. Большие социальные группы охватывают социальные классы, слои, этнические общности, политические

партии, которые создаются на основе общих признаков (экономических, этнических, политических и пр.). Конфликтогенность присуща любому обществу – это свойство общества порождать враждебность. Она представляет собой промежуточное звено от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам.

Социальная сфера жизнедеятельности является совокупностью устойчивых социальных взаимоотношений социальных групп и национальных общностей по поводу условий их жизни и деятельности. Социальная напряженность в обществе затрагивает сложные общественные процессы, она возникает по поводу средств жизнеобеспечения, доступа к различным благам и ресурсам, безопасности существования.

Социальная напряженность отражает состояние всей общественной жизни, характеризующееся обострением разногласий объективного и субъективного характера в различных сферах. Она может проявляться также при отсутствии осознаваемого противостояния. На эмоционально-ментальном и поведенческом уровнях напряженность характеризуется следующими моментами: распространение настроений недовольства в обществе; утрата доверия к властным структурам; пессимистические оценки будущего, неуверенность в завтрашнем дне; массовый поиск дополнительных источников доходов; стихийные массовые действия в виде протестных выступлений, вынужденной миграции, и т.д.

В социальной напряжённости «отражена важная характеристика внутреннего состояния и взаимоотношений личностей, социальных групп и общностей, особенно в периоды переходного, кризисного развития общества.

Например, В.О. Рукавишников выделяет следующие признаки социальной напряжённости, с которыми мы не можем не согласиться:

1. В самых широких кругах населения распространяются настроения недовольства существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни.

2. Под влиянием общественных настроений утрачивается доверие к политике властей, широкое хождение приобретает пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи в обществе в целом или в отдельных его сегментах, возникает атмосфера эмоционального возбуждения.

3. Социальная напряжённость проявляется не только в общественных настроениях, но и в массовых действиях: в ажиотажном спросе, в вынужденной и добровольной миграции части людей в другие регионы, в активизации деятельности общественно-политических движений, в борьбе за власть и влияние в массах, в стихийных и организованных митингах, забастовках и иных формах гражданского неповиновения» [87].

Конфликтогенность общества – беспокойное, чреватое опасностью состояние взаимоотношений в социокультурной сфере, отражающее культурные и социальные противоречия, разногласия и негативное социально-психологическое состояние крупных социальных групп и общества в целом.

С трансформацией всех сфер жизнедеятельности общества накапливается неудовлетворенность существующим положением дел, возрастают притязания,

радикально меняются стереотипы массового сознания, население вынуждено отказываться от привычных норм поведения и тех видов деятельности, которые их вполне удовлетворяли в прошлом. Недовольство, вызванное низкими доходами, инфляцией, безработицей, отсутствием личной безопасности и пр., вызывает недоверие к властным структурам, социальную напряженность на поведенческом уровне – митинги, демонстрации, забастовки, миграцию в другие регионы или страны. В условиях мирового кризиса и спада производства объективные разногласия вызывают более сильную эмоциональную реакцию у населения.

Сложность анализа социальной конфликтности общества обусловлена рядом особенностей, присущих слабоструктурированным системам, в т.ч. социокультурной. Среди них можно выделить следующие особенности:

- многоаспектность происходящих в них процессов (культурных, социальных и т.п.) и их взаимосвязанность; в силу чего невозможно вычленение и детальное исследование отдельных явлений, все происходящие явления и процессы необходимо рассматривать в совокупности;

- отсутствие достаточной количественной информации о динамике процессов, что вынуждает использовать качественный анализ таких процессов;

- изменчивость характера процессов во времени и т.д.

Каждый признак характеризуется одним или несколькими количественными показателями. Например, взяточничество характеризуется таким показателем как количество зарегистрированных случаев взяточничества. Наркотизм же показателями, отражающими количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозами наркомания и токсикомания.

Часть признаков конфликтности находит отражение в статистической отчетности. Эти данные являются важным источником информации, но они не позволяют составить полную картину существующих напряженностей в обществе

Конфликтность общества складывается при влиянии и взаимодействии различных причин. Для определения способов ее снижения необходимо выявление причин и закономерностей, которые определяют конфликтность общества и ее динамику, установление значимых факторов варибельности напряженности в обществе, в первую очередь, социально-экономических факторов.

На уровень социальной конфликтности общества наибольшее влияние оказывает качество жизни населения, прежде всего, уровень жизни. Низкая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей населения товарами и услугами может выступать в качестве причин усиления социальной напряженности общества. Уровень жизни населения характеризует совокупность экономических показателей в расчете на душу населения. На социально-психологический настрой в обществе сильное влияние оказывают уровень занятости и безработицы. Ухудшение экономической ситуации в стране и снижение уровня благосостояния населения вызывает финансовый кризис.

Большое количество мигрантов в месте проживания тоже не может не сказываться на настроении населения. Эти факторы могут привести к нарастанию депрессивных состояний в обществе и усилению социально-экономической напряженности.

Как свидетельствует мировой опыт, страны, находящиеся на пути социально-экономической и политической модернизации, подвержены повышению уровня социальной напряженности и, как следствие росту факторов конфликтогенности.

Факторы возникновения социокультурных конфликтогеннов:

- этнический фактор как столкновение различных этнических идентичностей;
- религиозный фактор как столкновение религиозных мировоззрений;
- цивилизационный фактор как столкновение различных цивилизаций в казахстанском пространстве.

Выявление причин социокультурных конфликтогеннов тесно связано с факторами социокультурного развития (этническим, религиозным и цивилизационным), исследование которых позволяет провести типологизацию социокультурных конфликтов в обществе:

«1. Конфликты, возникающие под влиянием этнического фактора, к которым в соответствии со сферой приложения категории социальных интересов относятся этнополитические, этноконфессиональные, межэтнические и др. 2. Конфликты, возникающие под влиянием религиозного фактора, к которым в основном относятся столкновения либо между различными религиями, либо противоречия между религией и государством, либо противоречия внутри самой конфессии. 3. Конфликты, возникающие под влиянием цивилизационного фактора, охватывают социокультурное пространство всего глобализирующегося мира и заключаются в противостоянии между Западом и Востоком, Югом и Севером, между угрозами глобализации и традиционалистской позицией, между техногенной цивилизацией и культурой мира. В этом факторе переплетаются этнические и конфессиональные дивергенции, которые выражаются в противостоянии евроатлантической и евразийской (православной), евразийской и мусульманской, мусульманской и евроатлантической глобальных цивилизаций» [88].

В условиях глобализации наиболее актуальными становятся этноконфессиональные и межконфессиональные отношения. Сохранение социально-политической стабильности, социально-экономической и политической независимости страны, этноконфессионального и межконфессионального согласия, основанного на принципах взаимоуважения и взаимной ответственности, с сохранением культурно-этнической уникальности являются важными задачами.

Необходимо отметить, что Республика Казахстан имеет немалый опыт в сфере предотвращения конфликтогенности общества, который высоко оценивается мировым сообществом. Вместе с тем процесс модернизации в Казахстане порождает проблемы эффективного управления конфликтами,

обеспечения легально-конституционных способов всестороннего реформирования общества.

В этой связи уместно было бы напомнить, ориентиры того или иного народа или нации не задана априори, а является историческим феноменом. Проблема исторического формирования Казахстана хорошо освещены в научных и учебных трудах. Начиная с царской России, после в Советский период, в Казахстан в разные годы были переселены русские, сосланы, депортированы «неугодные» народы – «корейцы, немцы, турки-месхетинцы, греки, курды, поляки, чеченцы, ингуши, крымские татары, калмыки – всего до 1 млн. 500 тыс. человек. Кроме того, с начала XX в. в нашу республику было переселено еще 5 млн. 600 тыс. человек, в том числе 3,5 млн. за 1940-1988 гг., не считая сосланных и эвакуированных. В итоге казахи на своей исторической родине оказались в меньшинстве: их процент снизился с 92% в начале XIX в. до 29% в 1962 г.» [89].

Жесткий прессинг советской системы, выразившийся в навязывании казахскому этносу «советской идентичности», подавлении и неартикулированности этнокультурных духовных запросов, привел к еще одной не замеченной миром трагедии – уничтожению основ кочевого образа жизни казахов, забвению языка и традиционной культуры значительной их части.

Советское государство, провозглашая интернационализм, на практике всеми средствами стремилось нивелировать этнические и национальные различия в самом жизненном укладе народов. Прежде всего, данное нивелирование осуществлялось в сфере материального производства. Ведь В.И. Ленин утверждал, что «национальный состав населения – один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других» [90]. Конечно, не всегда отменялся сам основной род хозяйствования того или иного этноса или той или иной нации. Однако он перестраивался на «социалистических» началах. Экономические отношения, спроектированные и спланированные в Центре в соответствии с государственной идеологией, распространялись на всю страну и внедрялись в самых малых производственных ячейках. Сама же логика этих отношений была такова, что она не только не требовала обнаружения этнической или национальной специфики производителей, но и делала ее излишней. От работника совсем не требовалось проявления своей принадлежности к своему народу и его культуре.

Навязывание единого типа материального производства, единого стандарта трудовой дисциплины, единого стиля поведения в быту, и в социальной сфере постепенно делали свое дело. Как отмечает М.С. Шайкемелев, «в процессе «социалистического строительства» формировались стандартные человеческие индивиды. Так режим формировал советского человека – строителя коммунизма. В соответствии с идеалами этого режима, советский человек должен был быть легко управляемым властью» [91].

Политика деэтнизации и денационализации была составной частью «первого в мире социалистического государства». Это государство стремилось не только организацией экономической сферы сделать излишней этническую и национальную специфику работника, но и реализовать этот принцип во

внеэкономической сфере. В этой обстановке национально-культурное опять же не могло играть какой-либо существенной роли, кроме сугубо декоративной: государству было необходимо продемонстрировать народу и всему миру «интернационализм в действии». Поэтому партократическое государство поддерживало внешне-декоративную сторону этнонациональной специфики – национальную одежду, национальное искусство (песни, танцы), некоторые национальные виды спорта, – но в отрыве от содержательной стороны этнонациональных культур.

Таким образом, на всех уровнях и во всех сферах и отраслях культуры шло нивелирование этнического и национального содержания различных культур, шла интенсивная унификация их под общий образец. Идеологически это выразилось в формуле: культура народа должна быть «национальной по форме» и «социалистической по содержанию». На это содержание работали и такие советские идеологемы, как: 1) идеологема «расцвета и сближения наций»; 2) идеологема «стирания национальных различий в процессе строительства коммунизма»; 3) идеологема «возникновения новой социалистической общности – «советского народа». Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев отмечает: «Целая группа мифов – от пресловутого советского народа до особой роли «старшего брата» – на деле скрывала многолетнюю политику подавления национального чувства и национального сознания.

Формула «культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию» была на деле идеологическим оправданием разрушения, уничтожения всякой этнической и национальной идентичности. Это разрушение осуществлялось в разных формах и по разным направлениям. Тем не менее, даже в тех условиях этническое и национальное сознание никаким насильственным нивелированием невозможно было уничтожить, что и обнаружилось уже в последние годы существования СССР, в период так называемой перестройки и особенно – сразу же после его распада». [92]

«Феноменальным было то, что в Казахстане за советский период при малой плотности коренного населения и последовавшей за этим определённой русификации интеллигенции, всё же не были до конца уничтожены национальное самосознание, культурный потенциал. Известные события декабря 1986 года были первыми на постсоветском пространстве как заявка на будущую независимость. И тот же Казахстан одним из последних оформил свою независимость на том же постсоветском пространстве. Ибо в цивилизационном плане для Казахстана в тот период было очень трудно определить своё место в мире в отрыве от Союза. В то же время определился социальный феномен – «кризис идентичности», но и одновременно вырисовывалась заманчивая перспектива нового исторического строительства» [35, с. 154].

После распада целостности режима для людей стали их целостностями те общности, которые являлись этносами и нациями и которые этот режим стремился подавить и нивелировать. И когда Советский Союз самоликвидировался, то первые конфликты, которые вспыхнули на его бывшей территории, были конфликты межэтнические и межнациональные, что следует рассматривать как апофеоз кризисов этнической и национальной идентичности.

Бывшие союзные республики стали суверенными государствами, объявившими курс на создание рыночной экономики, демократического устройства социальной и политической жизни и правового (в перспективе – социального) государства. Но почти все эти государства оказались полиэтничными, что создавало определенную напряженность. Поэтому первые годы переходного периода не были сколько-нибудь упорядоченными. Первая вспышка установления и утверждения свободной самоидентификации граждан новых государств выступила в виде архаического противопоставления «мы – они», «свои – чужие». А поскольку и другие этносы оказались в таком же положении, то в ряде суверенных государств дело доходило до серьезных конфликтов. Произошло вполне закономерное отвержение «навязанной идентичности», получившей свое выражение в лице советской культуры.

В Казахстане ведущим народом, вокруг которого объединились все другие этносы, является казахский народ. Конечно, издержки продолжают иметь место, но, как представляется, процесс уже стал необратимым. При этом необходимо отметить, что казахам восстанавливать свою традиционную культуру оказалось делом довольно непростым. Казахский народ на протяжении многих десятилетий советского периода вел образ жизни, когда во многом утратил свои исконные обычаи, традиции, верования, ценности и, что самое важное – родной язык. Конечно, это в большей степени относится к городскому населению. Но, тем не менее, проблема возрождения культурного наследия от этого не стала менее острой. Условия, в которых оказался ставший суверенным Казахстан, уже были не условиями кочевнической культуры. «Вернуться к тем формам хозяйствования, которые здесь господствовали до 1917 г., – отмечает О.А. Сегизбаев, – не представлялось никакой возможности. И в самом деле, кому бы могла прийти в голову идея возвращения Казахстана, например, к кочевым формам хозяйствования. В условиях глобальной урбанизации и проникновения во все сферы хозяйственной деятельности новейших технологий, открывающих безграничные перспективы перед всем человечеством, о возврате к давно отжившим свой век формам хозяйствования, разумеется, никто и подумать не мог» [93].

Одновременно государство осуществляло рыночные преобразования в сфере экономики. Эти преобразования сопровождались и продолжают сопровождаться всевозможными перекосами, заданными первоначальным распределением (редистрибуцией) экономических ресурсов преимущественно среди властвующей элиты.

Бывшие советские люди почти мгновенно утратили многие свои прежние социокультурные ориентиры и обрели такие, которые большинство населения – вне зависимости от этнической принадлежности – не хотели бы иметь. Достаточно упомянуть появление новых общественных страт – репатриантов, самозанятых, трудовых мигрантов, безработных, бездомных люмпенов и т.д.

Человек и мир его культуры устроены гармонически, тогда, когда уровень полезностей подчинен уровню ценностей, а оба они – уровню созидания. Когда первые два уровня выходят за границы своей уместности, тогда гармония нарушается. Абсолютизация уровня полезностей приводит к тому, что они

начинают распространяться и на мир ценностей, утверждается принцип утилитаризма и потребительства.

В процессе национального строительства выяснилось, что в спектре меняющихся и соседствующих друг с другом идеологических парадигм непреходящим фундаментом последних остаются цивилизационные и этнокультурные предпочтения. В нашей республике при поддержке государства началась работа по возрождению казахского культурного наследия. Не только представители титульного этноса, но и все казахстанские этнические группы получили возможность без оглядки на идеологические инстанции обратиться к своим корням, идентифицировать новые ценностно-смысловые ориентиры.

Хотя этап открытия и обнародования «белых пятен» казахстанской истории еще далеко не окончен, наступает фаза более глубокого осмысления места и роли этнокультурной идентификации в национальном и государственном строительстве. Процесс этот протекает на фоне глобальных вызовов современности, провоцирующих практически повсеместный всплеск национализма в большинстве стран мира.

Заинтересованность в позиционировании статуса этнических групп вызвана реальной потребностью казахстанского общества в заполнении идеологического вакуума, образовавшегося после краха тоталитарной идеологии, совпадающей с актуализацией мировых мультикультуралистских тенденций. Полиэтничность нашего общества актуализирует и одновременно усложняет задачу формирования общности казахстанских этносов как согражданства. В связи с этим, крайне важным видится научное осмысление проблем горизонтального структурирования казахстанского полиэтничного сообщества, формирования новых синтетических и поликультурных идентичностей, могущих укрепить фундамент казахстанской модели межэтнического согласия.

Казахская идентичность как самосознание открытой, синкретичной и толерантной культуры – наследницы древнетюркской цивилизации – должна стать основополагающим звеном, скрепляющим множество этнокультурных элементов полиэтничной мозаики, существующей в пределах нашей республики. Но пока она сама находится в стадии определения, становления и преодоления внутренней неопределенности, как отражение полиаспектно обусловленной социокультурной дифференцированности и разобщенности.

Дуализм и культурно-историческая многовекторность (синкретичность) казахского мировоззрения, имеющая древние цивилизационные основания, перманентно воспроизводится и предопределяет сегодняшнее состояние неопределенности в выборе стратегий и сценариев мировоззренческой и идеологической ориентации, определяющих долгосрочные планы модернизации страны.

Этнокультурная идентификация обусловлена как личностно-психологическими связями, общей системой ценностей и т.п., так и объективно-материальными условиями жизнедеятельности индивидов, общими хозяйственно-экономическими и социально-культурными интересами. Перманентно действующие объективные и субъективные условия и факторы

детерминируют глубину национального самосознания, проявляющегося в широком диапазоне явлений: от слабо выраженного осознания принадлежности к определенному этнокультурному коллективу, индифферентного отношения к соплеменникам до ярко проявляющихся в поведении и социально-значимых действиях этнических чувств, эмоций, стремления к групповому единству, негативному, даже враждебному отношению к другим этносам.

Национальность не исчерпывается наличием только этнически определенных индивидов. Это еще и специфическая этническая культура.

В этой связи, как отмечает М.С. Шайкемелев, «этническая идентичность и идентификация есть одновременно и этнокультурная идентичность, и идентификация» [91, с. 22]. Этнический индивид является одновременно субъектом, выразителем и носителем своей этнической культуры. Если положение этносов внутри формирующейся национальной культуры как надэтнического феномена в той или иной степени паритетно, не равноправно, то и культура данного этноса в этих границах будет занимать привилегированное положение. А это может провоцировать разного рода разногласия, межэтническую неприязнь, конфликтные ситуации и даже проявления скрытых или явных антагонизмов.

Сама по себе этнокультурная идентичность отдельно взятого человека есть лишь одна из форм его идентичности, имеющая для него различную значимость в зависимости от исторических или же временных условий, и данная идентичность может иметь несколько уровней. В полностью сформировавшейся нации индивид позиционирует себя как представителя и субъекта всей национальной культуры в ее целостности. Он идентифицирует себя и свою национальную культуру по отношению к ней самой, по отношению к другим культурам и по отношению к тому типу культуры, к которому она принадлежит. Для него эти аспекты-атрибуты идентичности могут иметь ценностную окраску. В тех же культурах, которые еще не синтезировались в общую национальную культуру, т.е. в этнонациональных культурах, существует, как минимум, два уровня культурной идентичности и культурной самоидентификации индивида. Во-первых, это – этнокультурная идентичность по отношению к другим этническим культурам внутри данной этнонациональной культуры и, во-вторых, это – общая этнонационально-культурная идентичность, определяемая в отношении к другим национальным или этнонациональным культурам.

Д. С. Раев и М. Б. Сарсенов пишут: «Тюркский мир на протяжении всей истории Земли являлся уникальным местом – родиной самых первых и могучих культур и цивилизаций, оказавших впоследствии решающее влияние на весь ход мировой истории» [94, с.129]. Именно при тюркском мире складываются отношения между людьми, обычаи, нормы, ценности и т.д., и в том числе – наличную систему идентичностей и идентификаций. Эти идентичности предстают как своеобразная сеть, в которую попадает новорожденный и в соответствии с «ячейками» этой сети его воспринимают взрослые. Причем в обусловленных культурах некоторые идентичности могут играть роль определителя дальнейшей судьбы младенца, так как человек рождается внутри определенной культуры, находящейся на определенной стадии развития.

Бесспорно, что в казахстанских реалиях свободный выбор этнической идентичности представляется теоретически бессодержательной абстракцией, а более предпочтительной для людей оказывается примордиалистская парадигма, развивающаяся в границах этнической (кровной) идентификации.

Утопией являются категорические утверждения о том, что общие ценности, толерантность, диалог культур стали реальностью. Ценность, как правило, формируется не сразу и неокончательно, а постепенно. Это непрерывный процесс, и каждое новое поколение требует особого внимания. Ни одно поколение не рождается культурным, толерантным.

Сегодня мировой опыт говорит о четырёх моделях межэтнического единства.

А. Айталы приводит все четыре модели и поясняет, что «первую модель называют сепарацией, при которой доминирует только этническая самоидентификация. Примером может служить Австралия, 60% населения которой коренные австралийцы, точнее европейцы, которые осваивали территорию, превратили из территории в государство. Потом возникла необходимость в дополнительной рабочей силе, туда потянулись вьетнамцы, арабы, турки. Государственным языком является английский язык, все граждане им владеют, СМИ работают на 68 языках. Диаспора имеет гарантированные квоты в парламенте, в вузах, диаспоры добились налоговых льгот для предпринимателей и т.д. Забота о диаспорах оказалась непосильной для бюджета. Они теперь стали приглашать в Австралию своих родственников и близких. В стране процветает коррупция, вьетнамцы продают героин, арабы – женщин, китайцы подкупили чиновников. В конечном счёте создалась угроза единству страны. Есть над чем подумать и нам. Ситуация в Австралии создалась за 40 лет, а нам надо сегодня делать выводы. Конечно, речь не идёт о свёртывании этнических культурных объединений.

Вторую модель можно назвать глобалистской, космополитической. Эта модель выступает за американизацию, западнизацию, русификацию.

Д.С. Раев и М. Б. Сарсенов с сожалением отмечают: «... до сих пор в науке бытует европоцентристский взгляд на историю, согласно которому тюркские народы не могли внести вклад в мировую цивилизацию, потому как они являлись кочевым народом, не имевшим ничего исконно своего, а лишь пользовавшимся плодами, созданными оседлыми народами. Роль кочевых народов в развитии человеческой цивилизации в науке игнорировалась и игнорируется до сих пор. Обнаруживаемые на территории Казахстана археологические находки считаются случайно попавшими в степь, или следствием влияния культуры оседлых народов. Итак, вся созданная кочевниками культура присваивалась другими народами или приписывалась другим народам [94, с. 130].

Третью, демократическую модель, в мировой практике называют интеграционной, она строится на понимании значимости как этнической, так и гражданской идентичности.

Четвёртая модель называется ассимиляционной. Она выступает за доминирование гражданской идентичности, недооценивая этнические факторы. Это советская, французская модели.

По сути, в казахстанском обществе сложился круг проблем вокруг идентичности, базирующейся на приоритете этнического или гражданского начала.

Проблемный блок содержится в двух основных вопросах: первый круг состоит в выборе формирования гражданской, то есть модель советской или французской суперидентичности, а не этнической общности (предлагается Доктриной национального единства Казахстана). Но, прежде давайте посмотрим на этническую картину страны, которую нам предлагает А. Айталы:

1. Собственно, казахи, подвергшиеся в почти три века российской и советской колонизации. Процесс деколонизации длителен, следы травмы, нанесшей социально – духовной жизни народа, его языку, образу жизни ещё глубоки.

2. Диаспоры славянского происхождения. Эти диаспоры были инструментом ассимиляции, они уважали казахов как представителей определённых профессий, но не как носителей языка, культуры.

3. Депортированные диаспоры (немцы, чеченцы, корейцы и др.).

4. Представители тюркских народов мусульманского вероисповедания, имеющие общие цивилизационные корни с казахами, владеющие казахским языком.

5. Этнические группы, не имеющие историческую родину, находящиеся в разных странах в статусе диаспор, либо представители национальных образований в составе других государств.

Таким образом, А. Айталы обращает внимание на то, что прежде, чем говорить о приоритете гражданской общности, нужно изучить вопросы этнической общности. Ведь «согласие, стабильность вырастают на этом этническом фундаменте. Национальное единство не обеспечивается наставлением, поучением, пропагандой и агитацией, а дифференцированной национальной политикой» [95, с. 59-60].

Второй круг проблем обозначился в выборе национальной идентичности в её соотношении с гражданской идентичностью. «Попытка государства совместить потребность в возрождении этноказахской идентичности с необходимостью создания новой казахстанкой идентичности на общегражданской основе привели к возникновению проблемы функционирования этнического самосознания. Большинство коренного населения были неудовлетворены положением родного языка, состоянием национальной культуры, образования и социально – экономической сферы» [35, с. 160].

Поэтому, причинами межнациональных напряжений и поводом для открытых конфликтов могут быть ущемление прав казахских рабочих, безработица, бедность, депрессивное положение казахских аулов, переход природных богатств в руки иностранцев, неблагоприятная миграционная ситуация, низкий правовой и культурный уровень населения. Открытым остаётся вопрос о частной собственности на землю, и ещё острее стоит вопрос о продаже казахской земли иностранным инвесторам. Даже введение частной

собственности на землю, как пишут общественники, противоречит устоям и традициям казахского народа и может привести к социальному взрыву

Возвращаясь к историческим фактам, можно привести пример массовых несанкционированных митингов в Казахстане против новых поправок земельного кодекса, внесённых указом президента Казахстана Нурсултана Назарбаева осенью 2015 года и связанных с тем, что иностранные граждане могли бы брать землю сельскохозяйственного назначения в аренду не на 10 лет, а на 25 лет. При этом в проекте резолюции народного митинга, который прошёл на площади Исатая и Махамбета в Атырау 24 апреля 2016 года, поднимался более широкий круг важных вопросов:

«Мы, граждане Казахстана, глубоко озабоченные политической, общественной, экономической ситуацией, сложившейся в нашей стране, в частности, связанные с планами правительства РК по осуществлению статей Земельного кодекса РК, появившихся после внесения поправок законом РК «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс РК», от 2 ноября 2015 года №389-V ЗРК.

После многочасового обсуждения этого самого актуального на сегодняшний день вопроса, осознавая поддержку большинства казахстанцев, возлагая надежду на возможность конструктивного диалога с властью, собрание граждан Казахстана требует:

1. Отменить в срок до 21 мая 2016 года действие норм, включённых в Земельный кодекс РК законом РК «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс РК», от 2 ноября 2015 года №389-VЗРК, то есть запретить передавать земли в аренду иностранным гражданам и юридическим лицам на 25 лет, а также проводить массовую распродажу земель с аукциона.

2. Срочно начать работы по кардинальному изменению Земельного кодекса РК, так как в нынешнем виде этот документ не отражает интересы народа Казахстана.

3. Закрывать все военные полигоны иностранных государств, находящиеся на территории РК. Закрывать все военные базы иностранных государств. Внести однозначный запрет на размещение таких полигонов и военных баз на территории РК.

4. Опубликовать полную информацию о владельцах земельных участков сельскохозяйственных значений.

5. Ускорить выдачу земельных участков для граждан РК, в частности жителей Атырауской области».

На митинге также поднимался вопрос о решении по введению в школах РК обучения на трёх языках. В Казахстане желательно сохранить и приумножить потенциал школ, ведущих обучение только на казахском языке.

Земельные митинги, которые прошли в Казахстане в апреле-мае 2016 года в нескольких городах республики (Алматы, Астана, Шымкент, Атырау, Уральск, Усть-Каменогорск и др.)

Все последствия не имеет смысла перечислять, но особое внимание хотелось бы обратить на то, что «в ноябре 2016 года организаторы митинга Макс Бокаев и Талгат Аян были осуждены. Их обвинили в «возбуждении социальной

и национальной розни группой лиц по предварительному сговору», в «распространении по предварительному сговору группой лиц заведомо ложной информации при проведении митингов».

Конечно, было ясно, что в тех делах, где есть элемент политики, казахстанская Фемида может держать в руках весы правосудия, часто не имея повязки на глазах. Тем более что данная уголовная статья довольно сложная по причине аморфности некоторых терминов. С юридической точки зрения, статья 174 УК РК конкретно не перечисляет и не даёт определения социальным группам, которые попадали бы под признаки состава преступления. Но, как отмечают некоторые юристы, в Казахстане нет полной правовой определённости в отношении того, что представляет собой социальная рознь и что является разжиганием социальной розни.

Это создаёт большое поле для воображения со стороны чиновников, имеющих соблазн и себя причислить к «социальной группе», так как любая жёсткая критика в адрес этой группы может быть интерпретирована как разжигание «социальной розни». Хотя, с научной точки зрения, любая «социальная группа» представляет собой некую общность её членов, имеющих некие общие интересы, цели, установки или ценности, которые могут не совпадать с интересами, целями, установками или ценностями других социальных групп. Но у представителей власти в лице различных государственных структур не должно быть отдельных, внутрикорпоративных интересов, которые вступали бы в конфронтацию с другими социальными группами или с обществом в целом. Тем более, что одним из признаков «социальной группы» является идентификация, то есть отождествление индивидов себя с данной группой через противопоставление «мы - другие». Наличие же такой формы идентификации в государственных структурах автоматически противопоставляет эти государственные структуры не только обществу, но и другим представителям власти, которые относятся к категории «другие». Таким образом, представители власти не являются отдельной «социальной группой». Следовательно, в их отношении не может разжигаться «социальная рознь» только лишь при наличии критики в их адрес.

Любой рост протестных настроений в обществе имеет гораздо больше причин и поводов, чем просто критика со стороны кого-либо в адрес власти.

Кстати, в Указе президента РК «О мерах по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих РК» от 29 декабря 2015 года №153, в «общих стандартах поведения» пункта 5, подпункта 7 говорится, что государственные служащие должны «...своими действиями и поведением не давать повода для критики со стороны общества, не допускать преследования за критику, использовать конструктивную критику для устранения недостатков и улучшения своей деятельности». При этом сам факт наличия конструктивной критики противоречил обвинениям в возбуждении «...социальной, родовой, национальной, расовой, или религиозной розни...», так как «возбуждение социальной, родовой, национальной, расовой, или религиозной розни» изначально направлено на провоцирование конфликтной ситуации.

«Анализ высказываний Макса Бокаева говорил о его желании и необходимости такого диалога между обществом и властью. В пользу этого говорит сам факт появления проекта резолюции народного митинга от 24 апреля 2016 года, который по форме является петицией, коллективным прошением. При этом петиция, с точки зрения политической коммуникации, является одной из форм диалога между обществом и властью.

И главная ошибка власти заключалась в том, что своих открытых оппонентов она воспринимала только в качестве врагов» [96].

Таким образом, Президент Казахстана наложил «земельный мораторий» до 2021 года.

Данный исторический факт хорошо анализируется с точки зрения Л. Козера, который свои научные воззрения изложил в работе «Функции социального конфликта».

Козеревский тезис «что законодательное утверждение новых правовых норм имеет место, скорее, в тех областях, где на их необходимость указывает наличие конфликта. Далее он рассуждает, что конфликты продуктивны в двух тесно связанных друг с другом отношениях: они ведут к изменениям и нововведениям в законодательстве; применение новых правил ведёт к возникновению новых институциональных структур, нацеленных на проведение в жизнь этих новых правил и законов. Из данных двух отношений Л. Козер признаёт, что на третью мысль об объединяющей функции конфликта наводит Зиммелевский тезис: конфликт способствует осознанию соперниками и сообществом в целом норм и правил, бездействовавших до возникновения данного конфликта.

Таким образом, пишет Л. Козер, конфликт активизирует участие в социальной жизни. Именно осознание необходимости правил, регулирующих их поведение, даёт соперникам понимание того, что они принадлежат к одному и тому же моральному универсуму.

Г. Зиммель показывает, что объединяющие ценности и нормы осознаются благодаря и в ходе конфликта, так что конфликт – отнюдь не случайный фактор в деле утверждения общих ценностей, именно в нём и через него они и утверждаются. Подвижное общество выигрывает от конфликтного поведения в той мере, в какой это поведение благодаря созданию и изменению норм обеспечивает его сохранение в изменяющихся условиях. Жёсткие системы, с другой стороны, подавляя конфликт, препятствуют необходимым изменениям и тем самым усиливают опасность катастрофического взрыва [39, с. 153-156].

Говоря о земельных конфликтах, произошедших в 2016 году, мы видим влияние глобализации на Казахстан в «процессах усиления прежде всего интересов мирового бизнеса, стирания государственных и национальных границ, возросшей социализации и перемещения индивидов по миру, их отрыв от национальных корней. Успешные люди часто становятся гражданами мира, иногда они в суете жизни не испытывают потребности причислять себя к одной определённой нации, государству, идентифицировать себя с определённой национальной культурой. В такой ситуации национальная идентификация делается пережитком. Поэтому основной линией, по которой проходит конфликт

между сторонниками глобализации и её противниками, является потеря национальной идентичности, культурной самобытности» [35, с. 161].

В связи с вопросом о земле стоит напомнить, что «в народе крепка память об истории своего суверенитета, которая начиналась с Керей и Жанибека и заканчивалась Абылаем. Государственность начинается с вопроса о земле. Без земли нет ни народа, ни государства.

Национальная идея политического объединения казахов была идея Асана Кайгы о земле обетованной, идея – жерұйық. Именно она и стала первой формой государственного мышления. Казахи в течение пяти веков не забывали о ней, передавая из поколения в поколение. Следующей исторической формой национальной идеи был лозунг «Алаш», провозглашённый Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым.

Ёмко, выразительно Асан Кайгы воссоздаёт образ будущего, желая подготовить потомков к трудностям, сформировать у них чувство ответственности за судьбу государства. Наблюдая за повседневными распрями и склоками, раздирающими и разделяющими людей, хаким Асан Кайгы заметил: *«Қарындасын жамандап, туысты қайдан табасың?»* Хаким Асан предупреждает: если жить среди соотечественников, на родной земле, в едином государстве, без лада и согласия, то и дело нападая друг на друга и обвиняя во всём тех, кто рядом с тобой, то это ни к чему хорошему не приведёт.

Асан Кайгы считал, что земля – это главное, основополагающее понятие в истории становления национального самосознания, мировосприятия народа» [97].

Продолжая исторический экскурс, мы не можем не отметить процесс интеграции Республики Казахстан в рамках Таможенного союза, а также его трансформации в Евразийский экономический союз и соответствующая перспектива создания наднациональных органов, которые придают национальной проблематике большую остроту.

«В Казахстане возникли активные антиевразийские настроения. То есть в отличие от России и Белоруссии, создание Таможенного союза, а также его трансформации в Евразийский экономический союз, привели к серьёзному расколу в казахстанском обществе, который будет только расширяться в будущем.

В данном антиевразийском конфликтогене существуют множество причин для конфликтов, но мы отметим только некоторые:

1. Потеря экономической независимости, а затем и политической независимости.

2. Рост влияния и популярности национал – патриотических настроений в Казахстане, которые рассматривали интеграционные процессы с участием России как новую политику «собирания земель». Ведь изначально, для России создание Таможенного союза, а затем и ЕАЭС, являлось не столько экономическим, а больше геополитическим проектом, который должен закрепить за ней роль субрегиональной державы» [96, с. 297].

Опасения были не напрасны, в частности, как заявил заместитель министра иностранных дел Казахстана Самат Ордабаев, «... Именно благодаря

последовательной позиции Казахстана из Договора были исключены такие вопросы, как: общее гражданство, внешняя политика, межпарламентское сотрудничество, общая охрана границ, экспортный контроль... Список длинный» [98].

Конечно, Договор был подписан 29 мая 2014 года, но проблемы для своего народа в виде ошибок со стороны Казахстана остались.

Таким образом, для Казахстана, как считают многие эксперты, интеграционное объединение является «ловушкой», который экономически недееспособен, а политически опасен.

Говоря о Евразийском экономическом союзе, мы не должны забывать о Евразийском пространстве – это место, «где встречаются Запад и Восток, тюркская, славянская, европейская культуры. Проварившись в одном котле в течение целого века, народ в результате накопил общий, новый культурный капитал. Процесс формирования, переходный период всегда был смутным временем, полным надежд и сомнений. Культурный метод содержит в себе и традиционное содержание, и вестернизацию, и модернизацию.

Вхождение в новое пространство требует от нас новых оценок, новых измерений, новых форм, нового содержания» [97, с. 34].

Поэтому, по-новому мы должны рассмотреть серьёзные проблемы общества, которые влекут социальную напряжённость, по-новому исследовать не случайные открытые столкновения, имевших место в последние годы, и в начале 2020 года (кордаийский конфликт).

Межэтнические конфликты в современном Казахстане имеют долгую историю и происходят с заметной регулярностью. Первые межэтнические конфликты 70-х и 80-х годов были связаны с демографическим бумом среди казахов, который резко усилил конкуренцию на рынке труда и жилья в республике между преимущественно сельскими этническими казахами и урбанизированным неказахским населением. Большая часть конфликтов происходила весной или осенью. Большинство бунтующих составляли молодые этнические казахи, казахские студенты, также часть националистически настроенной интеллигенции. Если первые конфликты имели антинемецкий (1979) или антирусский (1986) характер, то последние вспышки насилия (после 1992 года) были направлены в основном против представителей других азиатских и/или мусульманских меньшинств страны (курды, чеченцы, лезгины, аварцы, даргинцы, турки, уйгуры). Смещение этнической направленности связано с резким уменьшением доли и количества русских и немцев в стране после 1990 г. из-за эмиграции и естественной убыли [99].

За годы независимости страны этнокультурная структура казахстанского общества заметно изменилась. За годы независимости численность представителей других этносов почти в 2 раза сократилась, в то же время в 1,5-2 раза возросла численность представителей азиатских этносов. Все эти изменения, продолжающиеся по сей день, накладывают свой отпечаток на национально-культурные отношения в стране.

В этом плане ещё в 2013 году в своей работе А. Айталы «Нация и религия» дал конструктивную критику «Доктрине национального единства Казахстана»:

«Приукрашивание действительности, бездоказательные суждения легли в основу проекта и определяют всё его содержание. Проект не иначе как доктринёрством не назвать.

Стремление к приукрашиванию действительности авторов проекта «Доктрины» приводит к тому, что причину осложнения межэтнической ситуаций ищут не внутри страны, а в «различных частях мира, в том числе в некоторых соседних странах», «проникновение в Казахстан извне различных форм этнорелигиозного экстремизма и радикализма». Это утверждение напоминает также времена социализма, когда источник внутренних противоречий видели в империализме. Вместе с тем некорректно само выражение и «форма этнорелигиозного экстремизма и радикализма». Это в значительной мере принижает роль исторических религий в стране, ислама и православия. Религия – духовная опора общества, а экстремизм и радикализм – это силы, которые паразитируют на духовном авторитете традиционных религий и ничего общего с ними не имеют. Источником экстремизма и радикализма являются социальные условия. Недаром подмечено «ненависть – это гнев бедных» [99].

Практика развития всех государств показывает, что доктрин столько, сколько наций, народностей, общественно-политических партий, групп и сообществ, каждая из которых по-своему оригинальна и существенна. Каждое идейное направление задает свой тон, демонстрирует свой подход к решению стоящих стратегических задач. Главный недостаток прежних доктрин и концепций заключается в недостаточном раскрытии первоосновы и гуманистического начала формирования общества.

В силу этих факторов все общетеоретические взгляды, идеи и иллюзии должны быть творчески переработаны, глубоко осмыслены, критически восприняты исследователями, при этом не забывая о том, что все они на разных этапах развития носили отпечаток своей эпохи. А это в свою очередь требует необходимости руководствоваться принципом улавливания новых и значимых тенденции, отвечающих интересам и социальным запросам общества, избавления казахстанцев от абстрактных и утопических идей преобразования общества, которые не вписываются в современную национально-культурную политику.

На сегодняшний день в казахстанском обществе отсутствуют интегрирующие идеи, общезначимые цели, проекты, стратегии развития, поддержанные обществом в целом.

В начале XXI века Нурлыбек Садыков в своей работе «Казахстан и мир: социокультурная трансформация» предупреждал, что современный Казахстан ещё не обрёл своей цивилизационной идентичности в силу явной её раздвоенности в казахстанском социуме: «с одной стороны, национальная, различная для разных этносов, с другой – гражданская, одинаково слабо выраженная у всех этносов» [100].

Теоретические и практические аспекты формирующихся общеказахстанских идей в условиях суверенного развития рассматриваются обществоведами, политическими деятелями и лидерами, всеми общественно-

политическими организациями и движениями. Однако на каких бы они позициях и платформах ни стояли, их программы должны основываться на конструктивной идеологической концепции и служить прежде всего общему благу казахстанцев, закреплению демократических завоеваний и интересам консолидации всех социальных групп и слоев населения.

В основу идеологической концепции должны быть заложены богатейший многовековой опыт поколений, духовное наследие народа, традиции, обычаи, нормы, что особенно актуально в условиях формирования национальных идей.

Здесь следует привести слова Г.А. Бейсеновой, которая отметила, что «с точки зрения теории, национальная идея – это система теоретических положений или философем, определённых художественно – метафорических образов и символов, или мифологем и идеологем, концентрированно выражающих отношение национального самосознания к Миру и Истории. Национальная идея относится к числу панидей, предназначенных обосновывать место, роль и притязания народа, нации, государства, межэтнической общности» [35, с. 172].

В свою очередь все властные структуры должны обеспечивать постоянный диалог со всеми политическими субъектами, терпимое и уважительное отношение к взглядам оппонентов и оппозиции, включая политические организации и движения, а при необходимости вести непримиримую борьбу против экстремистских идей и своевременно пресекать антиконституционные и антинародные действия нездоровых сил.

Мнения ученых разных времен, исследования многих мыслителей были посвящены этому важному вопросу, так как идея диалога всегда была продуктом и специальным объектом человеческого мышления, системой осознанных ценностей, надстроечным элементом, связывающим их с общечеловеческими тенденциями и способствующим сплочению и объединению людей, определяющим национальные гуманистические интересы, цели и задачи на перспективу.

Следует отметить тот факт, что на протяжении 70 лет советской власти на исторической земле казахов перекрещивались судьбы многих народов носителей различных культур, религий и традиций. В результате сложилась уникальная ситуация, когда вместе с казахами мирно живут представители 140 этносов и 40 конфессий.

Политическим кредо казахстанцев является сохранение триединого принципа: справедливости, гражданского мира и межнационального согласия, назначение которых – обеспечить поступательное движение к успешному развитию страны. Почти тридцатилетний путь суверенитета республики показал, что устойчивое состояние общества главным образом зависит от взвешенной политики и управления, а реализация национальных идей - от консолидирующих факторов, организованности и активности политических субъектов, готовности их к предстоящим перспективным преобразованиям.

Гуманистическое идейное наследие в различных областях науки и культуры, энциклопедических трудах, произведениях мыслителей Казахстана и других тюркских народов, которые были одновременно проповедниками прогрессивных идейных направлений, великими учеными и гуманистами своего

времени, сопереживали страдания своего народа, боролись за его счастье, являлись сторонниками единства и дружбы народов, справедливости и законности урегулирования взаимоотношений, что для многих становится известным сравнительно недавно и ныне приходится собирать их буквально по крупицам.

В новой национальной идеологической концепции должны найти отражение культурные ценности, духовно-этические принципы, представляющие общий показатель качественного состояния общества, осознанная деятельность людей, охватывающая многообразие культурно-исторического преобразования, нравственную сторону человеческого знания, которую предки казахского народа ценили как отражение общечеловеческой цивилизации и бытия.

В книге «В потоке истории» Н.А. Назарбаев отмечал, что мощный импульс национальной консолидации может дать прежде всего понимание глубины своих исторических корней, формирование самосознания казахстанцев [101].

Процветание суверенного государства Казахстан в значительной степени будет зависеть от консолидации всего общества и, в первую очередь, от вклада представителей всех нации и народностей, от усилий всех, кому дорог мир в нашей республике.

Совершенно не случайно, что в ежегодных Посланиях народу Казахстана Президент Республики Казахстан постоянно подчеркивает, что мир с соседями, дружба народов представляют задачу первостепенной важности. Однако она не будет решена, если страну начнут раздирать внутренние противоречия.

Именно противоречия в межнациональных и межкультурных отношениях и конфликты в различных регионах постсоветского пространства требовали от правительства республики выработки своей целостной программы действий, которая должна была стать основой обновления национальной политики в интересах всех народов и важнейшей составной частью общеказахстанской идеи консолидации общества, обеспечив тем самым мир и согласие в нашем общем доме.

В концепциях переходного периода предусматривалось восстановление в полном объеме законных прав наций и народностей, проживающих в республике, определение мер, позволяющих реализовать их национальные потребности, решение накопившихся проблем, сохранив при этом все ценное, накопленное в прошлом.

Таким образом, устойчивым основанием национальной идеи должно служить культурное наследие прошлого. Однако, на сегодняшний день современное казахстанское общество сопровождается ещё и, массовой культурой.

В данном контексте уместно обратиться к Л. Козеру, отметившему, что «современная массовая культура служит средством освобождения от фрустраций, открывая возможности замещающего выражения строго табуированных импульсов враждебности». В данной работе он приводит различные примеры разных исследователей, в частности он пишет, про огромную популярность боксёрских матчей, телевизионные поединки

рестлеров, которые отождествляют себя с любимыми героями. Также он говорит о массовости в сериалах, воспринимая их как средства эмоциональной разрядки. Им нравится, что сериалы дают возможность поплакать, то есть возможность выразить агрессивность [39, с. 70].

Из данных примеров можно выдвинуть гипотезу, что массовая культура приобретает свою массовость, развивается в принудительном порядке, возрастает тогда, когда усиливается жёсткость социальной структуры, ужесточаются запреты. И что самое главное – в авторитарных, «в тоталитарных обществах, деление культуры на массовую и элитарную отсутствует, культура объявляется просто народной. Массовая культура способствует потере самобытности и уникальности той или иной культуры» [35, с. 175].

Поэтому Л. Козер предупреждает, что «институты (в лице массовости – прим. С.Е.), которые служат лишь снятию напряжений, канализации враждебных чувств, оставляя неизменными структуры отношений, могут функционировать как громоотводы, но не в состоянии предотвратить периодическое сгущение туч, то есть новое накопление напряжённостей» [39, с. 70].

Нужно отметить, что институционализация в лице западной культуры, особенно американской, не возникла самостоятельно. В данном случае американская бездуховная массовость была «имплантирована путём заимствования различных социальных технологий и существует не как институты в собственном смысле слова (то есть определённый способ упорядочивания уже существующих моделей социального поведения), а как учреждения» [96, с. 248].

В то же самое время, с идеальной точки зрения институты гражданского общества должны формировать баланс интересов в отношениях между обществом и властью. Но как показало время, баланса мы не видим.

Анализ современного состояния межкультурных отношений свидетельствует: казахстанское общество за годы независимости претерпело существенные изменения.

Гражданское общество и государство – это две формы проявления единой сущности, т.е. самого человека. Отношениям между ними всегда присущ скрытый или явный конфликт. Важно, чтобы он не выходил за рамки правового поля и разрешался легитимными способами. Опасность там, где государство выходит за рамки закона, и точно так же опасно, когда граждане нарушают закон.

Все должны подчиняться закону – в этом смысл и суть верховенства закона.

Сегодня становится очевидным, что за многие десятилетия тоталитарного режима не сложилось автономное и самостоятельное отношение людей к политике и государству, предполагающее уважение к закону. Именно поэтому, а также в силу низкого уровня культуры, развитое гражданское общество формируется медленно, с откатами и деформациями.

Оптимальное соотношение государства и гражданского общества – это отношение равноправного партнерства. Для его обеспечения должны быть установлены обязанности государства перед индивидами и гражданским обществом, а также права и обязанности индивидов и функции и полномочия

гражданского общества. Это не понимают ни те, кто хотел бы поставить структуры гражданского общества под полный контроль государства, ни те, кто хотел бы полностью вывести их из-под контроля государства как своеобразного арбитра в правовом поле.

Одинаково недопустимы как узурпирование функций гражданского общества государством, так и утрата государством даже части своих функций и полномочий. В первом случае гражданское общество лишается самостоятельности, во втором может воцариться анархия. Исторический опыт учит, что тотальное наступление государства приводит к диктатуре, а его тотальное отступление к беспределу и разгулу преступности. Важно занять промежуточное пространство – между состоянием, где господствует «закон казармы», и состоянием, где господствует «закон джунглей».

Это не всегда удается или удается с трудом. Гражданское общество у нас еще не развито. Оно только становится на ноги. С трудом складываются экономические структуры на основе развития малого и среднего бизнеса, обретают самостоятельность и становятся самостоятельными различные общественные объединения: профессиональные, молодежные, религиозные и т.д.

В становящемся гражданском обществе, по унаследованной логике конфронтации, отдельные структуры, как государства, так и гражданского общества, стремятся навязать свою волю всем. Это выражается в непрекращающихся попытках создать, скажем, единый профцентр, единое молодежное движение и т.д., которые бы диктовали свои идеи, ликвидируя реальное многообразие интересов и структур.

Великий социал-демократ XX в. Й. Шумпетер, с тревогой отмечая такие тенденции у гражданского общества, настаивал на необходимости государственного регулирования, не выходящее за разумную меру [102].

Если это справедливо для стран Запада, тем более для нас. В условиях нашей страны роль государства в становлении гражданского общества не просто велика, а является ключевой. В этой связи партнерство государства и общества в поощрении гражданских инициатив, является назревшей проблемой и важно найти, и точно определить его механизмы. Демократическое государство и его политическая элита должны быть заинтересованы в развитии гражданского общества, и в частности, формировании партийной системы, развитии «третьего сектора» - НПО и т.д.

Сравнительно небольшой опыт посттоталитарного развития свидетельствует, что общество, преодолевая трудности, избавляясь от иллюзии, движется в русле тенденций мирового политического процесса.

Проблема становления и развития Гражданского общества на сегодняшний день актуализирована в Казахстане. Этой проблемой занимается в основном государство напрямую или через псевдогражданские институты. Обсуждаемая сегодня Концепция и результаты ее реализации полностью это подтверждают.

Тем не менее, есть проблема соотношения гражданского общества и гражданственности. Опять же, высокое чувство гражданственности может принадлежать только субъекту гражданского общества.

Следовательно, по уровню гражданственности мы можем косвенно диагностировать состояние гражданского общества.

В условиях кризиса, который еще долго будет основным аргументом государства для расширения своего влияния и контроля, гражданское общество вряд ли получит позитивные импульсы для развития. Если говорить о негативных, то их можно рассматривать в контексте роста протеста населения. Особенно здесь хотелось бы отметить замечание Д. Сатпаева, он пишет, «В стране завершилась трансформация отдельных протестных групп в сторону их большей радикализации. Всё это говорит о том, что не только у власти, но и у демократической оппозиции Казахстана появились конкуренты с точки зрения влияния на отдельные протестные слои населения. Активно ослабляя внутрисистемную оппозицию, которая пыталась действовать в правовом поле, власть практически упустила из виду появление антисистемной оппозиции из числа местных радикальных групп. В результате, стратегическую инициативу власть имеет только по отношению к легально действующим игрокам. Что касается неформальных и теневых идеологических центров, то они активно берут инициативу на себя» [96, с. 354].

В связи с этим хотелось отметить, что в Казахстане появляются радикальные идеологические центры. Современная глобализация отмечается всплеском интереса к религии, появлением новых религиозных течений. Возрождение религии вызывает во всех постсоциалистических государствах, немало вопросов о роли религии в светском государстве, взаимоотношении религии и государства.

Религиозный ренессанс, который смешивается с низким уровнем религиозного образования (даже среди духовенства), что создаёт взрывоопасную смесь. При столкновении двух этих трендов создаются благоприятные условия для появления разного рода экстремистских идей, а также многочисленных псевдорелигиозных интерпретаторов, которые легко интерпретируют религиозные догмы под свой практический интерес.

Говоря о ренессансе, Г. Есим предупредил, что «ренессанс – испытание для казахов» [97, с. 2].

Вместе с тем ренессанс религии – это период культурного диалога, беседы, время сближения цивилизаций вокруг одной проблемы, которое является главной ценностью на земле – это человек и его жизнь.

Под религией, относящейся к сфере духовной культуры, понимают взгляды и представления людей, а также соответствующую деятельность, которые основаны на вере в сверхъестественные, неприродные силы.

Для религиозного мировоззрения характерны деление жизни на земную и небесную, потустороннюю, и признание бессмертия души, наличия связи между человеком и Богом, поклонение божественным силам.

В структуру религии обычно включают религиозное сознание, религиозный культ и религиозные организации.

Религиозное сознание как совокупность представлений, взглядов, идей, настроений, эмоций выражает отношение человека и общества к реальному существованию сверхъестественного, потустороннего.

Религиозный культ – это система утвердившихся ритуалов, обрядов внешняя форма проявления веры. К культу относят, например, крестное знамение, поклоны, крестный ход, крещение, молитвы, богослужение, религиозные праздники и т.д.

Организационными формами религии являются церковь, мечеть и секты.

Церковь представляет собой религиозную организацию духовенства и верующих, основанных на общности верования и религиозного культа. Секты – это отколовшиеся от церкви религиозные общины, сохранившие основы верования, которые присущи той или иной церкви, но отличающиеся от нее некоторыми особенностями религиозного учения и культа.

Возникновение религии относят к периоду относительно высокой степени развития первобытного общества (40-50 тыс. лет назад). В настоящее время существует множество различного рода религиозных верований и церковных организаций. Это связано с тем, что, хотя вера в сверхъестественное является признаком всех религий, понимание этого сверхъестественного и формы поклонения ему у разных людей в ряде мест ранних религиозных форм исповедаются национальные религии (иудаизм, индуизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм и др.) и мировые религии. Особое место занимают мировые религии, имеющие своих приверженцев по всему свету, независимо от государственных границ и политических режимов. К ним относят буддизм, христианство и ислам с их многочисленными ответвлениями, церквями и сектами.

Религия как сложное общественное образование выполняет разнообразные функции в обществе.

Важнейшей функцией религии является удовлетворение мистической потребности – успокоение тайных душевных сил, приведение в порядок чувств и мыслей человека.

Регулятивная функция заключается в создании и обосновании норм общественного поведения, которые регулируют поведение человека во всех, даже в самых интимных отношениях, таких как питание и сексуальная сфера.

Коммуникативная функция проявляется в том, что люди вступают в отношения между собой, общаются по поводу отправления религиозных обрядов; религия объединяет людей одной конфессии, даст им определенные мировоззренческие ориентиры.

Воспитательная функция заключается в том, что религия способствует социализации индивида, прививая определенные правила и навыки поведения в обществе, формируя систему ценностей, включающую и общечеловеческие.

Таким образом, можно сделать вывод, что религия является одной из сфер жизни общества, способом практически-духовного освоения мира, одной из областей духовного производства.

История человечества хранит немало примеров, когда, защищая интересы религии, погибали миллионы людей в кровавых войнах и стычках, терпели лишения, страдали.

Религиозная нетерпимость выражается в самых различных формах. В их числе:

- обвинение представителей другой религии в социальных бедах;
- разжигание конфликтов и войн под религиозными знаменами;
- переплетение религиозных различий с классовым и этническим неравенством и справедливостью.

Стремление представителей разных религий изменить несправедливый, по их мнению, общественный порядок, добиться перераспределения материальных ресурсов, власти выливается в открытое противостояние и борьбу. В этих случаях религиозные движения придают особую остроту социальным противоречиям и конфликтам. В результате религиозный фанатизм становится одной из движущих сил конфликта.

Вместе с тем конфликт с властью, с обществом может служить источником единения внутри религиозной группы. Поэтому некоторые религиозные лидеры культивируют конфликт с внешним миром, так как, чем он сильнее, тем прочнее внутреннее единение групп, вражда между «своими» и «чужими» создает чувство общности, внутренней сплоченности, побуждает искать опору только у «своих». Растущая интеграция «гонимой» религиозной группы может стимулировать увеличение числа сторонников данной религии.

Особую опасность религиозной составляющей в мировых конфликтах представляет ее «универсальность». Другими словами, религиозная идея служит крайне удобной идеологической подпиткой для агрессивных человеческих масс. Там, где не срабатывают политические или патриотические механизмы, с задачей мобилизации общества против «противника» лучше всего справляется религиозная идея. Ради сакральных убеждений человек более склонен взять в руки оружие и подвергнуть риску свою жизнь, чем, например, ради собственного государства. Убежденные в «священном» характере своей борьбы люди снисходительнее относятся к многочисленным жертвам конфликтов и больше готовы к самопожертвованию. Этот фактор всегда использовался диктаторскими режимами. Достаточно вспомнить нацистских солдат, на чьих ремнях красовалась надпись «Gott mit uns» («С нами Бог»). Тот же принцип использовал Сталин, легализовав в 1943 году Православную церковь с целью укрепить религиозный дух солдат, защищавших от Гитлера атеистическое государство.

Неудивительно, что многие сомневаются относительно того, какое место занимает религия в человеческом обществе. Но, если вдуматься в это, мы увидим, что конфликты во имя религии возникают из двух основных источников. Часть споров происходит просто в результате религиозных отличий – догматического, культурного и практического несовпадения двух религий. Но есть и конфликты, причина которых лежит в политике, экономике и прочих факторах, в основном на институциональном уровне.

Казахстан исторически является многоконфессиональной страной, где представлены все мировые религии и имеются течения сектантской направленности. Поэтому и существуют возможности возникновения конфликтных ситуаций, причиной которых может стать религия.

«К конфликтогенным факторам современной религиозной ситуации в Казахстане могут быть отнесены:

1. Опасность активного вторжения в политическую жизнь страны. Начавшийся в годы перестройки процесс возрождения религиозного сознания стал активно использоваться определенными силами в стране в качестве орудия политической борьбы.

2. Быстрые темпы религиозного возрождения, особенно среди молодёжи, создают почву для развития амбициозных настроений среди духовенства различных конфессий. Например, появилась прослойка исламских лидеров, которые выступают за признание ислама в качестве государственной религии.

3. Стимулирование межнациональных противоречий и конфликтов на религиозной почве. В ситуации, когда коммунистическая идеология утратила свое влияние, а новая не сформирована, происходит подъем национального самосознания. Религиозные ритуалы все чаще предстают в качестве символов национальной культуры, языка и традиций» [103].

По существу, происходит формирование национально-конфессионального признака, когда религия и национальная культура, национальное самосознание выступают как единое целое и воспринимаются значительной частью населения не только в контексте мировоззрения, норм поведения и поступков каждого человека, но и в качестве основы общественной жизни и деятельности государства.

«В Казахстане никогда не было конфликтов на религиозной почве. Но вместе с тем, нельзя говорить, что в республике нет проблем, связанных с религиозными течениями, движениями. Имеющие негативные проявления, таящие в себе угрозу национальной безопасности, могут перерасти в социально – политические тенденции, которые повлекут за собой нежелательные последствия» [97, с. 101].

Источником опасности нарушения межрелигиозного согласия в Казахстане выступают религиозная нетерпимость, религиозный фанатизм, с одной стороны, множество нетрадиционных религий и религиозных течений деструктивного толка – с другой. Мощные возможности религии воздействовать на многочисленные слои населения, на их сознание и поведение, в том числе и на противоправное, определяют необходимость постоянного анализа процессов, происходящих в религиозной среде и способствующих возникновению религиозных конфликтов.

В этой связи, актуальность обращения к конфликтологической дискурсологии, с одной стороны, диктуется необходимостью в рефлексии тех достижений, которые уже имеются в плане определения специфики проявления религиозного терроризма в контексте понимания природы социальных конфликтов вообще. Ведь, как известно: – «Главная сила дискурса – в производстве способов означивания, интерпретаций объектов действительности, в принуждении к определенным схемам мысли и чувствованиям. Дискурсы формируют матрицы мыслительных фигур и знаковых образов, выстраивают приоритеты смысловых значений, словом, управляют ментальным и символическим пространством культуры» [1, с. 62]. А с другой, это в определенной мере может послужить усилению востребованности полученных знаний в целях оказания более действенного практического ответа на те вызовы

и угрозы, которые сегодня представляют собой любые формы проявления терроризма в целом, а религиозного, в частности. Тем более, что сегодня от этого оказывается не застрахованным ни одна страна в мире.

И наглядным тому подтверждением, к примеру, может служить тот факт, что «В период с 2011 по 2016 год в Казахстане, согласно открытым источникам, произошло больше 10 крупных террористических актов» [104]. Вместе с тем, «С 2014 года на ранней стадии приготовления предотвращены и сорваны 30 террористических акций (2014 год – 3, 2015 год – 4, 2016 год – 12, 2017 год – 11)» [105].

В 2018 году, по сообщениям Комитета Национальной Безопасности (КНБ), «...за пропаганду терроризма задержали 26 граждан Казахстана. За участие в деятельности международных террористических организаций «Исламское государство», «Хайят Тахрир аш-Шам», «Катибад Таухид уаль-Джихад» – 18 казахстанцев». Одновременно с этим «КНБ предотвращена на ранней стадии подготовка трёх насильственных экстремистских акций террористического характера в Астане, Актобе и Уральске» [105].

Конечно, подобные данные выглядят не так внушительно на фоне того, что происходит в этом плане в мире в целом. И, тем не менее, потенциал угрозы от событий подобного рода не дает поводов для самоуспокоения и благодушия.

Кроме того, сами террористические акты, свершаемые на религиозной почве, сами по себе относятся к разряду событий, менее всего поддающийся объяснению с позиций здравого смысла. Их отличает явная абсурдность, абсолютная несоизмеримость меры горя и страдания результатов свершаемых злодеяний тем задачам и целям, которые декларируются при этом. А, главное, отсутствие и у простых людей, и у научного сообщества, и даже у самих террористов должного, ясного представления и понимания в необходимости свершающейся при этом жертвенности.

Как уже отмечалось ранее, сегодня уже и среди граждан Казахстана появляются отдельные сторонники решения этих проблем теми же средствами и способами, на которые делают ставку религиозные экстремисты. Поэтому трудности, возникающие в жизни страны, в том числе и в сфере религиозной, представляют собой весьма благодатную почву для возникновения всевозможного рода конфликтогенных проявлений.

Глобализм же своей динамикой, неуправляемостью происходящих процессов, и непредсказуемостью их последствий не может не накалять энергетику возникающих, вследствие этого, всевозможного вида протестных выступлений и на территории Казахстана. А проявление при этом радикализма и экстремизма особо актуализируют востребованность терроризма, в том числе и в его религиозном варианте.

По существу, Казахстан, провозгласив себя светским государством и законодательно закрепив свободу вероисповедания на своей территории, в этой сфере столкнулся с целым комплексом весьма специфических проблем. В первую очередь это связано с тем, что уровень религиозности, который сохранялся у его населения в атеистический период существования СССР, получил мощнейший импульс для своего стремительного роста. Тот вакуум,

который образовался после отмены атеизма в качестве государственной идеологии, стал усиленно заполняться идеологией религиозной. Для коренных жителей страны, казахов, открылись широкие возможности для возвращения к своим духовным ценностям и традициям, где на протяжении многих веков особую роль играл именно ислам.

Это был ислам ханафитского мазхаба, отличающийся толерантностью, разумным обоснованием веры. Причем у казахского этноса ханафитский мазхаб органически сочетал в себе природосообразный характер исконно народных верований и традиций.

В этих условиях приобщение к исламу в его нынешнем, довольно-таки беспокойном и даже, в определенной мере, взрывоопасном состоянии, для многих, исповедующих данную религию среди населения Казахстана, оказалось довольно-таки непростым делом. И здесь на помощь с большой охотой пришли братья по вере из-за рубежа.

Надо отметить, представители и других религий, ни без поддержки самого государства, получили широкий простор для своей миссионерской деятельности. Но наибольшую заинтересованность к Казахстану, прилагая при этом особые усилия, стали проявлять, естественно, страны мусульманского Востока.

В стране ускоренными темпами стали строиться мечети. Резко возросло число представителей мусульманского духовенства. Естественно, главенствующую роль при этом стали играть проповедники из-за рубежа. И не только в силу казахского менталитета, когда гостей всегда привыкли окружать особым почетом и уважением. В страну на любой вкус хлынул поток практически никем не контролируемой религиозной литературы. Для подготовки религиозных служителей из числа местных мусульман, особенно молодого возраста, свои двери гостеприимно распахнули религиозные образовательные учреждения стран мусульманского Востока. При этом речи о должном противостоянии проникновению в страну идей, связанных с пропагандой религиозного радикализма даже и быть не могло. Профессионалов для осуществления этого в стране попросту не было.

И результаты роста религиозности в стране не заставили себя долго ждать. О чем наглядно подтверждают данные переписи уже 2009 года. При ее проведении, наряду с традиционными, были включены и новые вопросы, рекомендованные Статкомиссией ООН, Евростатом, ЕЭК ООН, Статкомитетом СНГ. Среди них, впервые после подобного рода, был и такой вопрос, как – вероисповедание. «По результатам переписи выявлено, что 70,2% населения исповедуют ислам и 26,3% – христианство. Наибольшее число исповедующих ислам приходится на казахов – 98,3%» [64].

Вместе с тем, следует отметить, что государству вполне по силам оказать свое влияние на снижение потенциала конфликтности формирующейся конфигурации религиозного пространства в Казахстане. А значит и во многом повлиять на разрешение при этом такой непростой проблемы, как «светское государство – религиозное общество».

Безусловно, религиозность – это сфера, весьма чувствительная к любым проявлениям воздействий со стороны. И политика светского государства при

этом должна строиться с учетом многих факторов. И здесь далеко не последнюю роль играет стремление, и воля государства не только силовыми методами всячески пресекать любые попытки проявления террористических вылазок, в том числе возникающих и по религиозным мотивам. По отношению к верующим она должна строиться таким образом, чтобы религиозная доминанта при возникновении очагов конфликтности в любой из сфер его жизни не становилась главной причиной перерастания этих очагов в открыто проявляемые конфликты. И этому во многом способствовал бы профессиональный подход, помогавший отделить проблемы бытового, социально-экономического, нравственного и т.п. характера, от проблем сферы религиозной.

А ведь для сохранения мира, поддержания и укрепления общественного согласия в Казахстане как в светском государстве, при разрешении любого уровня жизненных проблем, в том числе и в сфере религиозной, более важным является не столько заимствование и копирование различного рода наработанных кем-то процедурных приемов, техник и методик, сколько умение на научной основе не доводить жизненные ситуации до настоящих конфликтов. А в случае, если их даже и не удастся избежать, то из всего этого необходимо уметь извлекать надлежащие уроки для будущего.

Знание же причин возникновения любого рода конфликтных ситуаций, особенностей поведения при этом ее непосредственных участников на ее разных этапах и т.д., в целях исключения возможности создания ими подобных ситуации вновь, это уже прерогатива конфликтолога.

Не вдаваясь в подробности формирования всего этого многообразия, выделим лишь несколько, наиболее значимых в данном случае особенностей, проявляющихся на этапе проявления конфликтности.

1. Возможность затруднения между разными индивидуальными жизнедеятельностями, организуемыми в режиме «мотив-цель», обусловлена совпадением однотипностью их притязаний на что-либо.

2. Ставка на проявление «эго» в различных вариантах индивидо- и социоцентризма становится определяющей при отношении к конкурирующей стороне. А это, в конечном итоге, не может не получить негативную оценку (как демонстрацию несправедливости), не только у объектоподобной стороны, но даже и определенной части наличного социального окружения.

3. Осуществление подобной стратегии на практике требует от ее инициатора определенной степени самодостаточности. При этом чувственный компонент находится в полном соответствии с логикой, формирующей стратегию осуществления процесса достижения ранее намеченной цели.

В этой связи конфликтность – это атрибутивное качество, объективно присущее жизни, как отдельного человека, так любого типа социального образования, без чего не может существовать социальная деятельность как таковая вообще. И именно конфликтность неминуемо способствует трансформации любого вида социальной деятельности в разряд противодействия. Ведь «Противодействие появляется тогда, когда согласование не считается нужным, а возникшее взаимопрепятствие выступает как условие стирания противостоящей деятельности» [106].

Таким образом, конфликтогенность способствует формированию особого вида совместной деятельности, организуемой различными людьми, во всем многообразии ее проявления. При этом любые затруднения, встречающиеся при ее осуществлении, как правило, разрешаются в условиях, когда хотя бы один из ее участников не считает необходимым учитывать деятельность всех остальных ее участников с целью принятия для этого взаимосогласованных и взаимовыгодных решений.

Отличительной особенностью данного вида социальной деятельности является субъект-объектный характер ее организации.

Знание природы и сущности проявления такого социального феномена, каким является конфликт, в определенной мере позволит понять и сделать многое для того, чтобы не дать появляющейся при этом хоть малейшей искорке конфликтогенности ввергнуть людей в пучину противодеятельности между собой, когда они начинают считать своими врагами чуть ли не все остальное человечество. Поэтому, задача тех, кто занимается изучением социальных конфликтов во всем многообразии видов их проявления заключается не столько в поиске знания, проверяемого «на истинность», сколько в «проверяемости на реализуемость».

К сожалению, на сегодняшний день из данного исследования конфликтогенности или социальной напряженности казахстанского общества мы можем сделать вывод, что в Казахстане не выработаны методологические подходы выявления особенностей и уровня социальной напряженности. В Казахстане на сегодняшний день к разочарованию, существует только один метод выявления конфликтогенности – это её явный признак.

В связи с этим обстоятельством, российский конфликтолог Е.И. Степанов пишет, «картина состояния и уровня социальной напряженности становится существенно иной, если с названными её прямыми показателями совмещаются её латентные показатели, соответствующие её постепенного формирования и обострения» [42, с. 58].

Далее Е.И. Степанов, соглашаясь с В.И. Тепечиным, перечисляет некоторые латентные признаки: ожидание большинством населения консервации или ухудшения своего нынешнего тяжёлого положения; озабоченность определённой части взрослого населения невозможностью для их детей получить серьёзное образование; нарастание у определённой части населения страха нищеты в старости; болезненное восприятие частью населения смены социального статуса и т.п. [42, с. 58].

Таким образом, модернизация общественного сознания и демократизация культурной системы Казахстана рассматриваются на сегодняшний день как закономерные процессы развития страны. Однако неизбежно развивается тенденция сопротивления национальных культур процессу глобализации, поиску национальной и культурной идентичности. Более того, последние события в Кордае говорят о возможности повтора межэтнических конфликтов. Также власть не обращает внимание на земельные вопросы в конкретном регионе, например, при распределении земли плотность заселения с этнической

составляющей. Следовательно, исходя из вышесказанного в Казахстане присутствуют все стадии эскалации социального конфликта.

При определённом методологическом подходе мы должны учитывать, что социальная напряжённость присутствует в каждом обществе, в том числе и в Казахстане. И здесь мы должны признать, социальная напряжённость необходима. Власть должна считаться с данной напряжённостью, научиться предупреждать и разрабатывать меры по его контролю и снижению, в дальнейшем, которые дадут избежать эскалации. В развитии социальной напряжённости есть весьма важная определённая точка, когда она переходит в конфликтность, то есть в конфликтную ситуацию, и далее к открытому конфликту. Данный подход позволит зафиксировать «при каких условиях и каким образом возникшая и продолжающаяся нарастать социальная напряжённость превращается в реальный социальный конфликт (см. Приложение А). Между тем понимание особенностей и механизма такого перехода составляет едва ли не ключевой момент в понимании природы и особенностей развёртывания социальных конфликтов, во всей методологии их анализа» [42, с. 51-53].

Таким образом, изложенное позволяет сделать выводы, что решение жизненно важных проблем, стоящих перед современным Казахстаном нельзя рассматривать без обращения в целом к истории и культуре его прошлого. Казахстан после развала СССР в процессе становления в качестве суверенного и цивилизационного государства не мог не столкнуться с теми же проблемами, с которыми сталкиваются и другие государства в условиях глобализации. Однако, даже тот незначительный по историческим меркам опыт самостоятельного существования показывает, что многие образцы, ценности, идеалы современного цивилизационного мира далеки от совершенства. И в этом плане отказ от слепого следования их требованиям предполагает обращение к культурному наследию своего народа. При этом следует отметить, что на культуру Казахстана большое влияние стали оказывать жизненные и культурные традиции целых народов, оказавшихся на его территории далеко не по своей воле. Практика показывает, что жизненная мудрость казахского народа позволила синтезировать это культурное многообразие в бесконфликтной форме. Базовой основой, позволившей жить в согласии, вне сомнения может служить тот фундамент, который был заложен в культуре прошлой жизни казахского народа.

2.2 Посредничество как социальный институт в культуре казахского народа

Рельефность и зрелость кочевой цивилизации в мировой истории представлена Великой Степью, территорией Центральной Азии. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, отсюда и культурно-этническое название этой Степи - Туран или Туркестан. Как отмечает С.З. Зиманов, «казахское право было культурным островком, наследием и продуктом тюркоязычной кочевой цивилизации, утвердившейся на одной ее обширной «свободной» зоне, называемой Казахстаном» [107].

Казахское обычное право, тесно переплетенное с нормами патриархально-родового строя, в общем и целом определяло жизнь кочевника. Своеобразные черты казахского права: большое значение института биев как посредников, гласность и открытость биев для проведения переговоров и восстановления взаимоотношений, возможность свободного выбора биев обеими сторонами конфликта, демократичность при ведении разбирательства, отсутствие специального принудительного аппарата для исполнения решений биев, в конечном итоге примирение спорящих сторон - являются механизмом поддержания устойчивости и развития казахского кочевого общества.

Обращение к истории дает богатый материал для дальнейшей проработки проблемы. Л.М. Карнозова отмечает, что «Сегодня можно говорить о некой мировой тенденции, проявляющейся в повышенном интересе к традиционным способам разрешения споров и конфликтов и их увязывании с системами социальной юстиции» [108].

Как пишет Д.Л. Давыденко, «способность людей договариваться о том, как разрешить конфликт, сыграла решающую роль в формировании человеческого общества и человеческого способа существования. Это была та самая способность, которая и позволила человеку выживать и совместно добывать себе пищу, охотясь на животных, намного превосходящих силой человека. Умение договариваться, в том числе о том, как разрешить конфликты, и стало условием выживания человека и выделило его из мира живой природы» [109]. Примирительные процедуры с участием третьих лиц известны во все времена и во всех социальных общностях.

В нашей стране наблюдается повышенный интерес к проблемам примирения и снятия конфликтогенов. Причины к примирению и, как следствие, возникающие вопросы, заключаются в том, что медиация как разновидность социального примирения имеет глубокие, в общем-то, архаичные корни.

К вопросам, ставшим актуальными в связи с внедрением медиации, можно отнести определение периода возникновения института биев, включая отправную точку зарождения этого института посредничества и последующее его утверждение в правовом сознании казахского народа, причем в его решении ученые придерживаются различных точек зрения.

Проблема возникновения казахского традиционного института биев стала предметом исследования ряда авторов. По мнению А.И. Оразбаевой, бийское правосудие, складываясь в течение многих веков, являлось важнейшим звеном

правовой системы казахской степи [110]. Правовой институт, обладающий судебными полномочиями, подобный разбирательствам биев, можно зафиксировать уже в VIII в. у уйгуров, однако отнесение возникновения бийства к более раннему периоду - к эпохе саков и усуней, едва ли обосновано, так как данный институт присущ только казахскому традиционному обществу, считает ученый.

Согласно другой точке зрения, зарождение института биев произошло в древнетюркский период. Некоторые ученые ищут аналогию между казахским институтом посредничества и судебными институтами древнетюркских кочевых обществ, используя лингвистические данные. Так, например, С.А. Оразбекова анализируя происхождение казахского слова «бий», опирается на работы таких видных исследователей-путешественников, как А. Вамбери, В. Радлов, Ч.Ч. Валиханов, которые связывали термин «бий» с древнетюркским «бек или бей», что означало «правитель», «власть». В результате С.А. Оразбекова приходит к выводу, что термин «бий» имеет древнетюркские корни и берет начало соответственно в эту эпоху [111]. Возможно, что время складывания института биев не должно привязываться к этимологии слова.

Одним из первых современных российских ученых-правоведов, приступивших к тщательному изучению обычного права от зарождения института посредничества на казахской земле до его окончательного упразднения, стал Р.Ю. Почекаев [112]. По мнению ученого, своеобразным предшественником древнего института посредничества казахов являлся «суд монгольских племенных старейшин, носивших титул “бэки”». Исследователь полагает, что данный хронологический отсчет зарождения института биев вполне оправдан, так как Казахское ханство, хоть и опосредованно, но тем не менее являлось преемником Монгольской империи.

В монгольском обществе бэки обладали монополией на правовые знания, они передавали их в устной форме по традиции от старших к младшим. Опираясь на древнемонгольский письменный источник «Сокровенное сказание», или «Тайная история монголов» (1244/1264), Р.Ю. Почекаев приходит к убеждению, что, так как бэки имели право толковать законы, т.е. обладали нормотворческой функцией, то, следовательно, и судебная деятельность принадлежала им же. Эти полномочия позволяли бэкам сосредоточить в своих руках также функции, касающиеся управления родовыми и племенными коллективами. Не случайно целью одной из первых реформ, проведенных Чингисханом для объединения разрозненных племен в государство, было ограничение разбирательства бэков, а впоследствии - упразднение этого института. На смену выборным бэкам пришли назначаемые ханом судьи (заргучи), действовавшие на основании выдаваемых им ярлыков. Таким образом, обычное право сменилось имперским законодательством - Великой Ясой Чингисхана и ярлыками ханов [112, с. 173].

В дальнейшем, когда Монгольская империя начала распадаться на отдельные государства, в недрах Золотой Орды вновь стал набирать силу традиционный суд, базировавшийся на правовых обычаях и традициях местных кочевых племен, а право толкования устного закона вновь стало переходить в руки биев. Р.Ю. Почекаев обращает внимание на то, что даже в ходе достаточно

жестких реформ Чингисхана, направленных на централизацию власти, суд бэков не перестал существовать, а лишь значительно сузил поле своей деятельности [112, с. 174].

В современной казахстанской истории широко стали использоваться данные шежире, что значительно обогатило нарративный арсенал исследователей. Казахское право, как известно, имело длительный период именно устной фиксации правовых знаний. Бии были не только толкователями норм права, но и их хранителями. Из поколения в поколение они передавали накопленный опыт и знания. Последние данные этнологии и других гуманитарных наук позволили ученым проследить возникновение инстанционного принципа устройства биев (его разделение на высшие и низовые), что явилось новым направлением в изучении института посредничества. Ни в дореволюционной российской, ни в советской историографии структура бийского соглашения не являлась предметом специального изучения. Более того, кроме общего обозначения процесса примирения через биев его дифференциация на основе особенностей, присущих самим биям (возраста, района проживания, авторитета и т.д.) не вызывала интереса у исследователей. Восполнить этот пробел в определенной степени удалось современным исследователям.

Несомненно, земля Казахстана помнит времена насильственной коллективизации, ликвидации институтов правления хана, институтов батыров, то есть полководцев, институтов жырау, акынов, сал-сері, религиозных деятелей, институтов биев, которые были не только посредниками в разрешении конфликтов на государственном уровне, и всевозможного рода жизненных коллизий, но и, законодателями того времени. В своей работе «Проблемы глобализации и идентичности», Г.А. Бейсенова отмечает разлом традиционных социальных норм, что ведёт к размыванию и распаду социальных связей. Она пишет, «казахов-кочевников принуждали к оседлому образу жизни, менялся вековой образ воспроизводства экономической и бытовой жизни, который вошёл в неразрешимое противоречие с потребностями тоталитарной модернизации. Казахский нomaдизм стал рассматриваться не просто как особенность старого быта, но вообще, как недопустимая и допотопная архаика..., так и в области культуры (потеря мозаичности в угоду унифицированности), права (изживание остатков обычного права казахов, принятие конституции, запрещение мусульманских законов), в области общественной жизни развитие не просто секуляризации, а массового атеизма, принявшего звание «научного», все вместе приведших и к разрыву поколений [35, с. 153].

Развал СССР поднял задачу поиска национальной самоидентификации народов. Сегодня существует большое количество работ, посвящённых истории Казахстана и казахов как нации.

В Казахстане, как и во всех республиках бывшего СССР наблюдаются процессы обретения собственной идентичности через акты «переписывания» истории, в том числе переоценки собственной, национальной идентичности уже в новых условиях независимого развития [35, с. 154].

В Казахстане с 1990-х гг. такие ученые, как Х.М. Абжанов, Г.М. Какенова и др., исследуют историю складывания национальной интеллигенции, под которой понимают не только людей, получивших образование, но и высшие слои местной аристократии. В контексте этой парадигмы, бии представлены как интеллектуальный потенциал казахской среды, появившиеся на исторической сцене в период XIV-XV вв. [6, с. 34].

В отношении определения времени возникновения института биев С.З. Зиманов полагал, что казахское право намного старше самих казахов как этнической общности и Казахского ханства как государства. На основе изучения большого количества дореволюционных как российских, так и казахских источников, С.З. Зиманов смог прийти к выводу: казахский институт посредничества мог возникнуть только в рамках кочевой цивилизации, но в то же время предостерегал исследователей от изучения посредничества биев в кочевой части общества изолированно от той части, которая ведет оседлый образ жизни (в том числе в городах). Вместе с тем, он подчеркивал, что «бийское правосудие в своем ценностном имманентном статусе могло сформироваться, сложиться и утвердиться только в среде и массе классической кочевой части казахского общества, занимавшей огромное пространство центрально-азиатского этноса и составлявшей абсолютное большинство населения Степного края» [113].

С.З. Зиманов пишет о разбирательстве биев как об органе, которое приобретает этнокультурное наполнение в средние века. Ученый призывал научную общественность взглянуть на эту проблему всесторонне, уйти от однобокости, косности и примитивности в понимании этого сложного правового явления. Тем не менее, цивилизационный подход позволил С.З. Зиманову значительно детальнее, чем его предшественники, раскрыть факторы, сыгравшие основополагающую роль в формировании казахского права. В первую очередь – это обширные пространства обитания праказахов, которые консолидировали кочевые племена в устойчивые коллективы. Следующий фактор связан с перемещениями по территории Центральной Азии на огромные расстояния кочевых племен, которые, частью ассимилировавшись, частью переместившись в соседние регионы, оставили заметный след в естественно-культурных и обычно-правовых традициях автохтонного народа. Последний фактор, способствовавший возникновению казахского права, - «мирные устремления кочевников, когда над раздвоенностью и раздробленностью Степи постепенно брали верх объединительные идеи, что в совокупности порождало тенденцию к упорядоченности в общественных отношениях и приводило к усилению регулятивной роли правовых установлений, проникнутых в основном духом свободы, обеспечения мира, общего благополучия и единства подданного населения» [107, с.79].

Академик С.З. Зиманов создал научную школу, ученые (Н.С. Ахметова, З.Ж. Кенжалиев, С. Узбекулы, Н. Усерулы и др.), ее представляющие, избрали объектом своих исследований изучение института биев. Большинство из них придерживается мнения С.З. Зиманова о том, что возникновение института биев связано с аккумуляцией правовых знаний всех кочевых племен, которые,

начиная с эпохи саков, сарматов и других прототюркских кочевых коллективов, оставили след в правовой памяти казахского народа. Так, Ж.С. Алдибеков, к примеру, отмечает, что в силу отсутствия подтвержденных письменных источников невозможно установить четких хронологических границ возникновения биев, однако в правовом сознании народа отпечаталось неписанное право всех кочевников, оказавшихся волею судьбы на казахской территории [114].

Имеет смысл остановиться и на позиции тех исследователей, которые считают, что именно казахские ханы были носителями центростремительных тенденций и выступали за создание прочной государственности, осознать свою самость и что создание института посредничества связано с реформаторской деятельностью Тауке-хана. Так, например, В.А. Моисеев полагает, что «он (Тауке-хан) поддерживал слабые и малочисленные роды против сильных, создал биев, кодифицировал обычное право и пытался регулировать жизнь общества на этой основе» [115]. Как считает Ж.С. Мажитова, положение В.А. Моисеева недостаточно убедительно, так как неправомерно сводить образование биев только к законотворческой деятельности Тауке-хана, хотя значение этого фактора было, видимо, немаловажным для усиления позиций этого института [116].

Таким образом, дискурс о времени возникновения биев остается до сих пор спорным. Одни ученые связывают зарождение правового института посредничества с прототюркскими и тюркскими племенами, которые занимали территорию Казахстана в I-VI вв. н.э., другие - с послемонгольской эпохой, периодом ослабления Монгольской империи и появления Золотой Орды и Улуса Джучи хана (XIII в.). Третьи - объединяют создание этого института с внутренней политикой, проводимой Тауке ханом, что едва ли правомерно. Появление в последние два десятилетия работ по этой проблеме связываем, с одной стороны, со стремлением ученых разрешить проблемы этногенеза казахов, так как ученые, в основном, сходятся во мнении, что институт биев присущ именно казахскому обществу. С другой стороны, определение хронологических рамок того или иного явления позволяет проанализировать влияние самых разных факторов на появление, кризис и упадок предмета исследования, что в свою очередь помогает воссоздать объективную историческую панораму прошлого.

Итак, возникнув в кочевой среде номадов, древнее устное право доминировало на территории Степи. Знатоками, а также его толкователями являлись бии, которые в силу исторического развития общества, особенностей природно-географической среды и многих других факторов сосредоточили в своих руках все нормы обычного права. Бийство, как институт посредничества, в ходе становления вобрало те черты, которые были характерны для кочевников-праказахов, а затем казахов. Имея общие черты с правовыми системами кочевников центральноазиатского региона - гласность, открытость, демократичность, он отличался от них рядом особенностей. Они проявлялись при выборе количества биев (единоличный или коллегиальный), меры наказания (кун, айып и т.д.), предпочтения того или иного возраста биев (молодой или

старый) и т.д. Но самая главная черта этого процесса примирения или солидарность через биев - безоговорочная вера кочевников в справедливость решения биев, которая в свою очередь служила фундаментом для сохранения единства общества.

Для того, чтобы кочевники признали соискателя в качестве бия, он должен был обладать незаурядными способностями. Общество выдвигало перед ним требования, которым следовало подчиняться на протяжении всей жизни. Как гласит пословица: «Құдайдың сүйген құлдары ғана би бола алады» – «Только истинные приверженцы Бога могли стать биями», претендент на должность бия, наряду с индивидуальными способностями, должен был пройти несколько испытаний, которые с каждым разом повышали его статус как бия. Наравне со своими врожденными природными качествами, владением ораторским искусством, умом, сообразительностью, бий должен был в совершенстве знать древние правовые нормы казахов: «Қасым ханның қасқа жолы» – «Светлый путь хана Касыма», «Есім ханның ескі жолы» – «Древний путь хана Есима» и «Жеті Жарғы» – «Семь установлений» Тауке хана. Разумное сочетание чётко закреплённых в «Жеті Жарғы» норм и моральных прецедентов справедливого разрешения различных споров, позволяет современному поколению казахстанцев по праву гордиться высоким уровнем правовой культуры нашего народа уже во времена деятельности таких государственных деятелей как Әйтеке би, Қазыбек би, Төле би.

Человек, который называет себя бием, должен знать не только хозяйственно-экономические, но и духовно-культурные традиции своего народа. Особенно важным считалось уметь вести судебные дела по земельным спорам («жер дауы») и спорах о вдовах («жесір дауы»), так как они затрагивают не только внутреннюю жизнь кочевников, но и интересы защиты рода, духовных ценностей народа. Грамотность в решении судебных дел, умение к месту использовать изобилующую цитатами и поговорками казахскую речь, могли способствовать приближению к званию бия. Однако обладателями почетного и авторитетного звания бия становились не путем выборов или уважения сообщества. На основе «углубленного изучения внутренних механизмов сложения данного института» [117] А.И. Оразбаева приходит к выводу о генетической принадлежности соискателей к данной социальной группе, т.е. звание бия передавалось по наследственной линии. Настоящим бием мог стать только тот, кто вышел непосредственно из этой социальной группы, где накопление знаний происходило естественным путем, от отца к сыну.

Действительно, история казахского народа знает немало примеров, когда этого звания удостаивались те, чьи предки были биями. Так, Айтеке би был предком знаменитого Ораз-бия, советника основателя Туранского государства Тимур хана, а Қазыбек би родился в семье Келдибек бия. Не являлся исключением и Төле-би, предки которого на протяжении одиннадцати поколений были известными биями. Эти факты из жизни известных биев позволяют в целом согласиться с позицией А.И. Оразбаевой в вопросе о преемственности бийского звания в казахской среде.

Однако позиция А.И. Оразбаевой вызвала появление работ, в которых этот вопрос трактуется несколько иначе. Например, известный юрист К.А. Алимжан, занимающийся изучением проблем теории обычного права, считает, что «в казахской степи титул – бий был не столько наследственным или жалуемым, сколько заслуженным почетным званием. Бии не назначались и не избирались, по крайней мере, так было до вмешательства России» [118]. Человек мог пользоваться поддержкой влиятельных лиц, происходить из бийской семьи, но бием он мог стать только в случае всеобщего признания. То есть он должен своими качествами заслужить это почетное звание, требования к которому предполагали честность, справедливость, знание норм обычного права.

Позиции, занимаемой К.А. Алимжаном, придерживаются ученые-историки А. Кузембайулы и Е. Абиль. Они полагают, что теоретически бием мог стать любой представитель «черной кости», однако лишь те добивались признания в роли бия, которые «знали нормы обычного права, обладали красноречием и достаточным авторитетом» [119]. Ученые добавляют, что хоть в степи и возникали династии биев, считать этот институт наследственным ни в коем случае нельзя.

Полемику по этому вопросу продолжил уже упоминаемый нами выше профессор Ж.О. Артыкбаев, который считает, что у бийского звания есть несколько критериев (всего их десять), соответствие которым позволяло стать его владельцем. Ученый изобразил образ бия эскизно, но ярко. По его мнению, должность бия добиваются лишь те, кто знает традиции народа, имеет безупречную репутацию, не обременен какими-либо моральными отклонениями, известен народу своими родовыми корнями, уважаемый в своей среде человек; звание бия не зависит от возрастных показателей, им может стать любой, от мала до велика, кто отвечал вышеозначенным требованиям; бий - не наследственное звание, его добиваются, а не передают по наследству. Кандидат, претендующий на звание бия должен обладать не только природными задатками, но иметь глубокий развитый аналитический ум, обширные знания; владеть искусством красноречия, уметь использовать богатство казахского языка, иметь полемические способности, проявлять рассудительность и находчивость при возникновении прецедентных ситуаций; его весомое слово призвано было останавливать конфликты и примирять стороны; быть знатоком истории своего народа, знать родовые шежиры и использовать эти знания при определении меры и сроков наказания. Здесь традиционно упускается из вида одно, весьма важное обстоятельство. Прежде, чем вести речь об установлении равенства в «достоинствах», человек был обязан на деле проявить те качества, которые именно с точки зрения социума могли относиться к разряду достоинств, а не просто являться рядовыми, обыденными качествами человека.

И, кроме того, чтобы обладать «равенством по добродетелям» человек был обязан добродетельность, опять-таки, по мнению сообщества, а не в его личном представлении, уже конкретно продемонстрировать. Так, в понимании Платона справедливость предполагала «надлежащую меру», определяющую и регулирующую достижение равенства во взаимоотношениях. При этом он, как и Сократ, различает два типа равенства: «геометрическое равенство» (равенство по

достоинству и добродетелям) и «арифметическое равенство» (равенство меры, веса и числа) ... «Геометрическое равенство» – это «самое истинное и наилучшее равенство» [120]. И только подобным образом объёмы обязательно продемонстрированных «достоинств и добродетелей» могли быть подвергнуты сравнению. В результате чего достигаемое равенство могло относиться не просто к появлению равенства, а именно к разряду «истинного равенства».

По воспоминаниям учеников, Сократ считал, что от высшего разума надо просить даровать добро, поскольку высший разум лучше знает, в чем состоит добро. Благом считается воспринимать достойное поведение в социальной жизни посредством истины, справедливости, свободы и солидарности. Сократический метод ведения спора, майевтика, позволяет постигнуть объективную сторону противоречия в споре и тем самым осознать общность интересов. Майевтика – метод вопросов, предполагающих критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название «сократовской иронии». Нравственная философия и этика, учение о благах и высшем благе, учение о добродетелях, учение об обязанностях – отличительные основы философского наследия Сократа [11, с.213]. Идеи Сократа о необходимости поиска истины в диалоге с использованием майевтического метода ведения беседы, связаны, в том числе, с наличием возможного посредника в диалоге – третьего лица. Как пример: приглашенный философ может помочь двум спорящим найти верный путь в диалоге, и тогда целью ставится не победа в споре любой ценой, как в софизме, а поиск истины сторонами спора и принятие истины как основы для дальнейшего примирения.

В философии Платона, ученика Сократа, имеются признаки дуализма. Главным методом познания Платон называет диалектику, которую он определяет, как познание самих сущностей вещей. Посреднику, в том числе при разрешении споров, требуется умение примирять и восстанавливать чувство солидарности сторон при дискуссии, которое проявляется в доверии и осознании ценности социальных связей, что стимулирует развитие диалектической техники и философского мышления. Справедливость представляется одним из социальных правил органического взаимодействия в социальных группах, позволяющих формировать единое понимание основных принципов мировоззрения. Как отмечается в научной периодике, «неоплатонизм замыкает средний платонизм, вбирает в себя неопифагорейсизм... использует аристотелизм в качестве введения...» [121]. Принято считать, что Платон – один из основателей идеалистического направления в мировой философии. У него идеи посредничества в общественных связях даются в идеалистических представлениях: посредник может выступать миротворцем, исходя из идей справедливости и общественного долга. По мнению отдельных исследователей, «диалоги Платона являют собой не более как разнообразные вариации на одну и ту же тему – метод Сократа» [122].

Аристотель своё учение о праве разрабатывает в связи с разработкой им науки о политике. И он, как известно считал, что человек – «существо политическое». При этом этика для него предстаёт как начало политики. При анализе справедливости, «величайшей из добродетелей», как некоторой

равномерности, Аристотель, вслед за Платоном, тоже различает два её вида: справедливость распределяющую и справедливость уравнивающую. Справедливость, распределяющая проявляется при распределении всего того (власти, почестей, привилегий и т.д.), что может быть распределено между членами общества. Здесь о достижении полного равенства можно говорить лишь с определённой долей условности. В качестве принципа уравнивающей справедливости Аристотель обосновывает необходимость деления соответствующих благ «по достоинству» [123].

«Сам Аристотель трактует справедливое распределение по достоинству как распределение благ, общих для всех граждан, пропорционально вкладу или взносу в общее дело того или иного гражданина» [120, с. 413].

И, кроме того, Аристотель сформулировал логические законы: закон тождества – в ходе рассуждений понятие должно употребляться в одном и том же значении; закон противоречия – «не противоречь сам себе», или закон исключенного третьего: из двух противоречивых высказываний одно не является истинным. Логические законы исключительно важны для диалога и переговоров, поскольку позволяют корректно строить умозаключения и объективно оценивать предмет и задачи спора. Аристотель ввёл термин «этика». Этика позволяет провести посреднические переговоры с учетом уважения интересов всех сторон, когда общение подчинено определенному порядку, обретаемому в сознательном и целенаправленном усилии. Этические добродетели посредника – примирителя в споре предстают, таким образом, необходимым требованием достижения мира в диалоге.

Этические добродетели являются свойствами характера, темперамента человека, их также называют душевными качествами. Аристотель образовал прилагательное «этический» для того, чтобы обозначить особый класс человеческих качеств, названных им этическими добродетелями; отмечалось также, что «совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным» [122, с. 78].

Казахи считали достойным и уважаемым того бия, кто умел не доводить конфликт до открытого разбирательства, а решать спор мирным соглашением. Достойный бий мог выдвигаться не только из аристократической семьи.

Изучению процесса выдвижения из среды простого народа претендентов на звание бия посвящено немало исследований. Так, К. Еламанов, обращаясь к этой проблеме в своей работе «Билердің құрылымдық жүйесі» («Структурная система биев»), достаточно подробно рассмотрел структуру бийства, выделив следующие уровни власти биев: ата би, т.е. старый, умудренный опытом бий; төбе би (төбе - вершина), т.е. верховный бий; катар би (катар - равный), т.е. равноправный участник судебного процесса; жеке би (жеке - индивидуальный), т.е. бий, принимающий решения единолично; төтен-би - чрезвычайный бий и бала би (бала - мальчик, ребенок, сын) - мальчик-бий [124].

По мнению К. Еламанова, «ата» бием мог быть один из старейших биев в роду, который в силу возраста разрешил большое количество споров и конфликтов среди родственников. Известный народу мудростью и

справедливостью, он, вступая в эту фазу бийского звания, старался поделиться опытом с подрастающим молодым поколением, передать ему свои знания и умения, жизненный и законотворческий опыт. Невзирая на преклонный возраст, он по-прежнему принимал активное участие в решении особо важных вопросов общины: его принимали сородичи как мудреца и советника, его «бата» (пожелание) старались получить претенденты на разбирательную власть.

Звания «төбе» достигали лишь избранные бии, отличившиеся большими заслугами перед народом, известные своей честностью, справедливостью, мудростью. Власть такого бия простиралась далеко за пределами их улусов. Верховный бий - звание, которое в отличие от других являлось выборным, его выбирали среди равных другие бии на съездах. История казахов XVII-XVIII вв. сохранила имена таких верховных биев, как Толе би в Старшем, Казыбек би в Среднем, Айтеке би в Младшем жузах. Имена трёх биев связаны с «Золотым веком» в правосудии в Степном крае.

Термином «катар» именуется все остальные бии, кроме верховных. Они имеют равные права на проведение разбирательных процессов, не отличаются никакими особыми привилегиями и занимают одинаковые позиции в посреднической иерархии.

Бий, называемый «жеке», был в каждом родовом подразделении, возможно, если родовая единица была незначительная, был единственным посредником. Их не выбирали, этого звания они достигали путем удачной практики среди родственников, владения ораторским слогом, умением убеждать народ в правоте своего решения, добиваться исполнения решения. Расширяя подвластное ему посредническое пространство, жеке-бий со временем сосредоточивал в своих руках не только посредническую власть, но и исполнительную, и военную, а отчасти и законодательную, так как являлся толкователем норм права, а зачастую и создателем разбирательных прецедентных моментов. Таким образом, вне всякого сомнения, в руках такого бия находились все рычаги управления кочевой общиной.

Институт «төте» биев явление непостоянное. Он создавался в случаях межродовых конфликтов, когда возникшие противоречия грозили нежелательными последствиями для кочевников. Конфликты могли порождаться двумя причинами. Во-первых, кочевники в силу природно-климатических условий вели незамкнутый, неизолированный образ жизни. Их многовекторные перемещения со стадами нередко приводили к столкновению интересов разных кочевых коллективов по многим поводам хозяйственной и бытовой жизни, например, неудачно выбранное место стоянки, пересечение маршрутов кочевания, занятие чужих зимовок и др.

Во-вторых, кочевая община как хозяйственная единица, обеспечивая защиту каждого своего члена от посягательства на его имущество или жизнь, также могла провоцировать межродовые столкновения. Прекращение подобного конфликта являлось крайне важным для кочевников, ибо его развитие могло привести к бесполезной трате ресурсов как человеческих, так и материальных. Именно в этих условиях были необходимы чрезвычайные бии, авторитет, мудрость и знания которых считались непререкаемыми. Кандидатуру төтен-бия

выбирали путем совещания так, чтобы она удовлетворяла требованиям обеих конфликтующих сторон.

«Бала» бием мог стать молодой соискатель звания бия, который стремился к почетному званию путем глубокого изучения основ обычного права, участия в посреднических процессах старших биев (иногда доверявших молодым на практике доказать свои знания), тренировкой умения свободно, а зачастую в иносказательной форме выражать свои мысли, используя народные пословицы, поговорки, изречения знаменитых биев. Если возникала спорная ситуация, бала бии получали возможность продемонстрировать оригинальные решения возникших противоречий. По мере профессионального роста, накопления знаний и опыта, и соответственно признания, они могли переходить в другую, более высокую категорию биев.

К. Еламанов считает, что подобное деление власти биев на разные уровни позволяло контролировать кочевое сообщество и создавало условия для его жизнедеятельности [124, б. 67].

Аналогичную характеристику уровней бийского института можно найти в работах многих казахстанских ученых [110, с. 93-103; 114, б. 29-29; 125-127], хотя в некоторых из них особенности тех или иных ступеней бийства выделены более подробно.

Стать бием в казахской степи было очень трудно, предъявляемые требования были высоки, считает Б.Б. Хайдаров. Претендента подвергали различным испытаниям, чтобы выявить его природные задатки. Если родственники замечали у мальчика талант, то родителям и близким вменялось в обязанность его развивать: способствовать овладению богатством разговорной речи казахов, умению решать логико-ситуативные задачи и находить удачные решения в ситуациях, казалось бы, неразрешимых на первый взгляд. Таких одаренных детей присоединяли к свите умудренных опытом старцев, которые в качестве наставников учили и проверяли знания юных претендентов.

Кроме того, молодой юноша должен был получить благословение - бата у почитаемых людей. Б.Б. Хайдаров, полемизируя с теми исследователями, которые считают, что на пути духовного роста получение благословения является начальной или конечной точкой для признания за ним этого звания, утверждает, что получение «бата» служит необходимым переходным этапом в становлении молодого человека, позволяет раскрыть природные дарования будущего бия и способствует становлению его авторитета в глазах общества [125, с. 189-193].

Мнение Б.Б. Хайдарова в целом совпадает с точкой зрения академика С.З. Зиманова, отмечавшего, что для получения особого благословения, юноша «с ранних лет входил в свиту известных биев, сопровождал их в поездках по степи, осваивал особенности и технологию степного судопроизводства. Эти бии, в роли учителей, временами проверяли способности юноши, предоставив ему возможность изложить свою точку зрения по поводу вероятного решения по конкретным конфликтным делам, рассматриваемым на бийском суде» [107, с. 14]. Для признания в качестве бия, юноша должен был продемонстрировать свой интеллект и ум перед обществом, и тем самым заслужить благословение,

которое, как говорится в народе: «Батамен ер көгерер, жауынмен жер көгерер» (Бата облагораживает мужчину так же, как после дождя благоухает земля) или «Бата алғанның бағы бар» (Счастлив тот, кто получил благословение).

Не ограничиваясь теоретическим освещением института бата, С.З. Зиманов привел конкретные факты получения напутственных слов будущими знаменитыми казахскими биями – Әйтеке би, Қазыбек би, Төле би. Нужно принять во внимание, что молодые бии старались получить бата не у одного, а у нескольких известных своей мудростью, справедливостью и компетентностью биев. Так, Төле би получил благопожелание от 90-летнего старца Жетес бия, Қонка бия, Қарасай баба, Мамай би и других, Қазыбек би - у Мөнке бия, Анет-баба благословил Айтек бия, Қазыбек бия, Төле бия. Отмечается, что чем выше притязания будущего бия, тем выше должен быть престиж мудреца, благословение которого является своего рода лицензией на посредническую деятельность; одним из главных критериев для получения бата являлось неординарное мышление молодого претендента, так как в публичных условиях казахского посреднического процесса только лишь незаурядные способности позволяли находить решение сложных родовых и межродовых конфликтов.

На роли молодых соискателей бийского звания - бала би в традиционном праве казахов-кочевников и на некоторых других аспектах института посредничества, в том числе на традиции бата, подробно остановился К.Н. Дауталиев. Исследователь отмечает, что главной особенностью системы права традиционного общества «выступала ее простота, устность, краткость и известность всему населению» [128]. Одной из важнейших черт устного права казахов являлась роль бала би в отправлении правосудия. Она состояла в том, что спорящие стороны безоговорочно принимали решение, вынесенное бала би, воспринимая его как слово божественного правосудия (в русском языке этому отношению соответствует поговорка - «Устами младенца глаголет истина»). В тех случаях, когда споры выходили за рамки общины, становились продолжительными, наносили участникам процесса моральный и материальный ущерб, осложнялись взаимными обидами сторон, казахи прибегали к помощи мальчигов-биев, которые будучи уже известными в степи своей справедливостью успешно разрешали конфликты. По мнению К.Н. Дауталиева, подобная практика обращения «старших» биев к «младшим» вызывала заинтересованность коллектива родственников в обучении и подготовке молодых людей к отправлению правосудия в своей кочевой общине. Они старались взрастить талантливых биев в том числе еще и потому, что это в первую очередь прославляло самих родственников, которые сумели разглядеть и, главное, развить юный талант.

Ступень «бала-би» в правосудии биев имела настолько большое значение, что многие знаменитые бии, которые приобрели известность своими решениями, навсегда остались в памяти народа именно в этом статусе. К.Н. Дауталиев считает, что традиционное народное понимание не ограничивало жесткими возрастными цензами статус бия, и называет имена биев от Едиге-бия Кабан улы (1352-1419) из племени Ногай (разбирал конфликты с 9-10 лет) до Аккожа би

(вторая половина XVIII – начало XIX в.) из рода Сыбан племени Найман (участвовал в прениях с 13 лет), которые участвовали в разбирательствах с раннего возраста [128, с. 131].

Из всего сказанного следует вывод, что среди современных исследователей по вопросу о преемственности бийской власти единое мнение отсутствует. Одна группа ученых уверенно заявляет, что институт посредничества имеет наследственные корни, которые позволяли передавать аккумулированные знания внутри одной социальной группы; другая группа полагает, что звание бия признавалось за теми, кто своими индивидуальными особенностями сумел завоевать доверие и престиж среди соплеменников. Обе группы приводят доводы в пользу своих гипотез, однако говорить о превалировании тех или иных научных доказательств не приходится. В свою очередь считаем, что в казахском обществе не существовало закрытой бийской группы, однако, наличие бийских семей, в которых молодые претенденты проходили «школу» подготовки бия, с малолетства получали знания и умения, осваивали тонкости судебной деятельности, участвовали в решении споров, не вызывает сомнения.

Далее К.Н. Дауталиев отмечает, что в силу патриархальности традиционного общества в степи редко фиксировались случаи женской судебной практики, однако приводит пример женщины по имени Таттыбике из племени Кыпшак, которая успешно решала внутриродовые споры, выступая в качестве бия и ее решения «билык» обеспечивали мирные отношения среди сородичей [128, с. 132].

Таким образом, опираясь в основном на устные этнологические источники, ученые пришли к схожим взглядам на структурную организацию бийства и атрибуты, сопровождающие этот институт: о том, что бии были разные по сфере влияния и власти и занимали различные уровни бийской иерархии - от аульных биев до биев, могущество которых простиралось на жузы, улусы. Переход с одной ступени на другую сопровождался определенными символическими актами (признание бия обществом, получение бата и т.д.), позволявшими биям раздвигать границы своего влияния. По сути, эти акты являлись необходимым условием для признания кочевым обществом статуса бия, без которого будущее бия было невозможным. Однако остается ряд ключевых вопросов, на которые должна ответить современная историография института посредничества в той ее части, которая занимается изучением развития ступеней бийства.

Итак, основной исторической функцией биев являлось регулирование родовых отношений и уравнивание аристократической власти хана и демократической власти народа, то есть бии были посредниками в регулировании всех коллизий.

Анализ различных источников и концепций, затрагивающих тему урегулирования споров с привлечением посредника, показал, что посредничество как социальный механизм самоорганизации в урегулировании спора известна человечеству с давних времен. Антропологически посредничество представляется социальным явлением в онтологическом и гносеологическом понимании, более глубоким, чем простая схема примирения

через посредника. Институт посредничества – это часть архаичного социального механизма самоорганизации людей в условиях конфликтов и противостояний.

Культурология помогает раскрыть исследовательские перспективы категории посредничества (медиации), а также рассмотреть влияние факторов доверия и солидарности на нейтрализацию конфликта и примирение сторон. Анализируя посредничество (медиацию) как социально-философский феномен, можно сконцентрироваться на возможностях примирения с участием посредника и на философском осмыслении перспектив формирования чувства солидарности и доверительных отношений между участниками конфликта. Доверие и солидарность в рамках общения и поддержания социальных связей представляются главными факторами, влияющими на решение примирения в споре и восстановление социального взаимодействия.

Бий имеет посреднические потенции, участвующие в зарождении и развитии диалога сторон после наступления конфликта. Актуализация посреднических возможностей помогает снизить конфликтность человеческого существования. Социальные сети представляют собой определенный круг знакомых (общение с которыми имеет ценность) и социальных связей между социальными действующими субъектами. Социальные сети, выстраиваясь в ходе общения и взаимодействия в обществе, представляют ценность для социального субъекта, поскольку, как гибкие структуры, они способны управлять малыми социальными взаимодействиями и обеспечивать выполнение социальных стратегий человека. Рассыпанные в социальном пространстве социальные связи, с одной стороны, детерминируют мотивы поступков социальных субъектов отношений, а с другой – позволяют делать выбор в пользу или против общения.

Посредничество в примирении как социальное явление может получить распространение в рамках культурной парадигмы. Ведь именно нерегулируемое и составляет подчас основное содержание конфликта, когда при потере доверия между сторонами чувство солидарности со стороной конфликта вытесняет осознание ценности общения и поддержания социальных связей. Недостаточный акцент в культурной парадигме на отдельные регуляторы конфликтов, порожденных и рациональным, и нерациональным действиями. Появление же таких регуляторов есть не что иное, как «превращение конфликта в другую форму социального действия» [129]. При этом конфликт может быть рассмотрен как композиционное условие взаимопересечения различных форм взаимодействия, переход между которыми сугубо субъективен, ибо зависит от воли и намерений сторон спора, и в этом смысле в перспективе формально поддается урегулированию.

У биев, как института посредничества помимо правовых норм, существуют и этические нормы поведения в системах коммуникации.

У биев диалог и слова имеют важнейшее значение, поскольку конфликт разрешается именно диалогом, который позволяет сформировать в дискуссиях чувство солидарности, определяющее стремление достигнуть согласия по спорным вопросам.

Бий предлагает проведение переговоров как создание площадки для открытого диалога и восстановления взаимоотношений. Когда кто-либо стремится прийти к соглашению, он должен вести диалог, чтобы выяснить условия договоренности. Эффективные формы ведения переговоров состоят не в том, чтобы победить соперника, но в достижении равноправного соглашения, приемлемого для обеих сторон. Совместный поиск согласия и солидарности в процессе переговоров строится на основе восстановления доверия между сторонами конфликта в рамках консенсуса или компромисса. Наиболее просто конфликты могут быть решены в рамках компромисса и взаимных уступок. Детерминантами в данном случае выступают ясность предмета спора, рациональность мирового соглашения, ограниченные ресурсы для решения проблемы, неэффективность иных методов разрешения спора. Наиболее сложные социальные конфликты разрешаются в рамках консенсуса, когда предмет спора требует привлечения совместных усилий сторон. Здесь детерминантами выступают комплексность предмета спора, принципиальность позиций сторон конфликта, когда интересы сторон слишком значимы для принятия просто компромисса; достаточно времени и ресурсов для поиска альтернатив, удовлетворяющих притязания обеих сторон. В обоих случаях они заинтересованы в долгосрочном, а не временном решении проблемы. В любых ситуациях разрешение социальных конфликтов эффективно, когда не только поднимаются проблемы, лежащие на поверхности, но и происходит анализ причины конфликта, для раскрытия скрытых интересов и потребностей сторон. Поскольку посредник отвечает за организацию процедуры примирения и переговорного процесса, требования к его квалификации и уровню образования во все времена были высокими: здесь требуются и социальные, и философские, и лингвистические, и правовые знания для построения конструктивного взаимодействия конфликтующих сторон. Всегда имеет значение также социальная репутация посредника. В ходе исследования установлено, что история философии разных эпох и философских школ формирует определенные представления о механизмах разрешения социальных конфликтов с привлечением посредника, в том числе дает описание условий успешности процедур примирения. Вместе с тем выборочный характер анализа затрагиваемых лишь отдельными представителями различных философских школ не раскрывает полной картины развития медиации как социально-философского института в обществе, однако дает представление о присутствии понятия феномена посредничество как самоорганизации в примирении с привлечением посредника в различных философских направлениях на протяжении истории человечества. Формирование доверия и достижение солидарности во взглядах и действиях, основанное на общих целях и интересах, выступает как задача восстановительного диалога в процессе примирения сторон, что позволяет изменить в отношениях тип социального действия: с конфликта на сотрудничество. Посредничество по восстановлению диалога сторон конфликта, потерявших чувства солидарности и доверия друг к другу и формально исключили друг друга из собственной реальности посредством разрыва общения, хотя и не является чудесным или обязательным решением, но обладает

примирительным потенциалом для формирования социального баланса и зависит от социального мира. Конструктивный диалог, предложенный посредничеством, в значительной степени сосредоточен на возвращении к нормальной жизни и предлагает достижение консенсуса в повседневной жизни, возвращая к диалогу.

Несомненно, ярким примером мастерства ведения конструктивных диалогов является великий Абай Кунанбаев.

С. Зиманов в своей работе «Казахский суд биев – общекультурологическая ценность» пишет, что «Абай жил в эпоху, когда огромная Казахская степь потеряла свою государственность и вошла в состав Российской империи» [130].

Сам Абай верил в преобразующую общество силу степных законов, основанных на обычно-правовых установлениях. Он писал: «Мен егер закон куаты қолымда бар кісі болсам, адам мінезін түзетіп болмайды деген кісінің тілін кесер едім» – «Если была бы у меня власть закона, я отрезал бы язык тем, которые считают, что посредством закона нельзя направлять и исправлять поведения людей». Он достиг своей цели: не только запечатлел и оставил свои думы и мечты в стихах, вместе с тем, он был титулован обществом «высоким бием» (тобе би), реальным борцом за свои идеалы.

В становлении Абая как бия большую роль играли его среда и династическое воспитание. Для его фамильных предков отправлением бийского правосудия было традицией. Род Тобыкты из племени Аргын, откуда был Абай, стал известен со времени одного из его предков Иргизбая. По данным исследователей он был в свое время популярным бием с богатой риторикой. «В памяти слышавших его надолго сохранились песни, скороговорки, пословицы». Он хотя не был в ряду славных на весь округ биев, о нем сложилось в своем обществе мнение о том, что он «без устали ходил бийским посредником» в междоусобных спорах по поводу взыскания куна – материального возмещения за убийство. Род Тобыкты, сравнительно небольшой по численности, приобрел известность в крае и стал влиятельным при бие Кенгирбае, сыне Иргизбая. На склоне преклонных лет он в свою очередь свое бийское наследие завещал Оскенбаю, сыну брата, на глазах взрослому как би-судья.

Кенгирбай-би не ошибся в своем прогнозе, Оскембай (1778-1850), на которого выпал его выбор, впоследствии выдвинулся в числе авторитетных знатоков нормативных правил казахского права, прославился своими справедливыми судебными решениями. В роде Тобыкты получило распространение выражение: «Ісің адал болса Өскембайға бар, арам болса Ералыға бар» – «Если ты прав и ищешь правду – иди к Оскембаю, а если ты неправ и ищешь оправдательное решение – иди к Ералы» (Ералы был сыном Кенгирбай-бия, которому отец отказал свое бийское наследие). Кунанбай, сын Оскембая, отец Абая, был наиболее славным и одаренным бием и в силу этого управителем и «вождем» своего рода. Современники рисуют его большим знатоком норм и истоков казахского права, владеющим свободно богатством казахской словесности, решительным и жестким в проведении своей воли и решений. Абай воспитывался и вырос в этой среде. Лично знавший Кунанбая и общавшийся с ним польский путешественник А. Янушкевич в 1846 году о нем

писал: «... Бий Кунанбай, это то же большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза (казаха), одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права, российских уставов, касающихся киргизов (казахов), судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые» [131].

Вращаясь в кругу изоощренных вдохновителей межродовой борьбы, Абай, наделенный от природы недюжинными способностями, постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служили красноречие, остроумие и изворотливость [132]. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры. На это указывает и исследователь М.С. Сильченко. По его утверждению, Кунанбай своего сына с 13 лет «стал привлекать к решению спорных дел и управлению родом». В другом своем труде он добавляет: «незаурядные способности сына, его ораторские данные и знание поговорок, изречений биев и других видов устного народного творчества вскоре сделали юношу весьма популярным среди народа.

Абай – поэт был более известен как крупный знаток системы и норм казахского права «в древней форме» и как популярный в народе бий, овладевший искусством и арсеналом решения спорных и конфликтных дел по образцам «старых» биев [133]. С его участием в качестве «Төбе бия» были улажены и решены многие залежалые конфликты, осложнившие отношения между родовыми сообществами и целыми регионами, приводившие нередко к столкновениям между ними и к разорению населения. В народе о нем при его жизни сложилось устойчивое мнение о том, что «Абайға жүгініске барсақ, билігіне құлдық», «Абайдың бітімі-арман шегі» в значении беспрекословного доверия к решению Абая [134].

При жизни Абая, его яркие выступления на состязательных процессах, защитительные речи биев, полные силы логики, словесности и убедительности, нацеленные на утверждение, начал нравственности и законности в обществе имели большой общественный резонанс и пользовались огромной популярностью [135]. В виде диалогов, сгустков мыслей и прецедентных норм они, как образцы и эталоны самой степной жизни, отложились в массовом сознании и отчасти в записях его современников, особенно близких к роду Тобыкты, к которому принадлежал Абай. В 50-60-х годах XX века некоторые из знатоков абаевского литературного и судебно-правового наследия еще были живы [136]. В самом начале XX века, вслед за кончиной Абая, его преданный воспитанник-родственник поэт Коктай (сын родного брата Исаака), по совету одного из крупных общественных деятелей из числа национальной интеллигенции Алихана Букейханова, собрал и издал в 1909 году в Петербурге сборник стихов Абая. В нем наряду со стихами Абая содержались отрывки об его бийской деятельности. В 50-60-х годах XX века для сбора материалов – правового наследия Абая, сохранившихся еще в особенности на его родине, под

моим руководством была организована специальная творческая группа. Для работы в ней были привлечены аксакалы – знатоки наследия, в основном выходцы из рода Тобыкты. В их числе были: Акат, сын Кудайберды, старшего брата Абая, С. Касиманов, Кайнарбаев Элкуат и другие. Они были зачислены на штатные должности Института философии и права Национальной академии наук [137]. Был собран и накоплен ценнейший материал, часть которого спустя почти 50 лет была опубликована в сборнике, посвященном знаменитому Айтеке бию.

В многотомном издании творчества Абая приведены его 12 судебных постановлений: 5 из них относятся к земельным спорам, а 7 – к имущественным тяжбам. Содержания этих дел и некоторые процессуальные моменты разбирательства описаны более подробно. Тем они и ценны. В них воспроизведены ход и модели бийского процесса, в котором бий играет активную роль, становясь то защитником, то обвинителем, будучи тем и другим [138]. На разбирательства к Абаю обращались свои и чужие, мужчины и женщины, бедные и богатые, причем нередко с обвинениями самых близких из династии Кунанбаевых. Бий оставался посредником, священными принципами которого были беспристрастие и равное отношение к сторонам-участникам [139]. Таковы жесткие нравственные правила казахского правосудия «в древней форме». «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – гласит одно из кратких и емких правил Степного закона. Оно означает: «На разбирательстве у подлинного бия не бывает родственников, а если он стал бы делить на своих и не своих, пришедших к нему на переговоры, то он аморален» [140].

В своих решениях Абай выступает в двоякой роли: как хранитель и толкователь кодекса обычно-правовых норм казахов и как носитель лучших традиций бийства [141]. Абай по примеру поколений судей, считал, что неписанное степное законодательство обладает простором применения и, что в нем имеются основные нормативные установления, которые являются фундаментальными в кочевом казахском обществе и мобильная и гибкая их часть, изменяющаяся с изменением условий и времени реализации. Знаменитые казахские бии были вместе с тем и реформаторами обычно-правовых нормативов, в том смысле что их постановления нередко имели прецедентное значение для других разбирательств. Они дополняли и обогащали казахское право, придавали ему устойчивость и стабильность, одновременно делая его и консервативным, и гибким [142]. Этой традиции следовал и Абай.

Ряд решений Абая вошло в историю казахского права в качестве прецедентных правовых, нравственно-правовых установлений. Таковыми являются его правовые резюме: по делу №1 – «Әдепсіз өскен ұл-қыз өлген ата-анасының сүйегіне тіл тигізеді» – «Невоспитанны дети, которые покушаются на святое имя умерших родителей»; по делу №1.5 – «Жер бәйбішеге екі есе, тоқалға бір есе есебінен бөлінеді» – «При разделе земли старшей жене (байбише) должно быть выделено два раздела земли, а младшей жене (тоқал) – один раздел земли»; по делу 3.2. – «Өз жесірін өзі алса-бітім жақын» – «Вдова, доставшаяся родным умершего мужа по своей воле – споры делают никчемными»; по делу 2.7. – «Өзі қылған өкінбейді» – «не делай того, по поводу чего придется потом сокрушаться (винить себя)» и др. [133, б. 98].

Интерес к казахскому праву, его системе и нормам и во второй половине XIX века оставался значительным как со стороны части просвещенных местных царских администраторов, так и в особенности среди русской ссыльной, демократической и ученой интеллигенции, живших в городах Омске и Семипалатинске и побывавших в казахской степи. Они нередко посещали аулы Абая, чтобы встретиться с ним и получить сведения о казахском праве. Так, П.Е. Маковецкий в своей книге, изданной в 1886 году и посвященной казахскому обычному праву, указывает, что он был знаком с Абаем, близок к нему, месяцами жил на урочище Жидебай, записывал с его уст судебно-правовые нормы казахов. У Абая гостили ссыльный Михоэлс, бывший студент Петербургского университета Гросс и другие. О них упоминаются в сборнике стихов Абая, опубликованном в 1909 г. в Петербурге: «В доме Абая были частыми гостями Гросс и Михаэлис, собиравшие древние обычно-правовые нормы казахов, как это делал Маковецкий для своей книги» [143].

Несомненно, сосуществование двух разных правовых систем - общеимперского законодательства и традиционного посредничества биев было весьма сложным [144]. Устами биев говорил обычай, не признавать который и не подчиняться которому было невозможно. Разбирательства биев не знали посредников в виде писцов, переводчиков, не имели письменной фиксации правовых решений. Они были просты, гибки, вариативны, текучи. Новые регламентирующие документы (протоколы, выписки, судебные книги и т.д.) значительно усложняли процессуальные нормы традиционного посредничества. Подобного рода нововведения, по мнению ученого, способствовали появлению новых качеств в социальной структуре казахов, которые проявились и в судебно-правовых институтах [145].

Здесь особое внимание следует обратить, что «новые» законы, новые порядки разрешения споров вводились в логике «права – свобода – обязанности» [146]. «Именно вследствие данной логики, в обществе в различных вариантах стала доминирующей такая система права, когда все виды свободы, её характер, содержание и т.д., регламентируются только с помощью соответствующих законов. А рамки дозволения пользоваться всевозможными видами социальной свободы определяются только посредством того или иного набора прав, предписываемых в законодательном порядке. К примеру, право на свободу слова, свободу совести, свободу собраний и т.д. [147].

Отсюда, любое ограничение свободы, идущее вразрез с законом, считается противоправным. А нарушение прав является противозаконным. И всё это в целом трактуется как правонарушение.

Поэтому любое злостное, или только частичное покушение кого – либо на чью – либо права, или любое другое деяние, реально или вероятно таящее в себе подобного рода угрозу, автоматически может быть представлено в качестве посягательства на чью – то свободу. И, наоборот, ограничения кого – либо в свободе осуществления им своей индивидуальной жизнедеятельности могут трактоваться как правонарушения. На практике это означает, что любой подобный случай автоматически предполагает собой возможность его рассмотрения и разрешения именно только в форме судебного разбирательства

на предмет установления степени нарушения предписаний того или иного закона [148].

Подводя итоги всему вышесказанному, следует сказать, что история и развитие бийского права в период реформ российского правительства на территории Казахстана в XIX в. неизменно привлекает внимание ученых [149]. В своих работах исследователи пытаются ответить на многие вопросы, например, о времени возникновения института посредничества на территории казахских степей [150]. Одни связывают его появление с прототюркскими, тюркскими племенами, другие отводят возникновение к Монгольской эпохе [151]. Судя по представленным научным доводам, прийти к единому пониманию в этом вопросе будет крайне сложно. Верна, на наш взгляд, более взвешенная позиция академика С.З. Зиманова, который, не замеряя точными хронологическими рамками время зарождения этого института, условно подходит к рассмотрению этой проблемы.

Не вызывают особых дискуссий среди ученых вопросы о влиянии колониальных реформ России на «судоустройство и судопроизводство» в казахском крае [152]. Ученые отмечают, что традиционное казахское право в этот период переживает глубокие перемены, связанные с постепенным ограничением его полномочий. Начиная с реформ 20-х гг. XIX в. Российская империя вела политику ограничения сферы влияния обычного права в общественной и правовой жизни кочевников [153]. Ученые отмечают разные подходы региональных властей в претворении административно-правовых изменений в жизнь кочевников (Е.В. Безвиконная, Б.М. Абдрахманова и др.). Если западносибирская администрация в этом вопросе подходила более продуманно, взвешенно и последовательно (авторы отмечают в этом большую заслугу генерал-губернатора края М.М. Сперанского), то оренбургские власти характеризует стремление к резкой ломке традиционного уклада кочевников и крутой замене властных институтов казахов [154]. Ученые сходятся в основном во мнении, что реформы нанесли существенный урон системе жизнеобеспечения кочевников, введение территориального принципа деления на административные единицы привело к ослаблению родовых связей, к потере в некоторой степени основы казахского общества - генеалогического родства [155]. Попытки замены института посредничества в лице биев новыми «народными судами», желание заменить обычное право общеимперским законодательством, введение выборной системы и многие другие нововведения в административно-правовой сфере привели к трансформации древнего института посредничества, к появлению нехарактерных для всех традиционных обществ явлений, как коррупция, взяточничество, кляузничество, доноительство и т.д. [156]. В конечном итоге, посредничество биев значительно ограничило сферу своего влияния (бии рассматривали в основном семейно-брачные дела), что отрицательно сказалось на жизнеспособности всей общины кочевников. Связано это в первую очередь с тем, что, являясь ключевой фигурой в казахском социуме и потеряв свои позиции, бии не сумели конкурировать с новыми управленческими институтами, они потеряли те рычаги, которые контролировали узловые моменты жизнедеятельности общинников.

Многие вопросы института посредничества в лице биев остались до сих пор малоизученными, требующими внимания ученых. Отрадно, что ученые обращают свое внимание на изучение этого социально-правового явления на современном этапе [157]. Перед казахстанской наукой должны быть поставлены задачи проведения сопоставительного анализа между биями и аксакальскими советами, между судом биев, которые назначались колониальной политикой царской России и традиционным институтом посредничества в лице избранных от народа биев, который существовал на казахской земле издревле с целью выработки рекомендаций для использования позитивного опыта института посредничества в настоящее время [158].

Таким образом, вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что кочевой образ жизни казахов сформировал свою специфическую культуру социальных взаимоотношений между своими членами. И, в частности появление посредничества как действенного способа разрешения практически всех затруднений в их жизнедеятельности [159]. Именно посредничество явилась одним из действенных факторов появления обычного права [160]. Именно в этом праве аккумулировалась вся мудрость культуры народа при разрешении даже самых трудных жизненных коллизий, подчинённых цели самосохранения социума как единого целого [161]. В этих целях объективно появилась потребность в тех, кто являлся не только хранителем заветов предков (как положение обычного права), но и их активных проводников в лице биев.

Бий – это человек рассуждающий по поводу разрешения различного рода жизненных коллизий в контексте соблюдения норм обычного права.

В своих выводах нельзя не отметить С. Зиманова. Заслуга С. Зиманова состоит в том, что он обращает внимание на значение биев не в законодательно – правовом формате, а в культурологическом аспекте. В этих целях даже сформировался набор тех требований, которые входили в культуру деятельности биев, как объективность, независимость, логика, красноречие.

Конечно же, проблема, связанная с выявлением природы и сущности института посредничества, являвшегося неотъемлемой составной частью культуры казахского народа, лишь недавно стала привлекать к себе внимание исследователей гуманитариев. Естественно, в рамках одной главы некоторые аспекты этой многоплановой проблемы, к примеру, той роли, которую при этом играли бии, представлены лишь фрагментарно.

Но даже это наглядно свидетельствует, насколько актуальной является разработка возникающих при этом вопросов для специалистов разных научных направлений в целях формирования целостного представления о наследии казахского народа. И важности использования этого культурного наследия в ответах на вызовы тех процессов, которые происходят в современном цивилизационном пространстве.

3 СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС МЕДИАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

3.1 Казахстанское законодательство и медиация: опыт и его переосмысление в культурологическом аспекте

Нацеленность внешней политики Казахстана на создание благоприятного окружения для внутреннего развития как самой экономики, так и общества в целом подтверждается словами главы государства Н.А. Назарбаева, который утверждает, что: «...безусловный приоритет в работе по обеспечению национальной безопасности принадлежит нашей внешнеполитической деятельности и формированию плотной ткани взаимовыгодных отношений Казахстана с нашими соседями и ведущими странами мира» [162]. С момента приобретения независимости Казахстана глобализационные процессы постоянно втягивают наш народ в новое культурное пространство. Как отмечает З.Н. Исмагамбетова, А.Г. Карабаева – «это стимулирует способность действовать достаточно гибко, быстро реагировать на происходящие события, готовность к встрече с неожиданными динамическими изменениями и трансформациями в социальной жизни, в межкультурных коммуникациях и неожиданным сценариям поведения и образа жизни. Эта симуляционная реальность формируется под влиянием массовой и информационной культуры. Следствием этого является многовекторность культурных трансформаций, которая отрицает стратегию конфликта, предлагая взамен стратегию межкультурного диалога» [58, с. 98-103]. Стоит отметить, что о формировании диалогического мышления писал в своё время и Абу Наср Аль-Фараби. Мыслитель отстаивает равноправный диалог между народами, конфессиями и толерантность в их подлинном, неподдельном виде. Концептуальные идеи Аль-Фараби о значении знания и образования для формирования идентичности встраиваются в современную стратегию противодействия религиозному фанатизму в форме терроризма и экстремизма.

Иначе говоря, стоит задача развития такой национальной идентичности (азиатской или евразийской), которая бы идентифицировалась как цивилизационная. Здесь уместно было бы привести высказывание Г. Есим по поводу цивилизованности, «это – желание и стремление жить по-человечески, привести в порядок свой дом; окружить себя качественными вещами и самому выступить как эталон качества; создать хорошие отношения со своими ближними на основе взаимоуважения, дружбы и сотрудничества; беречь природу» [97, с. 314].

Далее, рассуждая о цивилизации, Г.А. Бейсенова, опираясь на работу С. Хантингтона, пишет, что «людям особенно важны не экономические интересы или политическая идеология. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Вера, семья, кровь и предания, а затем и цивилизация – на самом широком уровне – вот с чем люди идентифицируют себя, и вот ради чего они будут сражаться и умирать. Цивилизационная парадигма обеспечивает исходную точку для понимания происходящих в мире изменений» [35, с. 137].

В связи с большим количеством веских аргументов в условиях постоянно изменяющейся действительности в пользу цивилизованности попытаемся развивать «цивилизационный подход», где народ, личность будут способны преодолеть новые формы культуры, ценности.

На открытии VI Съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане 10 октября 2018 г. Глава государства Н.А. Назарбаев, акцентируя внимание на усилиях Казахстана и роли его столицы в деле продвижения идей миротворчества, партнерства, толерантности, созидания на глобальном уровне, отметил, что «межцивилизационные конфликты выглядят абсурдно на фоне научно-технологического прогресса. Однако именно сейчас формируется облик будущего человечества. В каком состоянии мы сможем передать нашу общую планету грядущим поколениям это главная цивилизационная проблема. Мы уже 18 лет живем в третьем тысячелетии, но мир, благополучие, достаток так и не стали основной тенденцией развития человечества. Мировое сообщество не смогло выбраться из зловещего круга взаимного недоверия, неприязни, конфликтности» (Назарбаев, 2018).

Следовательно, развитие глобализации лишь только обостряет процесс конфликтности между цивилизациями. Более того, не говоря о конфликтах между цивилизациями, мы прежде всего должны обратить внимание на внутренние социальные проблемы, на потенциальные протестные настроения людей, опасность которых заключается в том, что они обладают большой вероятностью, перерасти в межэтнический конфликт, в межрелигиозный конфликт и т.д. [163, с. 50-53]. В связи с этим основной задачей государства и его представителей является предупреждение возможных социальных напряжений, которые могут перерасти в социальные конфликты.

Проблема межэтнического мира и сосуществования представителей разных народов на одной территории, предпочтение неконфликтного пути её решения через механизмы интегрального диалога между представителями различных идентичностей, это и есть задача поиска общих ценностных ориентиров.

Годы пребывания Казахстана в современном цивилизационном пространстве в качестве самостоятельного суверенного существования наглядно продемонстрировали однотипность проблем, возникающих в различных сферах жизни, характерных для большинства современных стран. В этой связи вполне уместно обратиться к тому опыту, который накоплен ими и в сфере разрешения всевозможных коллизий. Особенно в сфере применения посредничества при их преодолении [164, с. 96-108].

Поэтому в сложившейся ситуации обращение к использованию альтернативных государственному судопроизводству иных форм посреднических услуг при разрешении многих спорных жизненных ситуаций оказалось весьма действенным и эффективным [165, с. 56-68]. Сфера применения этих услуг стала стремительно развиваться. И теперь уже сами государства стали всячески содействовать развитию различных подвидов института посредничества, подключив, например, медиацию непосредственно к сфере урегулирования даже уголовных правонарушений.

В Казахстане о медиации открыто заговорили после выхода в свет закона «О медиации». В нем четко определена область и очерчены границы ее применения. «Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [166].

«Из сферы применения закона исключаются следующие конфликты и споры:

– которые затрагивают или могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, и лиц, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными;

– споры и конфликты, возникающие «из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, когда одной из сторон является государственный орган»;

– по уголовным делам о коррупционных преступлениях и иным преступлениям против интересов государственной службы и государственного управления.

Открытым остаётся вопрос, почему медиации не подлежит спор, когда одна из сторон в нём – государственный орган.

Другими словами, медиация применяется в основном к правовым спорам, что сужает сферу её действий и практически приравнивает её к судебной медиации» [85, с. 92].

Тем не менее данный закон, который был принят в 2011 году, обеспечил казахстанское общество понятием медиации – новым инструментом системы альтернативного разрешения споров, признал за ней статус законного способа урегулирования споров (конфликтов).

Целями медиации являются:

1. Достижение варианта разрешения спора (конфликта), устраивающего обе стороны медиации.

2. Снижение уровня конфликтности сторон.

По казахстанскому законодательству основными принципами медиации являются:

1. Добровольность (ст.5 Закона РК «О медиации»).

2. Равноправие сторон медиации (ст. 6 Закона РК «О медиации»).

3. Независимость и беспристрастность медиатора (ст. 7 Закона РК «О медиации»).

4. Недопустимость вмешательства в процедуру медиации (ст. 7 Закона РК «О медиации»).

5. Конфиденциальность (ст. 8 Закона РК «О медиации»).

Методы медиации опираются, главным образом, на ведение переговоров в русле сотрудничества.

В настоящее время существует несколько специальных правовых актов по медиации. Типовой закон о медиации разработан комиссией ООН по международному торговому праву. Он рекомендован в 2002 году Генеральной Ассамблеей ООН и имеет существенное значение для развития института медиации. Типовой закон направлен в первую очередь на применение процедур внесудебного разрешения споров с участием посредника в международных коммерческих отношениях. В пункте 21 пояснений к типовому закону комиссия отмечает, что, несмотря на то, что типовый закон предназначен для регулирования международных коммерческих споров, государства могут расширить сферу его применения до рассмотрения внутренних и, в том числе, некоторых некоммерческих споров.

Европейская комиссия утвердила Кодекс медиатора. Европейский Кодекс (European Code of Conduct for Mediators) был разработан инициативной группой практикующих медиаторов (посредников), представляющих более 30 европейских организаций, имеющих дело с альтернативными способами разрешения споров, при поддержке Европейской Комиссии и принят на конференции в Брюсселе 2 июня 2004 г.

Евросоюз издал ряд директив, регулирующих деятельность медиаторов. В 2008 году вступила в силу «Европейская директива по некоторым аспектам медиации в гражданских и коммерческих вопросах» [167].

В разных странах успешно функционирует ряд международных и национальных структур, специализирующихся на изучении или применении медиации. К наиболее известным и признанным относятся: Лондонский международный третейский суд, Американская арбитражная ассоциация, Институт медиации Торговой палаты города Стокгольм, Центр арбитража и медиации Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Данные международные документы (Совет Европы, декларация и резолюция ООН) являются основанием внедрения медиативных технологий на практике уже на законодательном уровне [168, с. 122-128].

В Казахстане медиация понимается достаточно узко, только как посредничество в конфликтных ситуациях. Медиация отражена в законодательстве, судопроизводстве и правоприменительной практике. В 2011 году в республике был принят закон «О медиации», который вобрал в себя мировой опыт досудебного решения споров. Однако развитие института посредничества (медиации) в Казахстане пошло по своему уникальному пути, при довольно прохладном отношении к самой конфликтологии, как науки.

Действительно, в этом контексте необходимо отметить закономерное развитие конфликтологии как научной рефлексии, междисциплинарный характер которой остается в поле повышенного внимания многих социогуманитарных наук, являясь цельным и многомерным явлением, конфликтология нуждается в системном и комплексном изучении с использованием средств и методов, адекватных ее содержанию.

В более общем плане это означает, что конфликтология исследует конфликт как одну из основных проблем, пронизывающих все сферы жизни общества, редуцируясь в особые способы взаимодействия, характерные для

данной сферы. Сегодня теория конфликтов уже приобрела дополнительную конкретизацию в результате многочисленных исследований ее составляющих. Но, несмотря на это, изучение конфликтов все еще остается крайне актуальным, поскольку их психологическая сущность зачастую приобретает политическую окраску [169, с. 344-372].

Что касается конфликтологии в Казахстане, то она находится лишь на стадии становления. Процесс становления конфликтологии в Казахстане Л.С. Ахметова разделяет на четыре этапа:

I этап – конец 80-х-1991 гг. XX века, когда конфликтология в Казахстане развивалась только в практическом плане, а начавшийся переход от тоталитаризма к демократии показал разнообразие социальных и индивидуальных интересов, усилил действия конфликтогенных факторов во всех сферах жизни общества.

II этап – 1991-1994 гг. характеризуется не только большим количеством международных конференций в области прав человека, но и укреплением позиций, имеющих опыт общественных объединений, рождением новых организаций.

III этап – 1995-2001 гг. В 1998-2000 гг. учреждается Фонд защиты свободы слова «Әділ сөз», Центр по правам человека, Институт прав человека и различные просветительские правозащитные организации. Создается конфликтологический центр, миссией которого является внесение вклада в предупреждение и разрешение насильственных конфликтов в Казахстане и Центральной Азии, становление гражданского общества.

IV – после 11 сентября 2001 г. по настоящее время. В этот период появляются исследовательские труды, опубликованные конфликтологическим центром [161, с. 45-65.].

Таким образом, в нашей стране в силу разнообразных причин и факторов внешнего и внутреннего характера процесс формирования конфликтологии как науки набирает определенные темпы. Так, политическая конфликтология как учебная дисциплина получила официальное признание. В настоящее время в КазНУ им. аль-Фараби, на кафедре политологии и политических технологий с 2018 года ведется подготовка специалистов-конфликтологов, под руководством профессора Г.О. Насимовой. Дисциплина «Конфликтология» читается студентам на многих факультетах вузов республики, а «Политическая конфликтология» предусмотрена ГОСТом по специальности «Политология». Такие исследователи, как Л.А. Байдельдинов, В.С. Батулин, Г.Ж. Ибраева, Л.М. Иватова, Т.В. Иманкулова, С.Б. Кожирова, Е.Л. Нечаева, М.А. Прокофьева и др. уделяют большое внимание изучению закономерностей и развития различных конфликтов. Интерес к природе конфликта подтверждается и рядом защищенных в нашей стране диссертаций, проблематика которых охватывает почти все уровни конфликтного взаимодействия и затрагивает разнообразные его аспекты (А.С. Абилдаев, Б.Д. Жумакаева, Д.А. Калетаев, А.Д. Карпенко, А.А. Куанышева, С.Т. Мейрманов и др.). Несмотря на активную разработку технологий в направлении урегулирования конфликтов, все еще остается не освоенным широкий комплекс методов и способов, разработанных зарубежной

наукой, полностью не систематизированы модели посредничества и переговорного процесса, которые применимы и в условиях нашей республики. Все это, так или иначе, требует дальнейшей разработки основных проблем и вопросов конфликтологии с целью поиска оптимальных путей разрешения конфликтов и результативных путей их преодоления.

В силу геополитических и геоэкономических особенностей Центральная Азия в целом и Казахстан, в частности, являются объектом мировой политики и подвержены значительному внешнему воздействию со стороны ведущих мировых держав, сближение с которыми мотивируется поддержанием региональной стабильности и стремлением избежать внутренних и внешних конфликтов [170].

Для предупреждения конфликтов необходимы технологии правовых институтов с практическими элементами и механизмами разрешения конфликтов. Внедрение подобных технологий позволит решить многие социальные, экономические проблемы и для Казахстана в целом. За предотвращение конфликтов ответственность несут государственные органы. Именно государство как основной гарант обеспечивает политическую и общественную стабильность. Так, уже сегодня на государственном уровне решаются проблемы населения в материальном плане, в системе образования, проблемы ЖКХ и др. - тем самым правительство использует превентивные меры с целью обеспечения стабильности.

Следует отметить огромную роль СМИ, при их подключении к конфликтной проблематике. В конфликтных отношениях СМИ представляют собой спектр данных, касающихся конфликтных отношений, а также пути и средства их видоизменения. К информационным ресурсам относятся данные о сторонах конфликта, их конфликтном потенциале, интересах, целях, стратегии и тактике действий, их мотивации, восприятии, культуре, внутренней и внешней политике, традициях, партнерах и соперниках и т.д. В условиях конфликта эти сведения представляют собой стратегическое значение. Конфликт – это не только взаимодействие и противоборство, но и коммуникация – взаимопредставление участников конфликта, взаимное изучение, приобретение опыта альтернативных взаимоотношений. Ресурсы СМИ – равносильны и равноценны другим стратегическим ресурсам. Это технологические и технические средства обеспечения политики, в частности, в условиях конфликта и кризиса.

В конфликте информация – ценнейший ресурс, имеющий соответствующие каналы и средства доставки информации, отправителя и потребителя, информация должна быть адаптирована соответственно потребителю и особенностям его восприятия.

Но следует помнить и об обратной стороне медали: СМИ обладают возможностью манипулирования массовым сознанием, что может негативно сказаться на толерантности зрительской и читательской аудиторий. Ресурсы СМИ — это каналы, средства и методы получения и отправления информации, ее доставка адресату, ее проверки, изменения, умышленного искажения, интерпретации, навязывания сопернику, это методы создания общественного

мнения и манипуляции им. В случае намеренно искаженной передачи информации о происходящих событиях массовое сознание способно не только вызвать конфликтную ситуацию, но и сам конфликт как внутри социума, так и с органами власти.

Динамика современных конфликтов напрямую зависит от таких информационных ресурсов, прежде всего потому, что стороны конфликтных отношений, несмотря на свою агрессию, умело используют силу убеждения. Кроме того, современные политические психологи указывают на следующий факт: причиной известных истории конфликтов была не только действительная, но и мнимая, кажущаяся несовместимость интересов сторон, а также их ошибочное восприятие, недоверие, предвзятое отношение друг к другу.

Вот почему к СМИ предъявляются жесткие требования в процессе освещения различных новостей, особенно касающихся конфликтных моментов. Надо признать, что казахстанские СМИ в своем большинстве придерживаются рамок «Закона о СМИ», сохраняя конституционное право каждого гражданина на информацию.

Однако, не умаляя роли СМИ в урегулировании конфликта, развитие общества любого государства невозможно без функциональной конфликтологии в силу ее позитивного влияния как на социум, так и на некоторые его институты. Это связано с созидательными функциями конфликта, позволяющими политической системе динамически развиваться и адаптироваться под меняющиеся условия внутреннего и внешнего политического влияния. Конфликт выступает в качестве катализатора развития общества. Создаются механизмы для выявления намечающихся и предотвращения возникших конфликтов. Благоприятной почвой для создания таких механизмов служит право на свободу объединений, общественных движений, легитимно выражающих свою позицию. При этом власть беспрепятственно позволяет действовать им, сводя к нулю насильственный характер конфликтных ситуаций, проявляя тем самым гибкость и способность находить действенное решение для снятия напряжения в обществе.

При этом очевидна необходимость дальнейшей разработки методологических и прикладных знаний об источниках и закономерностях возникновения, развития и окончания конфликтов, что в свою очередь обуславливает острую необходимость разработки оптимально приемлемых способов предупреждения конфликтов и их конструктивного разрешения.

Одним из основных условий предупреждения конфликтов считается наработка ценностей демократическими методами, позволяющими в дальнейшем достичь мира и стабильности в обществе. Благодаря данным методам значительно снижается уровень политического насилия, растет институционализация снижения социальной напряженности в рамках закона.

Конфликтология как наука в Казахстане не является новшеством, так как Казахстан очень тесно сотрудничает с учеными США, Европы и России. Тем не менее, в Казахстане отсутствует конфликтологическая теория с должным учетом специфики и менталитета местного населения. Следовательно, и становление, и

внедрение в жизнь таких относительно новых для казахстанского общества специальностей, как конфликтолог и медиатор, диктуется реалиями.

Но здесь следует отметить, зачастую определенная доля медиаторов считает себя конфликтологами. Что с неизбежностью порождает вопрос о различии специфических профессиональных функций как конфликтолога, так и медиатора. А это уже сфера их профессионального обучения и требований к профессиональным стандартам.

Если говорить о предотвращении конфликтогенных ситуаций, то следует поставить вопрос о необходимости формирования в современном Казахстане институциональных возможностей выражения протеста открытым законным способом, что позволяет государственной системе предотвратить возможные конфликтные ситуации.

Более того, в отечественной литературе по конфликтологии можно обнаружить неоднозначные позиции в определении деятельности юриста, судьи (арбитра), медиатора (посредника), переговорщика, конфликтолога, психолога, конфликт-менеджера, функции которых как пересекаются, так и различаются. Многолетние дискуссии в этом плане являются результатом того, что у специалистов (причем и теоретиков, и практиков) нет четких и понятных представлений о роли и месте каждого из них в процессе разрешения конфликта. Немаловажным является и то, что сейчас в Казахстане наибольшее внимание начинает уделяться такому новому для нас направлению, как медиация, но, к сожалению, без учета научных данных и положений конфликтологии [171, с. 108-117].

Широко известно, что эффективность полимодального обеспечения экзистенции человека и принятия им решений в критических проблемно-конфликтных ситуациях невозможна без конструктивного взаимодействия различных областей науки не только друг с другом, но и с прикладными направлениями таких смежных наук в сфере человекознания и обществоведения, как культурология, социология, экономика, право, политология, этнология, конфликтология и т.д. Поэтому в современных условиях необходимо освоить комплекс методов и способов регулирования конфликтов, разработанных зарубежной наукой, оценить положительный мировой опыт в этом направлении, систематизировать модели посредничества и переговорного процесса, которые можно применить в казахстанских условиях.

Очевидно, что в современном казахстанском обществе возможные конфликты органически связаны с переходным состоянием и противоречиями, где корни некоторых из них лежат в прошлом, но получили свое основное обострение в процессе перехода к рыночным отношениям [172, с. 390-392].

Так, возникновение новых социальных групп, класса предпринимателей и собственников, растущее неравенство в расслоение общества становятся базой возникновения новых конфликтов. В обществе начинает формироваться социальное противоречие между представителями новых собственников и огромной массой народа, отстраненного и от собственности, и от власти.

Преодолению противоречия между массовым бытовым сознанием, и новой культурой, социальных взаимоотношений во многом может способствовать непосредственно и институт посредничества (медиация).

Таким образом, стратегическую цель медиации можно сформулировать как формирование социальной среды для разрешения разного рода конфликтов в обществе, а ее задача, как вне, так и досудебное разрешение конфликтов.

Исходя из этого, медиацию следует сделать предметом междисциплинарного изучения. «Превращение понятия «медиация» из полидисциплинарного в междисциплинарное открывает некие новые грани проблемы развития медиационных процессов в обществе. В частности, оно делает очевидным то обстоятельство, что для развития медиации как социально-правового института необходимо развитие медиации в качестве логики трансформации культуры» [73, с. 42].

В свою очередь, конфликтология – это теоретическая и практическая наука, где теоретический уровень имеет дело с объектом под названием «конфликт», что полагает наличие рефлексивной дистанции между исследователем и объектом исследования.

Как видим, конфликтология изучает природу конфликта, причины, факторы и другие элементы, процессы, связи конфликта, как объекта исследования, анализа, диагностики, в то время как медиация с таким объектом дело не имеет. Сказанное, на наш взгляд, еще раз подтверждает мысль о том, что медиация как по своей цели и задаче, а также по предмету изучения не только соотносится с конфликтологией, но и может быть изучена только в ее рамках либо в соотношении с ней.

Кроме того, в конфликтологии выделяются три уровня конфликта, в основу классификации которых положен территориальный масштаб и границы конфликтной ситуации. Так, на первичном микроуровне объединены внутриличностные, межличностные и межгрупповые конфликты. Мезоуровень объединяет конфликты между организациями и регионами. Макроуровень – конфликты между государствами и конфликт цивилизаций.

Рассматривая труды по медиации отечественных исследователей, следует отметить, что медиаторы Казахстана работают как, правило на микроуровне. При этом, если конфликтолог должен применить профессиональные средства для распознавания конфликта на ранних стадиях и выявления проблем и противоречий, актуализации конструктивных процессов в конфликте, моделирования возможных путей развития конфликта, выявления его деструктивных и конструктивных сторон, разработки технологии локализации деструктивных форм конфликтного взаимодействия, то в задачи медиации вышеперечисленные средства работы с конфликтом не входят.

Медиация как современная область знаний и структурированный метод разрешения споров, признает конфликт как неотъемлемую и вовсе не негативную часть жизни и относится к конфликту как к явлению, необходимому для развития человека в личностном и общественном плане.

Медиация – это способ реагирования на разногласия, и, как следствие, на сам конфликт. Медиация позволяет урегулировать спор таким образом, чтобы не

было проигравшей стороны. Современные тенденции разрешения юридических дел и возросшее значение частноправовых механизмов урегулирования гражданских (в широком смысле) споров требует необходимость доктринальной разработки единой системы разрешения и урегулирования правовых споров, состоящей из юрисдикционной и внеюрисдикционной подсистем. В рамках данного подхода к внеюрисдикционной подсистеме следует отнести медиацию как самостоятельный способ урегулирования правовых споров, представляющий собой особым образом организованную процедуру переговоров с участием нейтрального посредника (медиатора), который содействует сторонам в обсуждении условий урегулирования правового спора и принятию взаимовыгодного решения.

Закон Республики Казахстан «О медиации» регулирует медиацию как самостоятельный вид профессиональной деятельности по регулированию правовых споров, т.е. относится к частной модели. Данный закон регулирует общие положения о медиации как внеюрисдикционной процедуре, устанавливает принципы, правовые гарантии, регламентирует требования, предъявляемые к медиаторам и организациям медиаторов, которые оказывают помощь в урегулировании споров посредством медиации. Под судебной медиацией принято понимать процедуру урегулирования конфликта, проводимую после возбуждения дела в суде и по предложению судьи, в производстве которого находится гражданское дело. В зависимости от того, кто проводит процедуру, выделяют частную или «сближенную» и «интегрированную» модели судебной медиации [166].

В первом случае «сближённая», то есть голландская модель предполагает, что медиация проводится, как правило, профессиональным медиатором, работающим вне здания суда. «Сближенная» данная модель называется так как в ней медиация представляет собой стороннюю по отношению к судебной процедуре, но непосредственно связанную с ней потому, что во время проведения медиации суд занимает выжидательную позицию и откладывает совершение дальнейших процессуальных действий до получения результатов примирительной процедуры. Этот тип процедуры, в котором наиболее четко выражается взаимодействие судьи и независимого медиатора, в настоящее время получил широкое распространение в Нидерландах. В связи с этим вполне правомерно называть данный подход к построению взаимоотношений между судом и медиатором голландской моделью.

Интегрированная судебная медиация предусматривает проведение процедуры одним из сотрудников суда, как правило, специально обученным действующим судьей. При этом судебное разбирательство по делу также приостанавливается, но медиация проводится в здании суда, а в случае заключения сторонами соглашения об урегулировании спора оно тут же протоколируется в качестве мирового соглашения судьей-медиатором. В этой модели наиболее полно выражается институциональный подход к развитию альтернативных по отношению к судебным способам разрешения споров, когда они предлагаются непосредственно в рамках судебной системы [166].

Таким образом, существуют две различные модели судебной медиации, используемые в различных странах, назовем их голландской (сближенная) и немецкая (интегрированная).

Голландская модель была выработана в ходе правовых экспериментов по внедрению и развитию судебной медиации, проводившихся в 90-х гг. XX в., и предполагает взаимодействие государственного суда и независимого частнопрактикующего медиатора. В голландской модели данный вопрос был решен путем установления взаимодействия государственных судов и Нидерландского института медиации. Цель данной модели – распространение информации о медиации, расширение практики ее применения, а также разработка стандартов и правил, гарантирующих качественное оказание услуг по проведению данного вида примирительной процедуры, т.е. структуры, фактически выполняющей функции саморегулируемой организации медиаторов.

Вышесказанное позволяет утверждать, что Закон Республики Казахстан «О медиации» разработан в соответствии с голландской моделью.

Немецкая модель судебной медиации начала применяться в Германии в 2002 г. в рамках проекта «Судебная медиация в Нижней Саксонии», проводившегося с 2002 по 2005 г. Особенностью данной модели, как уже указывалось, является то, что процедуру медиации проводит действующий судья-медиатор, который помимо своей основной деятельности по осуществлению правосудия занимается медиацией, принимая дела от своих коллег-судей.

Передача дел на медиацию проводится следующим образом. На предварительной беседе со сторонами судья, в чьем производстве находится дело, предлагает им попытаться урегулировать конфликт с помощью процедуры медиации, если, по его мнению, в деле возможно примирение сторон. В случае согласия участвующих лиц дело передается специально обученному судье-медиатору, который связывается со сторонами и договаривается о времени проведения медиационной сессии, где кроме спорящих сторон могут принимать участие их представители, а также другие лица, чье участие будет признано необходимым.

Проведение судебной медиации в немецкой модели бесплатно и не требует от участников процесса никаких дополнительных затрат, помимо тех, которые они несут в ходе обычного судебного разбирательства. Даже участие адвокатов в судебной медиации оплачивается в соответствии с установленными государственными тарифами, как и участие в судебном процессе. Этот немаловажный фактор делает немецкую модель судебной медиации настолько выгодной для сторон, что все чаще отмечают о нарастающей конкурентной борьбе между судьями-медиаторами и частными специалистами, работающими в сфере досудебной медиации. Это объясняется тем, что сторонам экономически более выгодно обратиться в суд и в рамках начатого судебного разбирательства дела принять участие в судебной медиации, чем в досудебном порядке обращаться к одному из частных специалистов и оплачивать участие в медиации,

которая не может гарантировать ни достижение соглашения, ни его последующее принудительное исполнение.

Интегрированная медиация рассматривается как специальная процедура и форма деятельности юрисдикционных органов (судов, нотариата, судебных исполнителей и т.д.), которая направлена на примирение сторон в рамках юридического процесса. Интегрированная медиация должна обеспечить продвижение примирения сторон как приоритетного способа решения споров.

В интегрированной медиации примирение рассматривается как дополнительная компетенция субъектов, реализующих юрисдикционную деятельность.

На наш взгляд, данные процедуры имеют различную смысловую, правовую природу. Подобная судебная примирительная процедура мало отличается от деятельности судебных органов по содействию сторонам в заключении мирового соглашения. Безусловно, это вид посредничества, так же, как и медиация. Однако назвать это медиацией в чистом виде нельзя.

Проект Гражданского процессуального Кодекса Республики Казахстан предлагает проводить примирительные процедуры в порядке медиации судьей-примирителем. Однако разработчики обошли молчанием такие важные вопросы, как определение объема компетентности судебного медиатора и его процессуальный статус, не проработаны механизмы взаимодействия между частной и судебной медиацией.

Из проекта ГПК не усматривается кто может быть в качестве судьи-примирителя. По данному вопросу имеется две точки зрения, во – первых, это судьи в отставке, которые являются специалистами высокой квалификации или другие работники суда, и, во – вторых, действующие судьи, которые рассматривают дело после проведения примирения, если попытка примирения не удалась.

В.В. Лисицын предлагает создание коллегии медиаторов, состоящей из наиболее опытных судей, в том числе находящихся в отставке. Судьи коллегии медиаторов должны быть освобождены от рассмотрения судебных дел, в их обязанности вменить вести подготовку дел к слушаниям с обязательным применением примирительных процедур. При таком подходе у сторон спора появится альтернатива осознанного выбора в пользу либо негосударственной (добровольной и платной), либо государственной (обязательной и бесплатной) медиации [173].

Однако в этом случае возникает ряд вопросов. Во-первых, в законодательстве установлен предельный возраст пребывания в должности судей. Медиативная деятельность может длиться продолжительное время, отнимая много сил как физических, так и эмоциональных. Во-вторых, для успешного проведения примирительных процедур недостаточно жизненного опыта и мудрости, обязательно овладение специальными навыками. Механизмов овладения такими навыками не предлагается. Примиритель должен владеть основами психологии переговоров, быть специалистом по примирению, по снятию взаимного недоверия сторон по отношению друг к другу, должен пользоваться доверием спорящих сторон. Поэтому для судьи-примирителя

важно овладеть репутацией профессионала, человека высокопорядочного, нравственного, способного при любых обстоятельствах оставаться беспристрастным и объективным.

При проведении судебного примирения судьей, рассматривающим дело, возникает проблема, при которой стороны опасаются раскрыть свои аргументы в связи с тем, что они могут быть использованы против них. В проекте ГПК ничего не сказано о недопустимости доказательств, которые были озвучены при проведении примирительных процедур. Поэтому не приходится говорить о достаточности эффективности судебной медиации. Кроме этого, при формировании внутреннего убеждения судьи, мы не можем отрицать, что на него может отложиться отпечаток результаты примирения, а не только оценка имеющихся в деле доказательств. Поэтому возложение на судей обязанностей по примирению навряд ли даст должный эффект.

В данном случае такое положение не соответствует сложившимся социальным и психологическим стереотипам восприятия, не связанных с интересами как судей, так и лиц, обратившихся за судебной защитой, потребует больших затрат юридической энергии. Необходимо, чтобы судьи сами осознали ценность мирного урегулирования спора для сторон, только когда они смогут убедить в этом участников спора.

Процедура мирного урегулирования конфликтов, доказавшая свою эффективность в других странах, воспринимается пока как чужеродное, не подходящее для нашего общества средство. Многие не верят, что есть альтернатива государственному суду, что можно быстрее и эффективнее добиться удовлетворения своих интересов. Поэтому примирительные процедуры могут быть приняты, когда они станут закономерным результатом развития общества, нужна смена приоритетов на уровне массового сознания.

Статья 194 проекта Гражданского процессуального Кодекса РК предусматривает урегулирование спора в порядке медиации [174].

1. Стороны вправе в любое время до удаления суда в совещательную комнату в суде первой или апелляционной инстанциях заявить ходатайство о желании урегулировать спор в процедурах медиации.

2. Примирительная процедура в порядке медиации проводится по соглашению сторон судьей-примирителем либо медиатором.

3. При заявлении ходатайства о проведении медиации судьей-примирителем разбирательство по делу не назначается, а назначенное судебное разбирательство откладывается на срок не более 10 дней.

4. На основании определения суда дело передается посредством компьютерного распределения судьей-примирителю, который назначает день проведения судебной медиации. Судья-примиритель с согласия сторон либо по их ходатайству вправе вызывать на судебную медиацию других лиц, если их участие необходимо для достижения целей судебной медиации.

Часть 1 сужает сферу применения медиации, ограничив применение ее только в суде первой или апелляционной инстанций [174].

Часть 2 статьи 183 проекта ГПК устанавливает, что стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры, если это не противоречит закону [174].

Следовательно, мировое соглашение не является единственным способом мирного урегулирования спора. Отсюда непонятна позиция разработчиков, когда возможность заключения мирового соглашения возможна в любое время в суде первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, а также при исполнении судебного акта, а медиация допускается лишь в суде первой и апелляционной инстанциях. Закон Республики Казахстан «О медиации» носит диспозитивный характер, это означает применение медиации во всех случаях, кроме запретов, установленных в ст. 1 [166].

Часть 2 устанавливает, что примирительные процедуры проводятся судьей-примирителем либо медиатором. Часть 4 определяет передачу дела судьей-примирителю посредством компьютерного распределения [166].

Но законодатель не дает четкого определения понятия «судья-примиритель». В связи с чем, абсолютно не понятно, будет ли судья-примиритель выступать как профессиональный медиатор, или же другое лицо с иными функциями и полномочиями. Думается, что судья-примиритель как медиатор в свете действующего законодательства о медиации невозможен, поскольку нарушается право сторон на выбор медиатора. А кроме того, такое положение в корне не согласуется с задачей разгрузки судов, которая продолжает оставаться актуальной на сегодняшний день. На сегодняшний день по данным официальной статистики на одного судью в Республике Казахстан приходится 56 дел, а на судью специализированного суда 130 дел. В свете чего, некорректно загружать судей еще и обязанностью проводить медиацию, для которой необходимы не только дополнительные затраты времени, психологические навыки урегулирования конфликта, но и значительная эмоциональная нагрузка. Ведь каждая процедура медиации, несмотря на нейтральность медиатора требует больших эмоциональных усилий от медиатора для удержания этой нейтральности.

Если же предположить, что судья-примиритель не будет осуществлять функции медиатора в полной мере, ограничиваясь только функцией примирения сторон, то такой субъект гражданского процесса также представляется лишним, поскольку у судьи, на сегодняшний день в рамках осуществления профессиональной деятельности и так присутствует функция прекращения дела путем заключения мирового соглашения между сторонами. Согласно статье 201 действующего ГПК РК, рассмотрение дел по существу начинается с выяснения председательствующим вопросов о том, поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца, и не желают ли стороны окончить дело мировым соглашением или передать дело на рассмотрение в арбитраж или третейский суд либо разрешить спор в порядке медиации [174].

Кроме того, полагаем, что внедрение в деятельность судьи дополнительных полномочий судьи-примирителя влечет за собой изменения цели процедуры медиации: достижение варианта разрешения спора (конфликта), устраивающего обе стороны медиации и снижение уровня конфликтности

сторон. Если первая цель еще будет реализовываться, то, в силу отсутствия психологического управления конфликтом, такая процедура не будет в полной мере приводить к снижению уровня конфликтности. Думается, что судья-примиритель будет настроен лишь на то, чтобы разрешить материальную сторону конфликта. А процедура медиации направлена на разрешение эмоционального конфликта между сторонами и снятие эмоциональной напряженности сторон для возможности их дальнейшего сотрудничества.

Еще одним аргументом не в пользу введения в процесс судьи-примирителя является статус судьи. Судья – это государственный служащий уполномоченный государством на отправление правосудия, обладающим особым правовым статусом. Судья наделен государственно-властными полномочиями по отношению к сторонам и иным участникам процесса. Судья вправе предъявлять сторонам властные требования, которые стороны не вправе нарушать. Другими словами, у судьи есть процессуальная возможность подчинять волю сторон процесса своим законным требованиям. Что же касается медиатора, то он не оказывает непосредственного влияния на волеизлияние сторон конфликта, он не влияет на принимаемое сторонами решение, является лишь посредником в процедуре примирения сторон и его деятельность в рамках данной процедуры, не оказывает воздействие на конфликт, его положение в процедуре носит лишь вспомогательный характер, а главенствующая роль в принятии решения занимают стороны. В связи с чем может произойти конфликт полномочий, так как существует вероятность, что судья-примиритель будет переходить тонкую грань различий между ведением судебного процесса и имеющихся в его рамках полномочий и примирительной процедурой, и соответственно полномочий судьи-примирителя.

И наконец, еще одним отрицательным аспектом внедрения в процесс судьи-примирителя является вопрос об обеспечении принципа диспозитивности возможностей сторон конфликта при определении времени и места проведения процедуры медиации, количества встреч и общего срока медиации. Все эти аспекты важны для правильного психологического климата медиации и конструктивного эмоционального настроения сторон на результат – достижения стадии разрешения конфликта и подписания медиативного соглашения (см. Приложение Б). Необходимо помнить, что процедура является процессом гибким, медиатор с согласия сторон определяет время проведения примирительной процедуры (ст. 18 Закон Республики Казахстан «О медиации») [166].

Что касается судебной медиации с участием штатного судьи-примирителя, то тут могут в плане гибкости процедуры возникнуть определенные трудности. Помимо того, что судья, у которого, согласно статистическим данным, находится от 56 до 130 дел, обязан осуществлять функции судьи-примирителя, то о гибкости процедуры во временных рамках речи не может быть. Судья в силу сильной загруженности будет назначать сторонам процедуру медиации в то время, когда это будет удобно судье, процедура будет проводиться на территории суда, где свободное волеизъявление сторон конфликта будет носить не подлинный, а скорее формальный характер.

Эти положения противоречат основным принципам медиации: добровольности, равенства сторон медиации, независимости и беспристрастности медиатора, гибкости и прозрачности процедуры медиации и т.д. Статья 11 Закона Республики Казахстан «О медиации» устанавливает право сторон медиации добровольно выбирать медиатора, возможно ли соблюдение указанных принципов и прав сторон, если судья-примиритель определяется посредством компьютерного распределения.

Кроме этого, часть 3 ст. 246 ГПК [174] устанавливается десятидневный срок для разрешения спора судьей-примирителем. Такое положение противоречит ст. 23 Закона Республики Казахстан «О медиации». Законодатель, устанавливая сроки от 30 до 60 дней, учитывает, что результатом медиации является не только разрешение спора, а самое главное – ликвидация конфликта.

Судья-примиритель будет состоять в трудовых отношениях с судом и получать заработную плату из бюджета, что потребует выделение дополнительных единиц в штатное расписание судов. В настоящее время мы не можем утверждать о полном доверии со стороны населения и бизнес – сообщества к существующей судебной системе, поэтому проведение медиации судьями преждевременно.

Одним из аргументов разработчиков проекта ГПК является то, что судья-примиритель будет проводить медиацию бесплатно. Однако международный опыт дает ответ на такой вопрос. Так, в Нидерландах государство берет на себя финансирование первых часов медиации, которые оплачиваются медиатору напрямую Министерством юстиции Нидерландов. В случае если в течение оплаченного государством времени сторонам не удалось урегулировать конфликт и достичь соглашения, они могут по договоренности с медиатором оплатить следующие часы его работы за счет своих средств до заключения соглашения, которые оформляются медиатором и передается в суд для утверждения в качестве мирового соглашения.

Если же по результатам первых сессий очевидно, что стороны не готовы или не способны урегулировать возникший конфликт в рамках медиации, они возвращаются в суд для его разрешения в обычном порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Что мешает установить в законодательном порядке оплату труда медиаторов при проведении судебной медиации. Особенно это актуально при проведении медиации по уголовным делам. По аналогии со статьей 71 УПК РК [175], которая устанавливает обязательное участие защитника, расходы по оплате труда адвокатов производятся за счет государства. Решение этого вопроса возможно путем внесения изменений в Закон РК «О медиации» [166].

Закон Республики Казахстан «О медиации» 2011 года был разработан с использованием голландской модели, которую логично и целесообразно было развивать дальше, просто определив взаимоотношения судебных органов и организаций профессиональных медиаторов, установив категории дел с обязательной досудебной медиацией, к примеру. Необходимо было просто урегулировать механизм взаимодействия судебных органов и профессиональных медиаторов.

Законодатель пошел по пути, исключая поступательное развитие деятельности медиаторов. Проект ГПК РК [174] использует совершенно иную, немецкую модель судебной медиации. Таким образом, мы имеем одну модель медиации в одном нормативном акте, и голландскую в другом нормативном акте. Странная ситуация, но очень характерная для нашей правовой действительности. При этом с одной стороны, формируется корпус качественных специалистов-медиаторов в новой социальной сфере – разрешении конфликтов, с другой стороны, они устраняются из этой сферы.

Практика Республики Беларусь, на которую также ссылаются разработчики закона, показывает, что «белорусский вариант посредничества» – это процессуальный институт, позволяющий сторонам в упрощенном порядке с помощью судебного посредника урегулировать имеющиеся спорные правоотношения и заключить соглашение, имеющее силу мирового соглашения» Л.В. Власова, указывает, что трудно согласиться с мнением о том, что посредничество сокращает нагрузку на суд, ... оно способствовало перераспределению функций между судьями и судебными посредниками, в части заключения мировых соглашений. Подписание мировых соглашений в судебном процессе прекратилось. Споры, в которых стороны могла заключить мировое соглашение, судьи направляли в процедуру посредничества, оно стало единственной процессуальной возможностью заключения мирового соглашения. ... привело к увеличению количества процессуальных документов, подготовка которых входила в обязанность судей [176].

Проведение медиации вряд ли можно отнести к одной из форм осуществления правосудия, так как в рамках примирительной процедуры судьи не принимают основанных на законе решений, не осуществляют защиту нарушенных прав, а лишь содействуют сторонам в поиске креативных решений по урегулированию спора, которые участники конфликта принимают сами и под свою личную ответственность. Таким образом, современное законодательство не позволяет казахстанским судьям, руководствуясь примером немецких коллег, брать на себя роль медиаторов.

Таким образом, казахстанская модель судебной медиации должна быть приближена к стандартам применения и развития судебной медиации, существующим в Нидерландах и ряде других стран, реализующих на практике идеи гармонизации судебного процесса и примирительной процедуры. Несмотря на то, что не все вопросы взаимодействия судов и медиаторов решены, представляется, что данная модель действительно будет способствовать наиболее эффективной разгрузке судебной системы, экономии бюджетных средств, повышению привлекательности медиации в глазах казахстанских граждан и организаций. В то же время принятие интегрированного подхода в качестве возможного может привести к увеличению судебной нагрузки, повышению бюджетных расходов на развитие системы судебного посредничества, а также разочарованию казахстанских граждан в нововведениях.

Подводя итоги всему сказанному, считаем возможным сделать некоторые выводы.

Медиация появилась в Казахстане и привлечена как инструмент в рамках судебно-правовой реформы РК, но ее возможности гораздо шире, чем регулирование споров и конфликтов. Опыт применения медиации в мире это доказывает. Обратимся лишь к некоторым направлениям, где медиация уже показала себя перспективной. Медиация довольно успешна в работе с семейными конфликтами и конфликтами родственников, корпоративные конфликты, межличностные конфликты, межэтнические конфликты и т.д.

Сегодня в Казахстане медиация представлена в двух её видах: профессиональном и непрофессиональном. При этом необходимо отметить, что нормы о непрофессиональных медиаторах надо исключить из Закона РК «О медиации». Примирительную деятельность могут по желанию вести люди, безо всякой постановки в реестр акимата и специального обучения. Это и есть деятельность по примирению на общественных началах - советы биев, советы аксакалов, советы старейшин, религиозные деятели, религиозные старейшины, т.е. посредники между конфликтующими сторонами, в особенности межрелигиозных и межэтнических конфликтов. Деятельность непрофессионального медиатора по действующему закону – это вообще не медиация. По действующему закону достаточно быть избранным местным сходом, чтобы называться медиатором. Но на самом деле медиатором может называться только лицо, прошедшее специальное обучение и соблюдающее правила проведения медиации, имеющее высшее образование, состоящее в реестре. Всех остальных лиц, не прошедших обучения и не знающих и не соблюдающих правил проведения медиации и требований к ней, каковыми являются непрофессиональными медиаторы согласно Закону, нельзя называть медиаторами.

По опыту мы видим, что именно «непрофессиональные медиаторы», т.е., опять же советы старейшин, советы аксакалов и т.д. являются действенными помощниками (фасилитативная медиация), посредниками в разрешении разного рода конфликтов, особенно межрелигиозного и межэтнического характера. Поэтому институт посредничества (медиация) должен быть представлен как процедура урегулирования конфликта с помощью нейтрального и независимого посредника.

«В разрешении межэтнических конфликтов и противоречий наиболее важными, на наш взгляд, являются поиски эффективных форм межэтнического диалога. В этих целях следует поощрять развитие политических и общественных движений, ибо они выступают как наиболее доступная форма развития политической активности масс, что особенно ценно в условиях неразвитости демократических традиций и институтов гражданского общества» [169].

С точки зрения международной практики, после принятия закона «О медиации» [166], с января 2015 года было внесено множество поправок в Законы РК с указанием на применение этой правовой культуры.

Например:

1. УПК РК делает 38 ссылок на возможность применения медиации по уголовным делам небольшой и средней тяжести [175].

2. В последней редакции ГПК РК имеется 35 ссылок о возможности и условиях рассмотрения дел в порядке медиации [174].

3. Кодекс РК «О браке и семье» [177].

4. Трудовой кодекс предписывает включать медиаторов в согласительные комиссии, а трудовые споры рассматривать в порядке медиации [178].

5. Налоговый кодекс РК от 29.12.2014 г. делает более 100 ссылок на деятельность медиаторов и норм регулирования деятельности медиаторов [179].

«Несомненно, столь высокая оценка достоинств медиации во многом стала возможной благодаря и еще одному обстоятельству — теоретическим и практическим достижениям развития такой молодой науки, как конфликтология. Именно благодаря конфликтологии значительно расширилось научное представление о природе проявления конфликтности вообще и особенностях ее перерастания в действительные конфликты, что, в свою очередь, послужило надежной основой для систематизации уже имеющегося исторического опыта по оказанию посредничеств, а при разрешении острых жизненных ситуаций. А главное, открыло широкие возможности для поиска иных, новых, научно обоснованных путей и способов управленческого воздействия и на конфликтные ситуации, и на сами конфликты во всем многообразии форм их проявления. За короткое время возник даже целый рынок оказания посреднических, примиренческих услуг, со своим спросом и предложением. И он становился реальной альтернативой даже существующей судебной форме разрешения жизненно важных проблем» [80, с. 256].

Таким образом, анализ показывает, что сегодня деятельность медиаторов – это малая часть конфликтологии, востребованная на этапе постконфликтной ситуации с привлечением методик и техник переговоров. В связи с этим более пристально следует рассмотреть возможность включения в Закон о медиации четкого обозначения ограничений и возможностей взаимодействия медиаторов с другими функциональными позициями в процессе разрешения конфликтов и споров в досудебном порядке. Кроме того, подготовку медиаторов следует проводить, на наш взгляд, в контексте науки конфликтологии, ведь управление конфликтом требует выбора конкретного конфликтологического инструментария, наиболее применимого не только для рационального выхода из конфликта, но и для решения проблем в системе деятельности. Поэтому конфликтный анализ по своей сути не может быть только теорией и ограничивать себя объяснительной или прогностической функцией, по сути, конфликтологическое исследование или анализ должны предложить конструктивное решение по преобразованию конфликтной ситуации.

Регулирование отношений в обществе связано с его развитием и особенностями культуры. Поэтому, арсенал урегулирования конфликтов весьма разнообразен. Соответственно, чтобы предупреждать конфликты, управлять, урегулировать, сдерживать, разрешать, трансформировать необходимо развивать свою казахстанскую конфликтологию, готовить специалистов в области конфликтологии, специалистов-медиаторов, ибо только успешная реализация данной задачи обеспечит практическое исполнение управленческих воздействий с целью предотвращения и урегулирования разного рода

конфликтов. Подобного рода технологии достаточно основательно разработаны и продолжает разрабатываться, однако в этих изысканиях есть существенный пробел. Он касается нравственных аспектов медиации. Речь идет не столько об этике медиации, профессиональном кодексе поведения медиатора, о принятых законах с целью улучшения медиации, сколько о нравственной культуре общества, определяющей предрасположенность или непредрасположенность его членов к досудебному и внесудебному примирению и посредничеству. Очевиден соответствующий вывод, касающийся современного Казахстана: создание института конфликтологии, подготовка специалистов-конфликтологов, медиаторов с учетом культурного наследия Казахстана.

3.2 Культура применения медиации в Казахстане

Верховным гарантом в сфере защиты прав человека и гражданина, разрешения споров и конфликтов является Конституция Республики Казахстан [180], которая обладает приоритетом ко всем остальным актам, содержащим нормы права. Конституция Республики Казахстан содержит положения о том, что каждый имеет право на признание своей правосубъектности и возможность защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами [180]. Каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Конституция следует основополагающим международным актам в данном вопросе (ст. 30). Конституция Республики Казахстан объявила приоритетными общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры [180]. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона. Все законы, международные договоры, участником которых является Республика Казахстан, публикуются в СМИ.

Официальное опубликование нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения» (ст. 4) [180].

На данный момент в Республике Казахстан действует Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года №401-IV «О медиации» [166]. В его развитии также был принят Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации». Эти законы стали результатом долгих дискуссий о принципиальной необходимости введения медиации в правовое поле в 2015-2017 гг.

Формирование нормативных основ медиации является этапом продвижения Казахстана по пути внедрения восстановительного правосудия, являющегося наиболее предпочтительным направлением развития сферы разрешения споров (конфликтов).

На сегодняшний день общепризнанно, что медиация, как альтернативная судебному разрешению правового спора наиболее эффективна. Это объясняется многими факторами, которые уже неоднократно описаны в литературе: это и ее относительная доступность, малозатратность по времени, добровольный характер, но, пожалуй, самое главное, что придает медиации особую силу, - это то, что данная процедура нацелена на разрешение спора исходя из интересов спорящих сторон, а не из заявленных изначально позиций, а также, разумеется, это то, что процедура является конфиденциальной.

Население недостаточно информировано о процедуре медиации, несмотря на ту работу, которая уже проведена на сегодняшний день в сфере популяризации процедуры медиации среди населения.

В качестве положительного опыта можно назвать следующую работу, которая проводилась в рамках работы по популяризации процедуры медиации за период с 2013 по 2016 годы:

1) практически во всех судах и в залах ожидания демонстрируются ролики о медиации, вывешены информационные стенды о медиации;

2) совместно судами и местными исполнительными органами организуются встречи с населением городов, где профессиональные медиаторы разъясняют суть процедуры медиации, ее отличия от судебного процесса, разъясняется эффективность;

3) проводится ряд телепередач, преимущественно на местном областном телевидении;

4) демонстрируется ряд репортажей в периодических изданиях, на информационных сайтах;

5) организации медиаторов ведут свои сайты, имеют странички в социальных сетях, где у некоторых организаций количество подписчиков доходит до нескольких тысяч;

6) проведение круглых столов, семинаров на тему развития медиации в области (проводятся преимущественно в судах, при прокуратуре, в университетах). Работа нужная, однако на подобных мероприятиях присутствует узкий круг лиц, которые не только знают о медиации, но и работают в этой сфере, поэтому такие круглые столы, семинары интересны, как правило, именно специалистам в сфере разрешения правовых споров, но не широкому кругу лиц;

7) организации медиаторов ведут обучение;

8) распространение рекламной продукции.

Однако, судя по данным социологического опроса, проводимой работы недостаточно. С целью развития работы в сфере популяризации необходимо сделать следующее:

1) привлечь местные исполнительные органы для изготовления и дальнейшего размещения баннеров с информацией о процедуре медиации в городах и районных центрах;

2) в рамках работы Центров медиации Ассамблеи народа Казахстана подготовить пул профессиональных медиаторов;

3) с целью обеспечения беспрепятственного доступа к информации о работающих в городе, районе медиаторах формировать единый реестр медиаторов на сайте Министерства юстиции Республики Казахстан;

4) задействовать для демонстрации видеороликов о процедуре медиации не только залы ожидания в зданиях судов, но и те залы, где имеет место быть электронная очередь и залы для ожидания (банки, ЦОНЫ, ГЦВП, Казпочта, Казактелеком и т.д.);

5) снять цикл передач о медиации с демонстрацией на центральных каналах;

6) задействовать в сфере развития медиации систему образования РК, путем организации обучающих семинаров для школьников, студентов, педагогов, родителей. Во-первых, школьная, студенческая среда - это среда, где довольно быстро распространяется информация среди учеников, родителей и

педагогов; во-вторых, школьная среда - эта среда, где имеет место быть большое количество конфликтов, которые нередко заканчиваются весьма плачевно. На наш взгляд навыками медиативного разрешения конфликтов должны учиться обладать все: и ученики, и учителя, и родители. Безусловно, грамотность в сфере управления конфликтами приведет к их снижению в обществе, а, следовательно, это положительно скажется на многих сферах жизни, и, самое главное, будет способствовать снижению уровню конфликтности в обществе и развитию общественного согласия;

7) продолжить обучение навыкам медиативного разрешения конфликтов в системе здравоохранения;

8) вовлечь в сферу развития медиации Национальную палату предпринимателей «Атамекен» с тем, чтобы распространить информацию о медиации среди предпринимателей, ведь зачастую у предпринимателей возникает необходимость быстрого и эффективного разрешения споров. Но на сегодняшний день они попросту не обладают знаниями о возможностях, которые может представить процедура медиации. Разумеется, долгие затяжные споры в суде отражаются на экономической составляющей бизнес, и, как следствие, государства;

9) на базе Центров повышения квалификации организовать курсы повышения квалификации по применению примирительных процедур работникам государственных учреждений, а также коммерческих организаций.

Анализ деятельности медиации в Республике Казахстан показал определенные группы проблем организационного характера, в том числе связанные с реализацией принципов медиации.

Так, принцип невмешательства в процедуру медиации имеет ограничения, но ограничения эти в законе прямо не указаны, что создает перспективы для расширительного толкования возможностей вмешательства в будущем. Что в свою очередь ограничивает принцип конфиденциальности.

Сам принцип конфиденциальности, на наш взгляд, недостаточно защищен, так как за нарушение данного принципа предусмотрена административная ответственность в виде штрафа в размере до 20-месячных расчетных показателей статьей 85 Кодекса об административных правонарушениях [181]. В то время как ущерб от разглашения сведений, ставших известными сторонам, может быть гораздо значительнее как в материальном, так и в моральном, нравственном плане. На наш взгляд в этом плане должна быть ужесточена ответственность, как медиатора, так и участников медиации.

Если сравнить казахстанское и российское законодательство в сфере медиации по этому вопросу, то отличие будет следующее: в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» аналогичный принцип звучит как принцип сотрудничества и равноправия сторон [182]. Данный принцип отражается в статье 11 Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: «в течение всей процедуры медиации медиатор может встречаться и поддерживать связь как со всеми сторонами вместе, так и с каждой из них по

отдельности. При проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон.

Хотелось бы отметить, что основополагающие принципы проведения и организации процедуры медиации в законе Российской Федерации перечислены, но нет детального рассмотрения каждого из них.

Принцип равноправия сторон является отражением принципа равенства всех перед законом и судом, который закреплен в Конституции Республики Казахстан в статье 14 [180].

Данный принцип является основополагающим началом процедуры примирения сторон, так же этот принцип закреплен и в гражданском и в уголовных Законах «О судопроизводстве».

Так, гражданское судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Стороны пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности. Стороны избирают в ходе гражданского судопроизводства свою позицию, способы и средства ее отстаивания самостоятельно и независимо от суда, других органов и лиц. Суд проявляет равное и уважительное отношение к сторонам.

Состязательность же, как принцип в медиации на наш взгляд, не употребим потому, что первоначально медиация призвана урегулировать конфликт посредством примирения и консенсуса, в данной процедуре нет победителей, нет проигравших, в гражданском судопроизводстве есть две стороны – истец и ответчик, которые отстаивают свои законные интересы.

В уголовном процессе также можно уследить состязательность, так как в данном виде судопроизводства также как минимум две стороны. Еще одним моментом, исключающим состязательность сторон, является то, что стороны сами добровольно вступают в процедуру медиации.

Наиболее частым нарушением данного принципа связано с ненадлежащим извещением сторон о времени и месте разбирательства, но данное нарушение принципа применимо к гражданскому и уголовному разбирательству, а в медиации стороны вправе сами решать время, место разбирательства.

Еще одним принципом медиации является принцип независимости и беспристрастности медиатора. Эти два принципа взаимосвязаны между собой. Если оказывается, что медиатор зависим, то нельзя говорить о его беспристрастности.

Значит принцип независимости взаимообусловлен с принципом беспристрастности, поэтому данные два принципа требуют того, чтобы их рассматривали вместе. Европейский Кодекс поведения медиаторов (European Code of Conduct for Mediators) разделяет два понятия «беспристрастности» и «независимости». Под беспристрастностью в Европейском Кодексе медиаторов понимается, что медиатор всегда должен действовать беспристрастно, ставя перед собой в качестве приоритетной задачи оказывать равные услуги обеим сторонам во имя осуществления самой медиации [183].

В Законе РК «О медиации» данный принцип закреплен таким образом: «Медиатор должен быть беспристрастным, проводить медиацию в интересах

обеих сторон и обеспечивать сторонам равное участие в процедуре медиации» [166]. При наличии обстоятельств, препятствующих беспристрастности медиатора, он должен отказаться от проведения медиации.

К принципу независимости Европейский Кодекс поведения медиаторов прибавляет такой принцип как нейтралитет медиатора. Кодекс раскрывает более детально понятие принципа независимости медиатора и выделяет обстоятельства при наличии которых, может пошатнуться независимость. К таким обстоятельствам относятся:

- личные или деловые отношения медиатора с одной из сторон;
- финансовая или иная заинтересованность медиатора в результате медиации, прямая или косвенная;
- наличие факта сотрудничества медиатора или любого другого работника его же фирмы с одной из сторон в каком-либо качестве помимо медиации [183].

В этих обстоятельствах, по согласию сторон, медиатор может начать или продолжить медиацию в том случае, если он уверен в своей способности сохранять полную независимость и нейтральность для обеспечения абсолютной беспристрастности. При этом в Законе Республики Казахстан «О медиации» оговаривается независимость не только от лиц, вступивших в процедуру медиации, но государственных органов, иных юридических, должностных и физических лиц [166].

А теперь рассмотрим принцип конфиденциальности, который закреплен в статье 8 Закона РК «О медиации».

Принцип конфиденциальности состоит в том, чтобы факт проведения процедуры медиации, а также любые сведения и документы, используемые в ходе медиации, не подлежат разглашению, если иное не установлено соглашением сторон.

Конфиденциальность является одним из основных требований к профессионализму медиатора, является его профессиональной обязанностью.

В соответствии со статьей 8 Закона РК «О медиации» участники медиации не вправе разглашать сведения, ставшие известными им в ходе медиации, без письменного разрешения стороны медиации, предоставившей эту информацию [166]. Медиатор не может быть допрошен в качестве свидетеля о сведениях, ставших ему известными в ходе медиации, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан.

Разглашение участником медиации сведений, ставших ему известными в ходе медиации, за исключением без разрешения стороны медиации, предоставившей эту информацию, влечет ответственность, установленную законами Республики Казахстан.

В сравнении с казахстанским законом, Закон Российской Федерации более точно определяет перечень той информации, которая не подлежит огласки: «Стороны, организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, медиатор, а также другие лица, присутствовавшие при проведении процедуры медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское разбирательство со спором, который являлся предметом процедуры медиации, не вправе ссылаться, если

стороны не договорились об ином, в ходе судебного разбирательства или третейского разбирательства на информацию:

1) о предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры;

2) мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора;

3) признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации;

4) готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

Наряду с данными условиями существует условие раскрытия медиатором информации, относящейся к процедуре медиации. В случае, если медиатор получил от одной из сторон информацию, относящуюся к процедуре медиации, он может раскрыть такую информацию другой стороне только с согласия стороны, предоставившей информацию. После анализа норм, можно сделать вывод, что в Законе Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» существует норма, которая регламентирует условие раскрытия медиатором информации, относящейся к процедуре медиации, аналогичной нормы права в казахстанском законе нет [182].

Таким образом, под принципами медиации можно понимать основополагающие начала организации и проведения медиации как альтернативного способа урегулирования правовых споров и конфликтов. Медиация базируется на следующих принципах таких как принцип добровольности, равноправия сторон медиации, независимости и беспристрастности медиатора, недопустимости вмешательства в процедуру медиации, конфиденциальности. Каждый из них в равной степени имеет огромное значение для продуктивной работы медиатора и сторон, участвующих в медиации (см. Приложение В).

Далее считаем необходимым проанализировать проблемы и перспективы развития медиации в Республике Казахстан.

С внедрением в Казахстане Закона «О медиации» основным «двигателем» развития медиации в государстве стал Верховный суд Республики Казахстан. Отсюда произошли некоторые, на наш взгляд искажения в области применения медиации.

В частности, анализ норм гражданского процессуального законодательства, а также норм, регламентирующих процедуру медиации (Закон РК «О медиации») показывает, что судебная медиация гораздо более детально регламентирована и имеет преимущественную силу перед медиацией досудебной или внесудебной.

Сама процедура внесудебной медиации урегулирована только Законом РК «О медиации», а также поскольку ч.4 статьи 27 Закона РК «О медиации» [166] определено, что соглашение об урегулировании спора, заключенное до рассмотрения гражданского дела в суде, представляет собой сделку,

направленную на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон, на указанное соглашение распространяются нормы гражданского законодательства в части регулирования сделок.

Надо понимать, что соглашение об урегулировании спора в порядке медиации – это не просто сделка, это сделка, разрешающая правовой спор.

А если имеется такая сделка, то насколько лицо, заключившее такую сделку, может снова обращаться в суд за рассмотрением дела по существу?

Пунктами 2, 6 ст. 277 ГПК Республики Казахстан [174] установлены основания прекращения производства по делу: 2) имеется вступившее в законную силу, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон, соглашения сторон об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации, соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры; б) стороны заключили соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации, соглашение об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры, и они утверждены судом.

То есть дело может быть прекращено, если ранее было вынесено определение суда об утверждении соглашения сторон об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации либо в данном процессе стороны заключили соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации, и оно утверждено судом.

Здесь надо отметить, что ч. 2 ст. 153 ранее действовавшего ГПК в части оснований отказа в принятии искового заявления содержала следующее: имеется вступившее в законную силу, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон или соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации. Из смысла нормы следует, что отказ в принятии искового заявления мог последовать, если имеется соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации.

Сейчас эта норма упразднена. Часть 1 ст. 151 действующего ГПК [174] в качестве оснований отказа в принятии искового заявления называет следующие:

1) заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства;

2) имеется вступившее в законную силу решение суда или определение суда о прекращении производства по делу по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям;

3) имеется принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение арбитража и об этом стало известно суду.

По какой причине законодатель изъял соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации из оснований для отказа в принятии искового заявления - непонятно.

Многие оппоненты из судебной системы заявляют о том, что Конституцией Республики Казахстан ч. 2 ст. 13 [180] каждому гарантировано право на судебную защиту своих прав и свобод.

На наш взгляд, при заключении соглашения об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации без права дальнейшего обращения в суд по существу дела не умаляет право лица на судебную защиту.

Ведь, как уже было сказано, согласно Закону РК «О медиации», [166], соглашение об урегулировании спора, заключенное до рассмотрения гражданского дела в суде, представляет собой сделку. Но к этой сделке предъявляются совершенно определенные требования, и главное из них, – это требование законности. То есть, если соглашение незаконно, его всегда можно оспорить в суде, тем самым осуществив свое право на судебную защиту своих прав и свобод.

Ввиду такого умаления внесудебной медиации складывается парадоксальная ситуация. Стороны заключают между собой соглашение по правовому спору, но у них остается право «еще раз» решить этот спор в суде. Например, при решении правового спора по договору займа, стороны приходят к обоюдному решению, о том, что должник будет выплачивать долг ежемесячно по определенной сумме денег; несмотря на это соглашение кредитор может обратиться в суд, предъявив иски о взыскании суммы долга единовременно по договору займа.

При этом должник может в это же самое время обратиться в суд в порядке упрощенного (письменного) производства за исполнением указанного соглашения об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации (в таких соглашениях, если должник обязуется платить ежемесячно определенную сумму, то соответственно устанавливается обязанность кредитора принимать эту сумму и не уклоняться от этого).

Получается, что два этих процесса могут идти параллельно и в итоге могут быть приняты разные взаимоисключающие решения.

И при этом, если бы аналогичное соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации было принято в суде и соответственно утверждено, ни одна из сторон уже не могла бы обратиться в суд за разрешением спора, по существу.

Но самое главное в том, что основной целью развития медиации в Республике Казахстан является снижение уровня конфликтности в обществе и повышение качества отправления правосудия путем снижения нагрузки на суды.

Получается, если стороны хотят добиться действительно юридически сильного соглашения, они будут вынуждены обращаться в суд, потому как соглашение, заключенное во внесудебном порядке такой юридической силы, как соглашение, заключенное в суде, к сожалению, не имеет.

Необходимо, чтобы соглашение об урегулировании правового спора (конфликта), заключенное в порядке внесудебной медиации должно соответствовать значению с соглашением об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации, заключенному в суде и утвержденному судом.

Еще одна проблема, имеющая место в области внесудебной медиации связана с осуществлением нотариальной деятельности. В частности, Законом Республики Казахстан от 31 октября 2015 года №378-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия» [184] в Закон РК «О нотариате» [185] были внесены изменения в части того, что отныне нотариусы, согласно п. 8 ст. 17 имеют право проводить примирительные процедуры.

Фраза «проводить примирительные процедуры» - единственное изменение, внесенное в этой части. Известно, что деятельность нотариуса четко регламентирована вплоть до сумм, взимаемых нотариусом за свои услуги.

На сегодняшний день остается непонятным статус нотариуса в качестве примирителя (подчиняется ли он закону РК «О медиации» при осуществлении деятельности примирителя? должен ли обучиться в качестве профессионального медиатора?), непонятными остаются вопросы фиксации соглашения о примирении, регистрации таких соглашений в качестве нотариального действия, их юридической силы и т.д.

Казахстанские нотариусы в большей своей части проходят «Общий курс медиации» в соответствии Постановлением Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2011 года №770 «Об утверждении Правил прохождения обучения программе подготовки медиаторов» [186], но пока не могут использовать свои знания на практике.

Однозначно, профессиональную подготовку в сфере применения примирительных процедур должен получить каждый, кто на профессиональной основе собирается этим заниматься, будь то нотариус или судья-примиритель.

Безусловно, и нотариус, и судья обладают глубокими профессиональными знаниями в области юриспруденции, права, но и то, как правило, в узко специализированной сфере, в то время как посредник, должен обладать знаниями в области конфликтологии, в области переговорного процесса, вербального и невербального общения и многими другими сугубо профессиональными знаниями и навыками, коими ни судья, ни нотариус, без должной профессиональной подготовки, к сожалению, не обладают.

Говоря о проблемах применения медиации в гражданском процессе, следует отметить, что на сегодняшний день в гражданском процессе низкий уровень применения медиации при разрешении правовых споров в судах. Несмотря на то, что ежегодно количество дел, законченных путем применения процедуры медиации, растет, все же общее количество дел, законченных путем утверждения соглашения об урегулировании правового спора (конфликта) в порядке медиации не превышает 2 процентов.

В период, когда пилотный проект закончился, а новый ГПК Республики Казахстан еще не был принят и не вступил в силу (в период 2015 года) профессиональных медиаторов пригласили в суды. Были открыты кабинеты медиаторов, где медиаторы организовали дежурство, и всегда были готовы принять граждан для разрешения возникшего правового спора как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Со вступлением в силу нового Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, с внедрением судьи-примирителя на законодательной основе профессиональных медиаторов в суды приглашать перестали, ограничиваясь только деятельностью судей-примирителей.

Разумеется, люди, видя демонстрацию видеороликов о медиации в зале ожидания, читая информационные стенды о медиации, после предложения судьи о применении медиации с участием судьи-примирителя ассоциируют процедуру медиацию только с судом и с судьей-примирителем.

Однако возникает вопрос относительно профессионализма судей в качестве примирителей. Разумеется, судьи обладают глубоким обширным судебским опытом, но опыта и знаний в качестве примирителей у судей явно недостаточно.

Как известно процедура медиации состоит из таких этапов, как:

- 1) знакомство со сторонами, разъяснение сущности и принципов медиации;
- 2) определение сути спора;
- 3) установление атмосферы доверия со сторонами;
- 4) выявление истинных (подчас скрытых) интересов сторон;
- 5) расчет рисков сторон на случай негативного разрешения конфликтов;
- 6) разработка возможных вариантов решения;
- 7) анализ выявленных вариантов;
- 8) анализ реалистичности выработанного решения.

Если процедура проходит по всем правилам и с соблюдением всех этапов, то занимает довольно много времени, которого у судей, как мы знаем, особенно в гражданском процессе, недостаточно. Не повлечет ли нагрузка на судей-примирителей не только отправления некачественного правосудия, но и отправления некачественной процедуры медиации?

Кроме того, при расчете рисков сторон, если судья с позиции своего судебского опыта, знаний заявляет какой бы то ни было из сторон, что у нее недостаточно доказательств для отстаивания своей позиции в суде, либо недостаточно оснований, не воспримет ли это сторона как свое заведомое поражение, и не пойдет ли на заведомо невыгодное для себя решение?

Вопросы, к сожалению, на сегодняшний день не имеют ответов.

На наш взгляд фигура судьи-примирителя в суде далеко не лишняя. Но этот судья, во-первых, должен заниматься только процедурой медиации (т.е. должен быть освобожденным от отправления правосудия), и, разумеется, должен обладать профессиональными знаниями в области примирения, применения медиации как способа урегулирования правового спора (конфликта).

Говоря о проблемах применения медиации в гражданском процессе, считаем необходимым отметить широкие перспективы развития медиации в уголовно-правовой сфере. Применение медиации по уголовным делам, может переходить в осуществление функции пробации, функции ресоциализации лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Уже имеются прецеденты в практике медиаторов, когда обвиняемые в ходе проведенной медиации брали на себя обязательства, не связанные с возмещением ущерба, нанесенного преступлением либо заглаживанием вреда.

Например, в казахстанском законодательстве приостановление по делу в случае обращения сторон к медиации предусмотрено лишь в гражданском процессе. В уголовном процессе сроки производства, как уже было сказано выше, не приостанавливаются, и это вызывает определенного рода проблемы на фоне того, что Законом РК «О медиации» предусмотрены сроки медиации до 30 суток.

Дело в том, что на досудебной стадии к медиаторам обращаются редко. На стадии разбирательства дела в суде зачастую обращаются на последних стадиях процесса, времени для разрешения дела остается катастрофически мало. Надо сказать, что в уголовном процессе, медиация требует особенно вдумчивого и серьезного отношения, потому что приходится работать с психикой обвиняемого, потерпевшего. Поэтому время – действенный фактор.

Программа максимум для хорошего медиатора в уголовно-правовой сфере – это результат, при котором ущерб, нанесенный потерпевшему, будет возмещен, вред заглажен. А подсудимый осознает корень своих проблем и действительно встанет на путь исправления без применения к нему уголовного наказания.

Кроме того, проблема заключается в том, что в соответствии со ст. 68 УК РК [187] вред должен быть заглажен, а ущерб возмещен, и только после этого возможно освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Однако иногда условия примирения могут иметь долгосрочный характер.

Надо сказать, что после вступления закона РК «О медиации» [166] судебная практика по уголовным делам пошла по пути утверждения соглашений об урегулировании правового спора, условиями которого предусматривалось возмещение нанесенного ущерба в рассрочку.

Ни ранее действовавшее уголовное законодательство, ни ныне действующее уголовное законодательство этого не позволяет, на основании чего были внесены ряд протестов прокуроров на подобные постановления судов об освобождении от уголовной ответственности.

Но вместе с тем, теоретически это возможно. Для этого необходимо изменить законодательство и позволить сторонам договариваться об условиях примирения. Пусть реализация этих условий и займет какое-то время. Но гарантией выполнения условий соглашения может стать рассмотрение об исполнении условий соглашения в рамках письменного упрощенного производства в рамках гражданского процесса (глава 13 ГПК РК). Либо отмена постановления об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, которое должно производиться не судом вышестоящей инстанции, а судом первой инстанции по заявлению потерпевшей стороны.

Имеется противоречие между действующим УК РК и Законом РК «О медиации» в части применения медиации в уголовно-правовой сфере.

Так, согласно ст. 68 УК РК [187] медиация применяется по уголовным проступкам, преступлениям небольшой и средней тяжести, а также по тяжким преступлениям, если они не связаны с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека и совершены несовершеннолетними, беременными женщинами, женщинами, имеющими малолетних детей, мужчинами, воспитывающими в одиночку малолетних детей, женщинами в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчинами в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, впервые совершившими тяжкое преступление.

Кроме того, п. 5 ст. 170 УПК РК [175] регламентирует, что по итогам рассмотрения гражданского иска в уголовном деле суд выносит одно из следующих решений: об утверждении мирового соглашения либо соглашения об урегулировании спора в порядке медиации по гражданскому иску и прекращении производства по нему.

В уголовном процессе медиация возможна как на стадии дознания, предварительного следствия, так и в ходе судебного процесса:

– подозреваемый/обвиняемый имеет право примириться с потерпевшим в порядке медиации (п. 15 ч. 9 ст. 64 УПК РК) [175];

– потерпевший, соответственно, имеет право в порядке медиации примириться с подозреваемым и обвиняемым (п. 8, ч. 6 ст. 71 УПК) [175].

В то же время, если в соответствии со статьей 358 УПК РК председательствующий разъясняет подсудимому его права в главном судебном разбирательстве, предусмотренные ст. 65 УПК РК [175], а также право на заключение процессуального соглашения, примирение с потерпевшим в предусмотренных законом случаях, в том числе в порядке медиации, то на стадии дознания и предварительного следствия обязанность такого разъяснения лицу, ведущему уголовный процесс, не вменяется.

Более того, следствие и дознание не заинтересованы в том, что дело было прекращено по статье 68 УК РК [187] ввиду примирения сторон, так как в этом случае «страдает» статистика раскрываемости уголовных правонарушений, а этот факт уже лично отражается на следователе или дознавателе.

Отсюда органы дознания и следствия крайне неохотно принимают уже имеющиеся по делу соглашения об урегулировании правового спора (конфликта) в порядке медиации, а о разъяснении сторонам права на примирение с потерпевшим в предусмотренных законом случаях, в том числе в порядке медиации и речи быть не может.

Как мы уже говорили ранее, в уголовно-правовой сфере далеко не каждый обвиняемый может себе позволить оплатить услуги медиаторов, и в этой связи было бы целесообразно субсидировать деятельность медиаторов в уголовно-правовой сфере по уголовным проступкам, преступлениям небольшой и средней тяжести, а также по правовым спорам с участием несовершеннолетних.

На этом фоне, в целях развития применения медиации на досудебных стадиях, что повлечет экономию бюджетных средств, так как работа по привлечению лица находится в самом начале и в ней задействовано минимум средств и сил, предлагаем ввести статистическую отчетность для органов досудебного расследования относительно количества дел, прекращенных путем

примирения, в том числе в порядке медиации, условно отнеся эти дела к категории «раскрытых» дел, учитывая, что фактически обвиняемый признает свою вину, возмещая потерпевшему ущерб и заглаживая причиненный вред (таблица 4).

Таблица 4 – Отличие процедуры медиации от судебного разбирательства

Судебный процесс	Медиация
1	2
Процесс может начаться и вопреки воле одной из сторон	Процедура медиации проводится только по волеизъявлению сторон
Судья назначается	Выбор медиатора(ов) осуществляется сторонами самостоятельно или с помощью организации, обеспечивающей проведение медиации
Решение принимается в строгом соответствии с буквой закона	Решение принимается с учётом интересов сторон, но в рамках закона
Судья наделён властными полномочиями	Медиатор помогает в выработке решения сторонами
Публичность процесса	Конфиденциальность
Состязательность сторон	Сотрудничество сторон
Процесс принудительный, обязательный	Процесс консенсусно-добровольная
Проблемы формируются сторонами в юридических терминах	Участники медиации описывают существующие проблемы своими словами, а медиатор помогает им представлять информацию в корректной форме
1	2
Юристы, выступающие в качестве адвокатов, защищают только своих клиентов, порой нелестно отзываясь о противоположной стороне своего клиента, тем самым только усиливая противоречия и конфликт	Медиатор не представляет интересов одной из сторон, остаётся независимым и беспристрастным. Участники медиации общаются друг с другом и учатся выслушивать друг друга
Поляризация сторон, которые все больше отдаляются друг от друга	Противоречия сглаживаются, различия мнений преодолеваются, находят общие интересы, на которых строится поиск компромиссов
Формальные правовые нормы ход процесса.	Процедура неформальная, гибкая, носит частный характер, ориентирована на стороны (время, возможности)
Как правило, занимает много времени, возможны задержки	Соглашения могут достигаться за короткое время, чаще за 1-2 дня.
Стороны во всём полагаются на своих юридических консультантов, от их профессионализма.	Стороны сами являются руководителями процессов, устанавливают параметры проведения медиативной сессии, сами разъясняют свои интересы, могут воспользоваться помощью специалистов-

	экспертов, в любой момент могут прекратить медиативную сессию.
В центре внимания прошлые обиды и проступки, именно на них строится обвинение.	В центре внимания общие интересы сторон, поиск приемлемых решений, обеспечивающих нормальное сосуществование конфликтующих сторон в будущем
Обычно способствует обострению конфликта и усилению стресса	Способствует разрешению конфликтов и снижению стресса, обучению конструктивно вести диалог, слушать и слышать, просчитывать риски и т. д.
Часто не анализируются все возможные варианты решения	Изучаются и обсуждаются все возможные варианты решения конфликтной ситуации, а также просчитываются риски нежелательных последствий, что обуславливает жизнеспособность медиативных соглашений
Участники конфликта и государство несут большие расходы	Расходы ресурсов сторон сведены к минимуму или отсутствуют
Решения определяются судебными органами	В принятии взаимовыгодных решений участвуют все заинтересованные стороны
Решения вряд ли окажутся эффективными в долгосрочной перспективе, так как удовлетворяют одну из сторон, вторая остаётся не довольной	Консенсусные решения оказываются эффективными в долгосрочной перспективе, их выгодно исполнять, они приняты самими сторонами и в них просчитаны риски отклонения от исполнения

Стоит признать, что реальное государство не формируется лишь на уровне принятия официальных декретов и парламентских законов. «Человечество действительно вступило в новую эру взаимодействия и коммуникации экономик, политик, языков, культур, индивидов, разнообразных жизненных практик (медиация) и образцов поведения. Возникает новая проблема, культура универсальности согласия. Ныне, когда согласие становится универсальным, на первый план выходит проблема различия, уникального культурного и индивидуального опыта.

Человечество не может прийти к согласию, отринув свои культурные завоевания и приняв за единственный образец стереотипную, вестернизированную модель поведения. Это было бы вновь «согласием» через подавление и культурное насилие. Сегодня речь идёт о согласии другого типа, основанном на сохранении различий и, следовательно, на внутренних механизмах взаимопонимания, взаимопризнания, толерантности, уважительности» [188].

Таким образом, с целью повышения правовой культуры населения, культуры согласия, формирование срединной культуры, необходимо формирование медиационного сознания. «Кто понимает, что медиация – это подход, включающий в себя все решения и весь комплекс вопросов, предотвращающих спор, тот признаёт, что такой вид мышления является не просто услугой, а может изменить всю культуру споров (конфликтов)».

В работе медиатора важно не только реализовывать медиации с участниками конфликта, но и осуществлять рефлексию собственной практики. Данный навык необходим практикующему медиатору, чтобы проанализировать, насколько соблюдены стандарты и принципы восстановительной работы, увидеть «точки роста» собственного профессионализма.

Кейс (от англ. case – случай) – это отчет (самоанализ) медиатора, описывающий реальную конфликтную ситуацию, технологическую последовательность медиации, ее результаты, лично-значимые изменения у конфликтующих сторон в ходе медиации, анализ эффективности восстановительной программы по обратной связи от участников.

Содержание конкретной ситуации должно быть известно медиатору из собственной практики. Желательно излагать информацию доступно, доходчивым языком, включать в текст высказывания и диалоги участников ситуации как прямую речь.

Для качественного описания кейса медиатору важно придерживаться алгоритма описания конфликтной/криминальной ситуации, который включает в себя:

1. Общие сведения о проведенной программе:

1.1 Место проведения, ведущие (имя, фамилию медиаторов).

1.2 Конфликтующие стороны, указываются измененные имена участников для сохранения конфиденциальности. Если участвуют лица ближайшего социального окружения конфликтующих сторон, то они также указываются с изменением имен (родственники, друзья и т.д.).

1.3 Источник сигнала (кто передал случай в службу медиации, стороны обратились самостоятельно и т.д.).

1.4 Специфика ситуации: данный случай является конфликтом (стороны в равной степени страдают от сложившейся ситуации, нет обидчика и пострадавшего, разрушается общение, отношения между сторонами, могут втягиваться третьи лица) или является ситуацией с причинением вреда/ущерба (одна сторона – обидчик, тот кто причинил вред/ущерб, другая – пострадавший, тот кому причинили вред/ущерб).

1.5 Форма проведения восстановительной программы (медиация, круг сообщества, профилактический круг, семейная конференция и др.).

1.6 Фабула ситуации (краткое описание ситуации, в чем суть конфликта, каковы позиции сторон).

1.7 Административные и юридические последствия конфликта в зависимости от результата восстановительной программы. При конфликтной ситуации дальнейшее рассмотрение на совете профилактики и т.п., при правонарушении – рассмотрение в суде.

1.8 Дальнейшие действия службы медиации в случае отказа от медиации одной или обеих сторон. Так как основной принцип медиации – добровольность, то стороны вправе отказаться от участия в начале и в ходе программы. В такой ситуации случай скорее всего будет перенаправлен, и это необходимо отметить в кейсе.

2. Основная часть, содержащая описание восстановительной программы.

2.1 Оценка критериев, по которым случай взят в работу:

1. Участниками конфликтной ситуации являются две или более стороны.

2. Хотя бы одна из сторон конфликтной ситуации признает участие в конфликте и выражает согласие на участие в восстановительной медиации.

3. В случае криминальной ситуации (драка, кража, вымогательство денег, порча имущества) этой стороной является обидчик, принесший вред жертве.

4. В случае криминальной ситуации, если участниками являются несовершеннолетние до 14 лет, родители участвуют в восстановительной медиации или дают дополнительное согласие на проведение восстановительной медиации без их участия. Дополнительное согласие может быть выражено в устной форме.

2.2 Описание медиативных встреч.

2.2.1 Предварительные встречи со сторонами.

Предварительных встреч может быть несколько: встреча с первой стороной, со второй стороной, дополнительные встречи со сторонами (при необходимости уточнить информацию или вопросы повестки дня). Важно описать содержание предварительных встреч, вопросы, которые задавал медиатор и ответы участников, при этом отметить:

- условия, созданные медиатором для встречи;
- видение ситуации приглашенной стороны;
- чувства, которые сторона испытывала в момент конфликта, и что переживает сейчас;
- последствия, которые определила сторона конфликта, важные для нее моменты для обсуждения на примирительной встрече, возможные способы решения, предложенные стороной;
- вопросы повестки дня для примирительной встречи.

2.2.2 Примирительная встреча со сторонами.

Содержание примирительной встречи также необходимо представить подробно. Можно включать ремарки (наблюдения) медиатора, которые на его взгляд раскрывают вопросы технологии, медиативных приемов, техник и т.д. При описании примирительной встречи в кейсе медиатору важно отметить следующее:

- видение ситуации участниками, их точки зрения на конфликт;
- описание чувств участников во время ситуации и сейчас, были ли моменты сильных эмоций, и как с ними удалось поработать медиатору;
- описание обсуждения сторонами последствий конфликта и их самостоятельное определение возможных способов решений (ответы участников встречи на вопросы медиатора «что мы готовы сделать, чтобы это исправить или чтобы подобной ситуации не повторилось?»);
- перечень достигнутых договоренностей, их описание с учетом интересов обеих сторон (пункты примирительного договора устного/письменного), а также «острые углы» обсуждения, те вопросы, по которым договоренности не были достигнуты.

2.3. Описание реализации принципов восстановительного подхода. Описание выполняется в таблице 5, приведенной ниже. В описании важно отметить:

- каким образом было восстановлено общение, понимание между сторонами, как это проявилось;
- кто участвовал из социального окружения и какую поддержку готовы оказать для позитивных изменений родные, друзья, заинтересованные лица и др.; какую ответственность они берут на себя;
- какие восстановительные процессы, действия произошли (стыд, раскаяние, извинения, прощение, возмещение ущерба и т.д.);
- какую ответственность взяли на себя участники конфликта по его урегулированию (в чем заключается ответственность каждой из сторон);
- какие условия (правила, договоренности) установлены сторонами для себя для того, чтобы подобное не повторилось.

Таблица 5 – Принципы восстановительного подхода и их реализация

Принципы восстановительного подхода	Реализация (в чем и как проявилось)
1	2
Восстановление способности людей понимать друг друга	
Участие социального окружения (родственников, друзей, заинтересованных лиц)	

Продолжение таблицы 5

1	2
Ответственность обидчика перед жертвой (если в ситуации был правонарушитель)	
Исцеление жертвы (если в ситуации была жертва)	
Принятие участниками конфликта на себя ответственности по его урегулированию	
Что сделано/важно сделать для того, чтобы подобное не повторилось	
Иное	

3. Информация, отражающая опыт медиатора, особенности проведения программы, аналитические выводы (например, особенности случая, интересные находки в работе медиатора).

3.1 Самооценка (самоанализ) медиатора. Описание можно дать по следующим вопросам:

1. Соответствует ли проведенная программа стандартам восстановительной медиации?
2. Удалось ли решить поставленные медиатором задачи?
3. Соответствует ли проведенная программа этапам медиации?
4. Удалось ли удержать позицию медиатора?
5. Кто говорил больше: медиатор или стороны?
6. Как удалось восстановить диалог между участниками?

7. Какие были сложности в работе медиатора?
8. В какие моменты медиатор испытывал трудности с удержанием своей нейтральной позиции?
9. Что нового медиатор приобрел для себя в ходе этой программы?
10. Что не получилось?
11. Предложения медиатора по улучшению программы.
12. Находки в работе.

3.2 Оценка (анализ эффективности) проведенной восстановительной программы. Выполняется по итогам аналитической встречи со сторонами через 2-4 недели после примирительной встречи.

В кейсе отмечают, как выполняются условия примирительного договора, или причины их невыполнения, обсуждение сторонами и корректировка условий договора. Также отмечают удовлетворенность участников итогами восстановительной программы по материалам анкет обратной связи. Можно описать следующую информацию от участников по следующим вопросам:

1. Для чего вы согласились на встречу с другой стороной? Что было важным, решающим, когда вы принимали решение: участвовать в медиации или нет?
2. Какие личные мотивы были для участия в примирительной встрече?
  - что важного было при встрече (в диалоге) с другой стороной?
  - какие открытия сделали? (изменилось ли мнение о ситуации?)
3. Получили ли вы ответы на свои вопросы? (например, «Почему эта ситуация произошла со мной?», «Правонарушитель имеет что-нибудь против меня лично? и др.»)
  - какие ответы были важны для вас?
  - что прояснить не удалось? какие важные вопросы не были заданы? чего не хватило?
4. Важно ли вам было участвовать в дальнейшем развитии ситуации? (участвовать в примирительной встрече? Присутствовать на суде?)
5. В чём заключается для вас результат медиации?
6. В чём вы видите свою ответственность в разрешении конфликта?
  - какой опыт из этой ситуации вы извлекли для себя лично?

Далее докторант предлагает рассмотреть проект кейса с алгоритмом работы медиатора (в теоретическом аспекте).

Этап 1. Подготовительный

Задачи работы медиатора:

- 1) получив информацию о случае, определить, подходит ли он по критериям для работы с использованием медиации;
- 2) связаться со сторонами по телефону и договориться о проведении индивидуальной встречи. Медиатору нередко приходится преодолевать стену подозрительности, непонимания, эмоционального напряжения, которая возникла из-за конфликта, а также нередко из-за действий представителей государственных органов и учреждений, и он должен предложить участникам конфликта восстановительный способ разрешения ситуации. В ходе проведения программы восстановительной медиации на протяжении всей работы медиатору

необходимо также удерживать сквозные задачи. Их реализация помогает сторонам переключиться на будущее и построить конструктивный выход из сложившейся ситуации. Эти задачи таковы:

- достижение и удержание контакта со сторонами;
- создание условий для конструктивного выражения эмоций;
- создание безопасной атмосферы во время работы;
- создание условий для обеспечения взаимопонимания.

Этап 2. Индивидуальные встречи

1 фаза. Создание основы для диалога со стороной

Вариант представления:

Добрый день! Меня зовут (представиться). Я пришел по поводу ситуации (...). Информацию о ней нам передал (называете человека или организацию). Я – ведущий программ восстановительной медиации (медиатор) (...) (называете организацию или службу), я не представляю ни одну из сторон, то есть я не адвокат и не советчик. Наша организация (служба) помогает участникам конфликта организовать диалог друг с другом и самим найти выход из конфликта вне административных или судебных мер. Участие в наших программах добровольное, поэтому в конце разговора вы сами примете решение, будете ли вы в ней участвовать. Наш разговор конфиденциален, то есть я не буду разглашать никакую информацию, кроме вашего решения участвовать или не участвовать в наших программах.

Необходимо помочь обозначить различные аспекты конфликтной ситуации, важные с точки зрения участников и принципов восстановительной медиации.

Возможные действия медиатора:

1. Обсуждение ситуации:

– помочь человеку (вопросами, переформулированием, уточнением и пр.) рассказать о том, что произошло (до ситуации, сейчас, после, о других участниках, о своих состояниях и чувствах, об отношении к произошедшему и его последствиям);

– внимательно слушать и улавливать, что беспокоит человека;

– помочь пережить сильные чувства;

– обсудить ценности относительно различных способов реагирования на ситуацию, рассказать о ценностях восстановительной медиации.

2. Обсуждение последствий:

– обсудить, к каким последствиям привела ситуация (или еще может привести), что человеку в этом не нравится. Если о последствиях уже упоминалось при обсуждении ситуации, резюмировать для того, чтобы перейти к поиску вариантов выхода.

3 фаза. Поиск вариантов выхода

Необходимо поддержать принятие стороной ответственности за восстановительный выход из ситуации.

Обсуждаемые вопросы:

– какие выходы возможны из создавшейся ситуации и к каким последствиям эти выходы могут привести;

- попытались ли сами разрешить ситуацию, встретиться со второй стороной;
- рассказать о встрече со второй стороной (если она была) или о возможности такой встречи;
- обсудить встречу с другой стороной как возможный вариант действия, направленного на выход из ситуации. Подчеркнуть, что главными на встрече являются стороны, а медиатор обеспечивает конструктивность и безопасность;
- предложить сформулировать перечень вопросов, которые сторона хочет обсуждать на встрече (сформировать повестку дня);
- проинформировать о юридических последствиях заключения примирительного соглашения;
- если сторона не согласна на встречу – выяснить причины, предложить не решать вопрос окончательно и оставить памятку и свои координаты. Можно также предложить форму челночной медиации;
- независимо от согласия на встречу обсудить, требуется ли помощь каких-то специалистов;
- если сторона согласна на встречу сторон, приступить к 4 фазе.

4 фаза. Подготовка к встрече

Необходимо прояснить суть предстоящей процедуры и поддержать принятие стороной своей роли на встрече.

Возможные действия медиатора:

- рассказать о формате примирительной встречи (обсуждаемых вопросах, правилах, роли сторон, медиатора, законных представителей, возможности участия других лиц). При обсуждении правил встречи спросить, готовы ли участники их соблюдать; предложить внести дополнения;
- если со второй стороной еще не было индивидуальной встречи, пояснить ее право отказаться от участия в программе;
- пояснить свою роль медиатора на совместной встрече (ответственность за безопасность, координирование действий, поддержка диалога). Подчеркнуть ответственность сторон за принятие решения;
- обсудить перечень участников будущей встречи, предпочтительное время и место встречи;
- поблагодарить за беседу, оставить контактный телефон и памятку о программе.

Правила встречи:

1. Не перебивать - у каждого есть возможность быть выслушанным до конца.
2. Не оскорблять, чтобы все чувствовали себя в безопасности.
3. Конфиденциальность – не рассказывать окружающим о том, что происходило на встрече (только результат или подписанный договор).
4. Каждый участник может при необходимости предложить сделать перерыв, перенести продолжение встречи на другой день.
5. Медиатор может поговорить с кем-то из участников наедине, а также участник с медиатором.

Этап 3. Встреча сторон

1 фаза. Создание условий для диалога между сторонами

Возможные действия медиатора:

- 1) заранее подготовить место для встречи сторон;
- 2) поприветствовать участников, поблагодарить за то, что пришли, если необходимо – познакомить участников друг с другом;
- 3) объявить цели встречи, огласить правила, обозначить позицию медиатора;
- 4) объявить основные пункты повестки дня.

2 фаза. Организация диалога между сторонами

Необходимо организовать взаимопонимание в процессе диалога

Возможные действия медиатора:

- 1) предложить сторонам рассказать свою версию случившегося и его последствия;
- 2) предложить сторонам высказать свое отношение к услышанному;
- 3) поддержать диалог между сторонами по поводу ситуации и ее последствий. В ходе встречи необходимо трансформировать негативные высказывания так, чтобы это помогало конструктивному диалогу, и усиливать позитивные идеи и шаги по отношению друг к другу.

3 фаза. Обсуждение и фиксация вариантов разрешения ситуации

Необходимо инициировать поиск вариантов решений и анализ предложений.

Вопросы для обсуждения:

- 1) как разрешить ситуацию;
- 2) фиксация вариантов выхода из ситуации;
- 3) обсуждение механизмов реализации решений.

4 фаза. Заключение соглашения

Необходимо зафиксировать достигнутые результаты и договоренности.

Возможные действия медиатора:

- фиксировать решения и четкий план их реализации;
- обсудить, что делать, если план не будет выполнен;
- зафиксировать устное соглашение или письменный договор.

5 фаза. Рефлексия встречи

1. Обсудить, удовлетворены ли участники встречей, осталось ли что-то недоговоренное?

2. Спросить, что важного для себя они узнали в результате встречи?

Как мы уже отмечали в предыдущей главе, развитие отечественной системы медиации необходимо прежде всего для снижения уровня конфликтности в обществе. Разрешить спор без участия судов – это также и возможность сэкономить свое время и средства. Одним из вариантов разрешения конфликта является Совет старейшин. Данный проект был предложен еще в 2010 году экс-министром культуры Мухтаром Кул-Мухаммедом. Затем о проекте заговорили в 2018 году в Уральске. Именно тогда он получил поддержку Верховного суда. Сегодня только в Павлодарской области Советом старейшин уже рассмотрено более 10 различных обращений.

Мы предлагаем следующий вариант проекта-кейса Совета старейшин.

Основными задачами совета старейшин являются:

– защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан;

– содействие укреплению законности и правопорядка и предупреждение правонарушений на территории аулов, поселков, городов;

– воспитание у граждан уважения к закону, нормам морали и нравственности, исторически сложившимся из обычаев и традиций.

По решению собрания граждан, местных акимов или иного представительного органа местного самоуправления на территории аулов, поселков, городов из числа аксакалов, иных граждан, пользующихся уважением и авторитетом, могут учреждаться советы старейшин.

Советы старейшин избираются в составе не менее 5 и не более 9 человек, при этом число должно быть обязательно нечетным.

В состав совета старейшин могут быть избраны совершеннолетние граждане, пользующиеся уважением и авторитетом среди населения аулов, поселков и городов, по деловым и моральным качествам, способные выполнять задачи, поставленные перед советом старейшин.

Советы старейшин рассматривают переданные по соглашению сторон на их рассмотрение имущественные, семейные споры и иные предусмотренные законом дела с целью достижения примирения сторон и вынесения справедливого, не противоречащего законам решения.

Советы старейшин рассматривают дела (материалы) в 15-дневный срок с момента их поступления. В случаях необходимости срок рассмотрения дел (материалов) может быть продлен на срок истребования материалов либо представления участниками суда дополнительных сведений, но не более чем на 15 дней.

Совет старейшин на своих заседаниях обязан заслушать объяснения участников заседания и огласить документы, имеющиеся у судей и участников заседания. Дела рассматриваются коллегиально.

Постановление совета старейшин выносится в форме решения.

Решение совета старейшин может быть обжаловано в течение 10 дней со дня вынесения решения. Жалоба подается в районный или городской суд, на территории которого образован совет старейшин.

Советы старейшин вправе рассматривать дела (материалы):

а) об имущественных и семейных спорах граждан: составляет заявления, жалобы и другие документы правового характера

– по взысканию имущественного долга;

– по истребованию имущества из чужого незаконного владения;

– по возврату имущества из чужого незаконного владения;

– по возврату имущества, переданного на хранение;

– по взысканию арендной платы;

– по возмещению за причиненный имуществу вред;

– по разделу общего совместного имущества супругов;

– по национальным брачным отношениям и традициям, связанным с брачно-семейными отношениями;

б) о невыполнении родителями и другими членами семьи обязанностей по воспитанию и содержанию детей;

в) о невыполнении совершеннолетними детьми обязанностей по содержанию нетрудоспособных родителей или лиц, воспитавших и содержавших их в установленном порядке;

г) об оплате выполненной работы по трудовому соглашению;

д) споры по поливу между пользователями земельных участков.

Совет старейшин, установив виновность привлеченного к суду, может вынести решение о применении одной из следующих мер воздействия:

а) вынести предупреждение;

б) обязать принести публичное извинение потерпевшей стороне;

в) объявить общественное порицание;

г) обязать виновную сторону возместить причиненный материальный ущерб;

д) наложить денежный штраф в размере до трех минимальных заработных плат, установленных законодательством.

По семейным спорам суд принимает решение по существу рассматриваемого спора.

Если Совет старейшин не достиг примирения сторон по имущественным и семейным спорам, он принимает решение по существу рассматриваемого вопроса.

О мерах общественного воздействия, примененных к лицам, совершившим административное правонарушение, Совет старейшин обязан сообщить в 10-дневный срок органу (должностному лицу), направившему материал.

Указанный перечень мер общественного воздействия является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Таким образом, как показывает практика применения культуры медиации, нет больше конфликтологических, юридических, философских и культурных проблем, существующих отдельно, которые можно было бы обсуждать в пределах одной дисциплины и в пределах одной специальной терминологии. Другими словами, соединить конфликтологию, философию права, культурологию в единую систему, эффективно регулирующую общение между людьми – это сложная задача. Однако на сегодняшний день необходимо разработать культуру применения медиации как модель социального поведения с целью выявления наиболее важных компонентов системы межкультурных коммуникаций и самые опасные взаимосвязи между ними. Именно культура мира на протяжении многих веков определяло национальные ориентиры нации, формировали и закрепляли ценностные ориентации, традиции и представления каждого народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная медиация востребована в обществе, в котором существует культура диалога, культура дискуссий, уважение к мнению и интересам оппонента. Важно, что социальная медиация отвергает парадигму революционных преобразований и не приемлет силовое решение проблем, обращена к принятию во внимание интересов сторон конфликта.

Культурологический подход показывает, что перспективны исследования в направлении необходимости несилового решения социальных конфликтов внутри стран и конфликтов между странами. Для этого необходимо осмысление подходов и методов, предлагаемых медиацией. На основе изучения культурфилософского анализа социального конфликта и социальной медиации в данной диссертационной работе сделаны следующие **выводы**:

1. В культуре жизнедеятельности людей конфликты представляли собой неизменный атрибут их существования на протяжении всей истории. Ретроспективный подход к исследованию наследия прошлого и достижений современных учёных о природе конфликтов, позволяет отметить, что как в прошлом, так и в настоящее время социальные конфликты имели и имеют довольно типичную форму возникновения и развития, включая «воронку конфликта», в которую в случае разрастания конфликта вовлекаются субъекты, первоначально не имевшие отношения к нему. Вследствие этого, особую актуальность приобретает не только поиск конкретных, практических вариантов или моделей по разрешению конфликтных ситуаций, но и теоретическое осмысление, создание социально-философской теории конфликта, которая в трудах казахстанских авторов, специализирующихся в этой области, практически отсутствует. Особое значение в этом случае имеет разработка таких фундаментальных вопросов теории конфликта, как проблема природы (сущности), оснований и генезиса конфликтов в обществе, а также выделение социальных и институциональных субъектов конфликтности, способность конфликта к участию в саморегуляции социальной системы. Это позволяет дать не только объяснение сущности и описание многообразных форм проявления конфликта в социальной жизнедеятельности, но и показать его роль в системных взаимосвязях, определяющих функционирование общественного организма.

Анализируя природу социального конфликта, его причины и механизмы возникновения, большинство исследователей исходят и опираются на идеи, ставшие классическими в области конфликтологии. В европейской культуре в соответствии со стандартом «война всех против всех», конфликт считается нормальным, естественным состоянием человека. Это обусловлено, во-первых, типом общества и характером самоутверждения традиционного индивидуалистского общества, во-вторых, представлением о свободе и природном равенстве людей, которые дают всем членам общества одинаковые возможности в реализации своих желаний и достижении жизненных целей. Движимые своей эгоистичностью, они вступают в неизбежную борьбу за удовлетворение всего комплекса возникающих у них потребностей. Государство

в этой ситуации должно урегулировать возникающие конфликты, создавая нормы права и гарантируя их исполнение.

Так же следует отметить, что при исследовании природы социальных конфликтов использование хронологических критериев оказывает относительную ограниченность. Критериями выражения ограниченности могут быть: 1. Констатация. 2. Понимание смыслов. 3. Определение причин конфликтов. 4. Сущность конфликтов. 5. Способы их урегулирования и разрешения.

Выходом из этого положения явилось обращение к культурологическому подходу.

2. Использование культурологического подхода позволило обнаружить, что усиление государственного влияния на разрешение различных жизненных коллизий посредством законодательно-правовой системы породило много проблем в самой данной системе.

Дело в том, что бюрократизм, формализм, косность судопроизводства обусловлено не только канцелярским отношением, но и тем, что всякое нарушение закона определялось как антиправовое, а всякое нарушение прав считалось антизаконным. Это представляло возможность каждому, кто считал себя обиженным, обращаться в суд с иском на своего реального или даже мнимого нарушителя его прав.

Соответственно, судебная система, оказавшаяся под обвалом множась потоком подобного рода заявлений, вынуждена была искать средства и способы для облегчения своей деятельности. Весьма эффективным выходом из этого положения стало обращение к медиации (посредничеству).

Следует отметить, что посредничество – это давний социальный институт. Ибо обращение конфликтующих сторон к посреднику или посредникам осуществлялось задолго до появления судов как органа государственного управления. Эти факты для теоретиков права были известны задолго до появления науки конфликтологии. Именно эти идеи и легли в основу использования медиации (посредничества) в судебно-правовой системе.

3. С момента распада Советского Союза Казахстан оказался вовлеченным в мировые глобализационные процессы. Поэтому молодому суверенному государству в условиях глобализации никак не избежать участи быть непосредственным участником в жёсткой конкурентной борьбе. Как известно, есть тенденция сопротивления национальных культур процессу глобализации. Глобализация становится испытанием для национальной и культурной идентичности. Основным средством преодоления возникающих при этом проблем выступает диалог и преемственность культур.

При этом следует отметить, что на культуру Казахстана большое влияние в своё время оказали культурные традиции целых народов, оказавшихся на его территории, зачастую даже и не по их собственной воле. Однако, практика показывает, что жизненная мудрость казахского народа позволила сочетать это культурное многообразие в бесконфликтной форме.

Процесс сочетания первоначально разнородных культурных традиций означает одновременно формирование общенационального подхода,

обеспечивающего поддержание всех значимых жизненных функций, включающих факторы интеграции и дифференциации, столь необходимых для успешной трансформации общества. В этой системе отношений создается взаимодействие различного рода компонентов и структур. В ней и достигается взаимная адаптация социальных, этнических, конфессиональных слоев, реализуется симбиоз разнородных структур, распределяются функции центра и периферии, формируется устойчивое региональное и местное самоуправление. Поиск объединяющих начал способствует укреплению нашей государственности. А базовой основой должно служить культурное наследие его прошлого.

4. Обращение к культурологическому подходу позволило раскрыть сущность посредничества в жизни казахского народа.

В докапиталистические эпохи люди, находившиеся в тесной взаимосвязи с природой, как, например, кочевники, не отделяли себя от нее. И эта природоподобность была естественной. Они считали себя ее составной частью. И даже вряд ли помышляли о том, чтобы возвыситься над нею. И если даже возникали случаи, по их мнению, несправедливого отношения к ним природы в виде всевозможного рода природных катаклизмов, то тогда уже зарождались идеи в поиске того, (как некой третьей силы), к кому можно было бы обратиться за помощью. И этой силой признавалось само Небо (Тенгри), как «высший представитель всех сил природы».

При решении менее масштабных конфликтогенных ситуаций, люди стали искать варианты решений, обращаясь к опыту своих, более пожилых, значит, и более опытных, окружающих их людей. Со временем, этот жизненно полезный опыт самих людей приобретает определенное социальное закрепление в виде сакрально значимых обычаев, традиций и т.п., которые являются для них ничем иным, как завещанием самих предков.

Многие требования данного формата социального нормирования в образе их жизни носили природосообразный характер. Особенно это можно проследить на примере ситуаций, связанных с угрозой жизни конкретных людей или даже их отдельных сообществ. Люди замечали, что жизнь в животном мире изобилует различного рода столкновениями, стычками, борьбой, несущими увечье и даже угрозу жизни соперникам. Но при этом проявляется как бы негласный закон природы, жизнь на земле не должна прерываться. Да, в мире животных господствует «власть силы». Но ее проявление по своему характеру, в определенной мере, «целерационально».

И подобного рода «целерациональностью» пронизано содержание норм обычного права. В силу своей жизненно сохраняющей нацеленности именно эти нормы и легли в основу формирования такого социального института, как посредничество.

Посредничество, как социальный институт в культуре кочевых народов, возникает в целях самосохранения наиболее оптимальных видов общественных взаимоотношений, формировавшихся под воздействием различного рода жизненных коллизий.

Многовековой опыт предков, трансформируясь в определенные социальные нормы, позволявший им выжить в постоянной жесткой борьбе за свое существование, сохранялся не только передаваясь из уст в уста. Одновременно с этим возникла необходимость в тех, кто мог, в случае необходимости, оказать своего рода «профессиональную» услугу в использовании этого опыта в каждом конкретном случае, заключавшем в себе социальную опасность. Их роль состояла в том, чтобы в формате аналогии, путем «рассуждения», довести до противоборствующих сторон не только степень угрозы возникшей ситуации, но и те демонстрируемые варианты мудрости предков, которые позволяли им с наименьшими потерями их преодолеть.

При этом объективно формировался тот набор требований, который предъявлялся к данной категории лиц, бравших на себя эту роль своеобразных посредников при решении большинства случаев жизненно опасных коллизий. Так формировался институт посредничества в лице мудрых аксакалов, совета старейшин, справедливых биев. Именно они через призму своей деятельности аккумулировали и передавали другим опыт предков. И народ шёл к ним за советом, где посредником выступало слово. Слово – основа формирования и жизнеспособности обычного права.

5. Казахстан, став независимым государством, избрал для себя путь следования западным стандартам, так как взят курс на формирование правового государства по западным лекалам и образцам. Это неминуемо привело к тому, что сама судебная система Казахстана столкнулась с теми же трудностями, с которыми столкнулась в своё время все Западное судопроизводство. Об этом наглядно свидетельствует то, что закон о медиации появляется только в 2011 году. А его появление было обусловлено задачами гуманизации уголовно-правовой системы.

При этом, очевидна необходимость дальнейшей разработки теоретических, методологических и прикладных знаний об источниках и закономерностях возникновения, развития и окончания конфликтов. Что, в свою очередь, обуславливает острую необходимость в разработке оптимально приемлемых стратегий, способов и приемов по предупреждению конфликтов и их конструктивному разрешению.

Заметим, что в Казахстане отсутствует конфликтологическая теория с должным учетом специфики и менталитета местного населения.

Кроме того, трансформацию общества и общественного сознания в современном Казахстане нужно признать незаконченной, более того, в социуме отсутствует консенсус по целям данного процесса. Современный социальный порядок в Казахстане можно определить, как гибридный, состоящий из отдельных элементов традиционного, индустриального и постиндустриального модерна обществ, что определяет специфику проявления в нем социальных конфликтов;

6. Становление и внедрение в жизнь таких относительно новых для казахстанского общества специальностей, как конфликтолог и медиатор, диктуется реальными потребностями времени. Следует отметить, зачастую определенная доля медиаторов считает себя конфликтологами. Что с

неизбежностью порождает вопрос о различии специфических профессиональных функций как конфликтолога, так и медиатора. А это уже сфера их профессионального обучения и требований к профессиональным стандартам.

Так подготовка медиаторов, даже на законодательном уровне, по-прежнему осуществляется без должной опоры на достижения науки конфликтологии. А наглядным подтверждением дальнейшей юридизации данной сферы может служить тот факт, что в 2018 году, и опять же в законодательном порядке, функции медиаторов были вменены судьям, нотариусам, адвокатам как примирителям-посредникам. А ведь судьи, нотариусы, адвокаты в своей профессиональной деятельности руководствуются законами государства, а отнюдь не нормами культуры жизни своего народа.

7. Главным критерием успешной трансформации и социальной стабильности общества является его способность институционализировать конфликты, а не стремление к их замалчиванию или ухода от их разрешения. Институциональная рамка создает возможность для функционального протекания конфликта, уменьшает его негативные проявления и последствия. В качестве действенного инструмента регулирования жизненно важных проблем в современном казахстанском обществе может служить институт посредничества, который создает общие правила поведения для всего социального пространства страны. При этом институт посредничества должен развиваться и вне правового поля, так как есть опасения, что посредничество будет ограничено только досудебной и вне судебной медиацией;

В Казахстане необходима своеобразная модель поведения в конфликтной ситуации, которая будет отличаться от западной модели тем, что, во-первых, основными нормами, на которые ориентируются люди в ходе конфликта, являются не только нормы права, но и нормы морали, требования обычаев и традиций, аккумулирующих в себе все богатство духовной культуры своего народа.

Во-вторых, в качестве третьего лица, посредника, могут быть задействованы не только представители закона, но и другие социальные институты, способствующие установлению социальной справедливости и обладающие необходимыми для этого нравственными, финансовыми или политическими ресурсами.

В работе рассматриваются некоторые важные аспекты культурфилософского понимания конфликта и его разрешения. При этом, данное диссертационное исследование, не претендуя на исчерпывающее решение всех возникающих при этом проблем, предлагает подход и видение, основанные на важности культурологического осмысления социального конфликта и социальной медиации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. - М.: Логос, 1998. – 392 с.
- 2 Рашковский Е.Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. - М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 376 с.
- 3 Петровская Л.А. О понятийно-схематической структуре социально-психологического анализа конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии: сб. ст. – М., 1977. – С. 126-143.
- 4 Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография. – М., 1996. – 143 с.
- 5 Банцекин Н.Б. Франкоканадская проблема и канадская федерация // В кн.: Современная внутренняя политика Канады. – М.: Наука, 1986. - С. 119-149.
- 6 Рубин Дж., Пруйт Д., Сунг К.Х. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. - СПб.: Прайм Евронанк, 2001. – 352 с.
- 7 Гриффин П.О., Могилевский М.И. Трудовые конфликты и порядок их разрешения. – Петроград: Губпрофсовет, 1924. – 24 с.
- 8 Соколов С.В. Социальная конфликтология: учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 327 с.
- 9 Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». - М., 1960. – 629 с.
- 10 Платон. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Мысль, 1998. – Т. 1. – 860 с.
- 11 Антология мировой философии / под ред. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1, ч. 1. – 576 с.
- 12 Гоббс Т. Избранные произв.: в 2 т. - М.: Мысль, 1964. – Т. 1. – 583 с.
- 13 Монтескье Ш. О духе законов / пер. с фр. – СПб., 1900. – 706 с.
- 14 Энциклопедия мудрости. – М.: РОСССА, 2007. – 814 с.
- 15 Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
- 16 Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
- 17 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - М.: Канон, 1996. – 432 с.
- 18 Басов Р.А. История древнегреческой философии от Фалеса до Аристотеля. - М.: Летопись XXI, 2002. – 418 с.
- 19 Электронный словарь «Мерриам-Вебстер» // <http://www.merriam-webster.com/dictionary/image>. 25.02.2018.
- 20 Всемирная энциклопедия: философия / сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, 2001. – 1312 с.
- 21 Словарь иностранных слов и выражений / под ред. Е.С. Зеновича. – М.: Олимп: АСТ, 1998. – 608 с.
- 22 Борисов А.Б. Большой экономический словарь: более 20000 терминов и определений. – Изд. 2-е, перер. и доп. – М.: Книжный мир, 1999. – 895 с.
- 23 Политическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. Г.Ю. Семигина. – М.: Мысль, 1999. – 701 с.

- 24 Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
- 25 Конфликты в современной России: пробл. анализа и регулирования / под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 343 с.
- 26 Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 261 с.
- 27 Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. – Р-на-Д.: Феникс, 1992. – 448 с.
- 28 Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Гардарика, 2001. – 320 с.
- 29 Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: матер. 2-го Санкт-Петербургского междунар. конгресса конфликтологов / под ред. А.В. Алейникова. – СПб., 2014. – 438 с.
- 30 Дольник В. Homo militaris. Статья первая // Знание-сила. – 1994. - №1. – С. 127-138.
- 31 Ролз Дж. Теория справедливости. – Ч. 1, гл. 1 // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642/6643#t10>. 12.04.2015.
- 32 Фролов С.Ф. Социология: сотрудничество и конфликты. - М.: Юристъ, 1997. – 240 с.
- 33 Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. - М., 1992. – 704 с.
- 34 Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание - конфликт! – Новосибирск: Наука, 1989. – 189 с.
- 35 Бейсенова Г.А. Проблемы глобализации и идентичности: учебное пособие. – Алматы: Print-S, 2009. – 204 с.
- 36 Бек У. Общества риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- 37 Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
- 38 Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век: энциклопедия. – М.: Юрист, 1995. – 703 с.
- 39 Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2000. - 208 с.
- 40 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт / пер. с нем. - М.: РОССПЭН, 2002. – 284 с.
- 41 Боулдинг К.Э. Общая теория систем - скелет науки // Исследования по общей теории систем: сб. перев. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.
- 42 Степанов Е.И. Современная конфликтология: Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов: учеб. пос. - М.: Издательство ЛКИ, 2015. – 176 с.
- 43 Ионин Л.Г. Модернизация культуры и конфликт ценностей. - М., 1995. – 362 с.
- 44 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – №1. – С. 33-48.
- 45 Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика (перевод с англ. и нем. С.В. Соколовского). - Москва, ТАСИС, 2004. – 201 с.

- 46 Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер с англ. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с.
- 47 Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Алгоритм, 2003. – 416 с.
- 48 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и созидание благосостояния // В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1997. – 732 с.
- 49 Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. - М., 2000. – Т. 2. – 798 с.
- 50 Сорокин П.А. Социодинамика культуры // В кн.: Человек. Цивилизация. Общество. - М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
- 51 Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 204 с.
- 52 Кроче Б. О так называемых суждениях ценности // Логос: междунар. ежегодник по философии культуры. - М.: Мусагет, 1910. - Кн. 2. – 297 с.
- 53 Кант И. Сочинение: в 6 т. – М., 1964. – Т. 4. – 544 с.
- 54 Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. - М., 2007. – 736 с.
- 55 Дмитриев А.В. Исследовательская парадигма социального конфликта. // Современная конфликтология в контексте культуры мира: матер. 1-го междунар. конгресса конфликтологов- М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 18-24.
- 56 Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.
- 57 Климов А. Внешнеполитические аспекты культурного лидерства в глобальном мире // Международная жизнь. - 2017. – №6. – С. 114-123.
- 58 Исмагамбетова З.Н., Карабаева А.Г. Проблема идентичности и толерантности в условиях модернизации казахстанского общества // Вестник калмыцкого университета. – 2016. – №1. – С. 98-103.
- 59 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
- 60 Уткин А.И. Единственная сверхдержава. – М., 2003. - 573 с.
- 61 Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72, №3. – P. 22-49.
- 62 Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.
- 63 Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. - М.: Прогресс, 1995. – 592 с.
- 64 Гостев А. Безжалостная кувалда джихада // <http://www.svoboda.org/content/article/27039151.html>. 27.05.2015.
- 65 Лебедева М.М. Мировая политика. - М., 2003. – 256 с.
- 66 Васецова Е.С. Исламское государство как шаг на пути к конфликту цивилизаций // Век глобализации. – 2016. – №1-2. – С. 96-101.
- 67 Григорьев Н.И. Методические материалы тренера-медиатора в области межэтнических и межконфессиональных конфликтов: углубленный курс. - М.: ООО «Печатай просто», 2017. - 240 с.
- 68 Эриксон Э.Г. Детство и общество / пер. с англ. – СПб.: Лет. сад, 2000. – 415 с.

- 69 Юнг К. Красная книга. Liber Novus. – М.: Клуб Касталия, 2011. – 406 с.
- 70 Паунд Р. Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия // Суд. АРС. Медиация: сб. ст. – М.: ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. – 141 с.
- 71 Сандер Э.А.Ф. О различных способах рассмотрения споров // Суд. АРС. Медиация: сб. ст. – М.: ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. – 141 с.
- 72 Levi-Strauss K. Structural Anthropology. – NY.: Basic book. 1963. - 410 p.
- 73 Яркова Е.Н. Медиация и нравственная культура общества // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. Рос. акад. наук. – 2018. - Т. 18, №2. – С. 40-54.
- 74 Головки Л.В. Медиация - понять, принять и применять // Вестник Арбитражного суда города Москвы. - 2008. – №5. – С. 28-30.
- 75 Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: матер. для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. – Изд. 3-е. / под ред. А.Н. Чудинова. – СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1910. - 676 с.
- 76 Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. - 5140 с.
- 77 Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губский и др. - М.: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
- 78 Энциклопедия социологии. - 2009 // <http://dic.academic.ru/dicnsf/socio/3105/>. 09.02.2016.
- 79 Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. – М.: Академия, 2008. – 771 с.
- 80 Батурин В.С. Деятельность в контексте методологического дискурса: сб. избр. науч. тр. – Караганда: ИП «Марченко Г.Г.», 2017. – 345 с.
- 81 Коломытцева В.В. Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник ТГУ. – 2013. – №2(118). - С. 268-272.
- 82 Бернанд К. Механизм, отлаженный за 20 лет: медиация в Федеральном апелляционном суде девятого федерального округа США // Медиация и право. - 2010. – №2. – С. 64-69.
- 83 Леннуар Н.Н. Альтернативное разрешение споров: переговоры и медиация. - СПб., 2004. – 100 с.
- 84 Шихирев П.Н. Функции, роли и возможности третьей стороны в конфликте // Современная конфликтология в контексте культуры мира: матер. 1-го междунар. конгресса конфликтологов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 59-70.
- 85 Дронзина Т.А. Медиация: учеб. -метод. пос. – Астана, 2015. – 320 с.
- 86 Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник СПбГУ. - 2019. – Т. 16, вып. 2. – С.245-256.
- 87 Рукавишников В.О. Социальная напряжённость // Диалог. - 1990. – №8. – С. 8-12.
- 88 Особенности социокультурного конфликта // <https://studall.org/all3-126555.html>. 20.07.2019.

- 89 Абсаттаров М.Р. Казахский этнос: на перекрестке истории // Евразийское сообщество. – 1995. – №11-12. – С. 11.
- 90 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 24. – 566 с.
- 91 Шайкемелев М.С. Казахская идентичность: монография. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 272 с.
- 92 Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. – Алматы: Атамұра, 2003. – 312 с.
- 93 Сегизбаев О.А. Казахская философия XV – начала XX века. – Алматы: Гылым, 1996. – 472 с.
- 94 Взаимовлияние тюркской и европейской культур: ретроспективный дискурс [Текст] / Д. С. Раев, М.Б. Сарсенов // ҚазҰУ хабаршысы. Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия философия, культурология, политология. - 2017. - №2. - С. 128-134.
- 95 Айталы А. Нация и Религия – Основы Независимости: статьи и интервью. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2013. – 328 с.
- 96 Сатпаев Д. Деформация вертикали. От «анонимных империй» до антилобби. – Алматы, 2019. – 556 с.
- 97 Есим Г. Философия независимости. – Алматы: Білім, 2011. – 384 с.
- 98 Ордабаев С. Проект договора ЕАЭС учитывает национальные интересы Казахстана // <https://strategy2050.kz/ru/news/9060/> 21.08.2018.
- 99 Межэтнические конфликты в Казахстане // <http://turkistan.ru/kul-tura-i-traditsii/naselenie-kazahstana/mezhetnicheskie-konflikty>. 15.03.2018.
- 100 Садыков Н. Казахстан и мир: социокультурная трансформация. – Астана: Елорда, 2001. - 280 с.
- 101 Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 296 с.
- 102 Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
- 103 Религиозный конфликт и религиозная ситуация в современной России // <https://studopedya.ru/2-44661.html>. 9.05.2019.
- 104 Касымов К. История реформ, достижений и неудач главного полицейского Казахстана // <https://informburo.kz/stati/Kalmuhanbet-kasymov-istoriya-reform-dostizheniy-i-neudach-glavnogo-policeyskogo>. 16.11.2017.
- 105 В Казахстане за четыре года предотвратили 30 терактов // <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-za-chetyre-goda-predotvratili>. 7.06.2019.
- 106 Анисимов О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. – М.: Экономика, 1991. – 352 с.
- 107 Зиманов С.З. Суд биев – уникальная судебная система. – Алматы, 2009. – 233 с.
- 108 Карнозова Л.М. Научно-теоретический семинар «Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов» // Тр. института государства и права Российской академии наук. – 2014. – №3. – С.160-166.
- 109 Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. - М., 2013. – 232 с.

- 110 Оразбаева А. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа // Саясат. – 1997. – №5. – С. 99-103.
- 111 Оразбекова С.А. Қазақ даласындағы билер институтының пайда болуы мен қалыптасуы // ҚазҰУ хабаршысы. – 2008. – №3(47). – Б. 135-137.
- 112 Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // В кн.: Право в зеркале жизни: исслед. по юридической антропологии. – М.: Стратегия, 2006. – С. 164-175.
- 113 Зиманов С.З. Общественный строй *казахов* в первой половине XIX века. - Алматы: Арыс, 2009. – 400 с.
- 114 Әлдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі – XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы саяси-құқықтық қалыптасуы және дамуының тарихи-теориялық мәселелері. 12.00.01: автореф. ... заң ғыл. док. қорғалды. – Астана, 2010. – 42 б.
- 115 Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. – 1995. – №4. – С. 24-25.
- 116 Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.). - М., 2016. – 553 с.
- 117 Оразбаева А.И. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы тән билер институты. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 206 б.
- 118 Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Мысль. – 1999. – №6. – С. 78-84.
- 119 Кузембайулы А., Абиля Е. История Казахстана: учебник для вузов. – Изд. 7-е. – СПб.: Соларт, 2004. – 420 с.
- 120 Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 647 с.
- 121 Античная философия: энциклопед. словарь / Российская акад. наук. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 895 с.
- 122 Тараканов П.С. Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. - М.: Эксмо, 2004. - 896 с.
- 123 Батурин В.С. Социальная деятельность: природа, сущность, стратегия организации. - Караганда, 2002. - 322 с.
- 124 Еламанов К. Билердің құрылымдық жүйесі: Шаңырақ пен Пырақ. - Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 176 б.
- 125 Хайдаров Б.Б. Би билігінің танылуының заңи қыры // ҚазҰУ хабаршысы. – 2008. – №4(28). – Б. 189-193.
- 126 Абдуллаев Б. Көшпелі қазақ қоғамындағы құқықтың қалыптасып дамуы // Әділ сот. – 2009. – №6. – Б. 27-29.
- 127 Тарих өткелдеріндегі Төле би / құраст. Ә.А. Кембаев. - Алматы: Өнер, 2010. – 272 б.
- 128 Дауталиев К.Н. Институт отправления правосудия «Бала би» в раннем возрасте в традиционном казахском праве // Право и государство: Теория и практика. – 2013. – №4. – С. 129-133.

- 129 Медиация в мифах по Клоду Леви-Строссу // <http://vikent.ru/enc/1818/>. 02.07.2018.
- 130 Зиманов С. Казахский суд – общекультурологическая ценность. – Алматы: Арыс, 2009. – 408 с.
- 131 Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. – 2008. – №4(81). – С. 51-58.
- 132 Абжанов Х. Қожаберген жырау и историческая мысль // Мысль. – 2013. – №4. – С. 52-57.
- 133 Әлдибеков Ж.С. Қазақстан Республикасы мемлекет және құқық тарихы (дәрістер жинағы). - Алматы: Жеті жарғы. 2012. - 200 б.
- 134 Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. - Караганда: Полиграфия, 1991. – 330 с.
- 135 Степной закон: обычное право казахов, киргизов и туркмен / сост. А.А. Никишенков; под ред. Ю.И. Семенова. - М.: Старый сад, 2000. – 288 с.
- 136 Баталов М., Сильченко М. Очерки по казахскому фольклору и казахской литературы. - Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1933. – 96 с.
- 137 Материалы для изучения юридических обычаев киргизов / сост. П.Е. Маковецкий. - Омск: Тип. Окружного Штаба, 1886. – Вып. 1. - 88 с.
- 138 Баяндаров М.Т. Судебно-правовая реформа 1898 года в Казахстане и суд биев // Саясат. – 1998. – № 4. С. 83-89.
- 139 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / под ред. С.Г. Агаджанова и др. - М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.
- 140 Попова Л.Ф. Обычное право, как фактор этнического самосознания казахов XIX века // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: тез докл. - СПб. МАЭ РАН, 2002. – С. 37-39.
- 141 Өзбекұлы С. Көшпелі қазақ өркениетіндегі құқық: Монография. - Алматы: Мектеп, 2002. – 224 б.
- 142 Трепавлов В.В., Бекмаханова Н.Е. и др. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия: монография. - М.: Наука, 2003. – 376 с.
- 143 Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // В кн.: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. - М.: Наука, 2003. – С. 21-82.
- 144 Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Присоединение казахских племен к Российской империи и административные реформы в XVIII – середине XIX в. // В кн.: Центральная Азия в составе Российской империи. - М., 2008. – 464 с.
- 145 Быков А.Ю. Проблема седентаризации в политике России в Казахстане XVIII – начала XX в: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2001. – 25 с.
- 146 Баяндаров М.Т. Основные черты и особенности судебно-правовой реформы 1898 года в Казахстане: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. - Алматы, 2001. – 150 с.

- 147 Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-е гг. XIX в. - Омск, 2005. – 240 с.
- 148 Брусина О.И. Русское население Средней Азии до и после распада СССР // Среда и культура в условиях общественных трансформаций: сб. ст. - М., 1995. – С. 148-158.
- 149 Брусина О.И. Почему Николай I боялся легитимировать казахские адаты // <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1340000580>. 01.07.2018.
- 150 Брусина О.И. Контроль русской администрации над судами по адату // <http://central-eurasia.com/central-asia/?uid=1502>. 01.07.2018.
- 151 Андабеков Ш. Билердің төтенше съезі: оның құрылымы мен билік шешімдері: 12.00.01: заң ғыл. канд. .... автореф. – Алматы, 1995. – 24 с.
- 152 Ерменбаева Г.К. Социально-исторические преобразования органов местной власти (на примере казахов Оренбургского ведомства в 20-60-х годах XIX века): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2006. – 32 с.
- 153 Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. - Астана, 2006. – 267 с.
- 154 Алимбаева Б.Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII-XIX веках: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Оренбург, 2008. – 196 с.
- 155 Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. - Караганда: Гласир, 2010. – 242 с.
- 156 Васильев Д.В. Центральная Азия во внутренней политике царского правительства // В кн.: Центральная Азия в составе Российской империи. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
- 157 Колдыбаева С. Российско-казахские связи в развитии правовых систем в казахской степи в XIX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XIX вв.): матер. 2-й междунар. конф. - Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – С. 51-52.
- 158 Салиев А.Л. О планах царской власти по упразднению народных судов кочевого населения Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. - 2014. – Т. 14, №3. – С. 62-65.
- 159 Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917-1937 гг.). - Алматы: Гылым, 1993. – 143 с.
- 160 Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. - 2006. – №4. – С. 63-77.
- 161 Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты // Вестник Евразии. - 2008. – №2. – С. 45-65.
- 162 Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. – Караганда, 2006 – 372 с.
- 163 Шакиров С.Е. О проблемах медиации в Казахстане. Инновации в науке / Научный журнал - №4(80). Новосибирск: Изд.АНС «СибАК», 2018. 64с. – С. 50-53.
- 164 Шакиров С.Е. О развитии конфликтологии в Республики Казахстан. // Вестник Казахского Национального Университета. Серия философии,

культурологии и политологии № 4(66). Алматы. «Қазақ университеті», 2018. - С. 96-108.

165 Шакиров С.Е. К вопросу о возрождении традиционной внесудебной практики примирения в Казахстане. / Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований. Институт политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. №4(64). Алматы. 2018. - С.56-68.

166 Закон Республики Казахстан О медиации: принят 28 января 2011 года, №401-IV. (с изм. и доп. по состоянию на 10.2015 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376. 14.09.2018.

167 Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза. О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах: утв. 21 мая 2008 года, №2008/52/ЕС // http://mosmediator.narod.ru/direktiva_200852_es_evropeiskogo_parlamenta_i_. 26.08.2019.

168 Шакиров С.Е., Дронзина Т.А. Медиация как новый фактор развития модернизации общественного сознания. // Вестник КарГУ. Серия «История. Философия». № 1 (93) 2019. Караганды. С. 122-128.

169 Батурин В.С., Шакиров С.Е. Religious Terrorism in the Context of Conflictological Discourse. / Sociological Problem SpecialIssue 2. 2019. 443с. – С. 344-372.

170 Батурин В.С., Есім F., Шакиров С.Е. Regional Conflicts As An Attribute of Global Instability. / Journalof Security andSustainability ISSUES ISSN 2029-7017 print/ISSN 2029-7025 online 2019 SeptemberVolume 9 Number 1 <http://doi.org/10.9770/jssi.2019.9.1> (1)

171 Шакиров С.Е. Природа проявления конфликтогенности в жизни казахстанского общества. / Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований. Институт политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. № 1 (69) Алматы. 2020. - С. 108-117.

172 Шакиров С.Е. Суд биев как институт посредничества в культуре казахского народа. / Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского Международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15-16 ноября 2019г. – СПб. Фонд развития конфликтологии, 2019. – 414с. – С. 390-392.

173 Лисицын В.В. Медиация – универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России: научный очерк: история и современность. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 134 с.

174 Досье на проект Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (октябрь 2015 года) // <https://online.zakon.kz/>. 12.07.2019.

175 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят 4 июля 2014 года, №231-V (с изм. и доп. по состоянию на 25.05.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852. 12.07.2017.

176 Власова Л.В. Судебное примирение в хозяйственном процессе Беларуси // Третьейский суд. – 2 013. – №2(86). – С. 152-157.

177 Кодекс Республики Казахстан. О браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, №518-IV (с изм. и доп. по состоянию на 27.12.2019 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31102748. 21.01.2020.

178 Трудовой кодекс Республики Казахстан: принят 23 ноября 2015 года, №414-V (с изм. и доп. по состоянию на 13.05.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38910832. 21.05.2020.

179 Кодекс Республики Казахстан. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс): принят 25 декабря 2017 года, №120-VI (с изм. и доп. по состоянию на 30.05.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36148637. 02.06.2020.

180 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изм. и доп. по состоянию на 23.03.2019 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029#pos=85;-56. 19.04.2019.

181 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: принят 5 июля 2014 года, №235-V (с изм. и доп. по состоянию на 12.06.2020 г.) // <https://online.zakon.kz/>. 09.07.2020.

182 Федеральный закон России. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): принят 27 июля 2010 года, №193-ФЗ (с изм. на 26 июля 2019 года) // <http://docs.cntd.ru/document/902228094>. 11.10.2019.

183 Европейский кодекс поведения // <европейский-кодексы-поведения-для-медиаторов.pdf>. 04.01.2019.

184 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия: принят 31 октября 2015 года, №378-V // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33968956. 12.07.2018.

185 Закон Республики Казахстан. О нотариате: принят 14 июля 1997 года, №155-I (с изм. и доп. по состоянию на 21.01.2019 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008028. 19.02.2019.

186 Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки... // <adilet.zan.kz/rus/docs/P1100000770>копия. 10.03.2018.

187 Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года, №226-V (с изм. и доп. по состоянию на 25.05.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252. 14.06.2020.

188 Ахметова Л.С. Конфликтология: учеб. пособие. – Алматы: Нур, 2003. – 119 с.